

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

РОССИЯ
И
ЕВРОПА
В XIX-XX ВЕКАХ

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ
НАРОДОВ, СОЦИУМОВ, КУЛЬТУР**

Сборник
научных трудов

МОСКВА
1996

042(02)I

Авторский коллектив:

к.и.н. Е.Ю.АРТЕМОВА, к.филол.н. А.Ю.БОЛЬШАКОВА, д.и.н.
Т.Н.ГЕЛЛА, к.и.н. А.В.ГОЛУБЕВ, О.В.ЗАИЧЕНКО, д.и.н.
А.В.КВАКИН, к.и.н. Л.Н.МЦЫК, к.и.н. В.А.НЕВЕЖИН, к.и.н.
А.В.ПАВЛОВСКАЯ, К.М.ПЕРВУХИНА, О.А.ПОТАПЕНКО, к.и.н. Е.В.РУ-
ДАЯ, к.и.н. Н.В.САМОШИНА, к.и.н. А.Ю.САРАН, к.и.н. Е.С.СЕ-
НЯВСКАЯ, к.и.н. Е.Ю.СЕРГЕЕВ, И.Г.ЯКОВЕНКО

Ответственный редактор:

к.и.н. А.В.ГОЛУБЕВ

Редакционная коллегия:

д.и.н. Ю.С.БОРИСОВ, М.М.КУДЮКИНА, к.и.н. В.А.НЕВЕЖИН

Научно-вспомогательная работа выполнена М.М.КУДЮКИНОЙ,
К.М.ПЕРВУХИНОЙ

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН
ЛР № 020768 от 15.04.93.

Подписано к печати 08.10.96. Формат 60x84/16. Заказ № 37
Тираж 300 экз. 14,25 п.л. 11,51 уч.-изд.л. Цена договорная.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19

ISBN 5-201-00643-4

© Институт российской истории
РАН, 1996 г.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из устойчивых черт и российской культуры в целом, и политической культуры является внутреннее противопоставление себя Западу. Истоки этого коренятся в геополитических реалиях, особенностях развития страны, логике "догоняющего" варианта модернизации и т.д.

Вместе с тем Россия всегда составляла часть европейской цивилизации, хотя и весьма самобытную, и внутри русского общества никогда не умирала тенденция к сближению с Западом. Сейчас, в обстановке современного кризиса, эта тенденция усилилась и возникла реальная альтернатива: либо Россия, может быть, ценой потери своей исторической самобытности, полностью примет основные ценности европейской цивилизации, либо в стране победит, неважно в какой форме, историческая инерция, и в этом случае мир обречен на новый виток исторического противостояния с непредсказуемыми последствиями, либо, наконец, Россия найдет формы конструктивного сосуществования с Западом.

Очевидно, что третья альтернатива является предпочтительной, но ее реализация затруднена и наличием объективных противоречий национальных интересов России и ее западных соседей, и существующим на Западе непониманием происходящего в России, и существенными различиями культур.

Отсюда — необходимость широкого исследования проблемы взаимовосприятия России и Запада, прежде всего — в конкретно-историческом плане. Однако в отечественной историографии эта проблема, находящаяся на стыке истории, культурологии, социальной психологии исследована слабо. Лишь в последнее время появляются отдельные работы, посвященные механизмам формирования внешнеполитических образов и стереотипов¹. Вместе с тем на Западе эта проблема изучается, причем очень интенсивно, в течение по крайней мере четырех-пяти десятилетий².

Сравнительно недавно вышли первые работы российских историков, целиком посвященные данной проблематике³. Их характерным отличием является внимание не столько к отдель-

ным личностям, сколько к образам иной культуры, сложившимся в массовом сознании или в сознании значительных общественных слоев. Появились работы, для написания которых объединяются российские и зарубежные ученые⁴. На Западе интерес к конкретно-историческому изучению этой проблемы за последние годы также заметно вырос⁵.

Лучше всего, пожалуй, исследована (прежде всего усилиями американских ученых) проблема взаимовосприятия России и США⁶. Это объясняется в первую очередь дуалистическим характером системы международных отношений, сложившейся после Второй мировой войны, особым вниманием "сверхдержав" друг к другу. Но и тут существуют широкие возможности для дальнейшего изучения.

В последние годы многие исследователи с разных сторон подходят к изучению "диалога культур", как часто определяют эту совокупность явлений и процессов. Созданы междисциплинарные семинары при Российском государственном гуманитарном университете и Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. В Институте российской истории сформирована группа по изучению международных культурных связей России, которая в январе 1994 г. провела "круглый стол" на тему "Россия и Европа в XIX-XX веках: проблемы восприятия иной культуры", материалы которого и легли в основу настоящих очерков.

На этом этапе, когда нет еще достаточного количества монографических исследований, авторы очерков не ставили перед собой цель создания обобщающего труда. Их задача была скромней - наметить новые подходы и пути исследования, не только в культурологическом, историсофском плане, но в первую очередь в плане конкретно-историческом, а также попытаться осветить отдельные аспекты общей многогранной проблемы взаимовосприятия культур. В какой степени это удалось - судить читателям.

Очерки, вошедшие в сборник, зачастую носят дискуссионный характер, лишь "в первом приближении" ставят ту или иную крупную проблему. Точки зрения авторов иногда сближа-

ются, иногда же заметно расходятся. Тем не менее в целом выявилась общность основных подходов и сама постановка проблемы получила поддержку всех участников "круглого стола" и всего авторского коллектива.

В центре обсуждения был ряд крупных проблем, и это же определяло структуру данной книги. На первое место выдвинулась сложная, многократно проанализированная, и все же далекая от разрешения проблема "Россия и Европа". Как общим, так и частным аспектам этой темы были посвящены очерки, составившие первый раздел.

Проблема, которой посвящен второй раздел, в данном виде ставится в отечественной историографии впервые. Представления, образы, стереотипы внешнего мира играли и играют большую роль не только в истории общественного сознания или в процессе культурного взаимодействия. В критических ситуациях они могут весьма значительно повлиять на выбор тех или иных политических решений. Если на Западе эта проблематика изучается и давно, и весьма углубленно, на российском материале она практически не анализировалась. В центре внимания авторов очерков различные факторы формирования внешнеполитических стереотипов - и действие официальной пропаганды, и те или иные культурные традиции, и механизмы, регулирующие массовое сознание.

Третий раздел посвящен подробному анализу одного частного аспекта проблемы - анализу взаимовосприятия на протяжении двух столетий культур России и Великобритании. Конечно, термин "культура" в данном случае может применяться только в самом широком смысле - он включает и собственно культуру, и образ жизни, и менталитет, и политическую систему данного социума. Ряд очерков, охватывающих различные периоды в истории российско-английских контактов, показывает не только частные проявления, но и диалектику взаимовосприятия двух столь отличных друг от друга обществ, расположенных соответственно на востоке и на западе Европы и не менее далеких друг от друга во многих отношениях.

Изучение процесса взаимовосприятия культур ставит

перед исследователем целый ряд частных и общих, в том числе методологических проблем. Есть трудности и с источниковой базой. Речь идет не о нехватке источников, напротив, их, по крайней мере по двум последним столетиям, огромное количество. Нет источников компактных, богатейшая информация рассеяна по публицистической и мемуарной литературе, прессе, откладывается в личных фондах архивов, в фондах общественных организаций, средств массовой информации, наконец, в архивах государственных учреждений, связанных с формированием внешнеполитических представлений.

Тем не менее совместными усилиями не только историков, но и культурологов, филологов, философов эти трудности можно преодолеть. Редакционная коллегия надеется, что публикация книги привлечет внимание исследователей к проблеме взаимовосприятия и диалога культур и окажется интересной и полезной не только для специалистов, но для всех интересующихся историей культуры.

-
- 1 Височина Е. К проблеме диалога культур и роли искусства в этом процессе // Искусство и искусствознание на пути преодоления мифов и стереотипов. М., 1990; Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 12; Зак Л.А. Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М., 1976; Чугров С.В. Идеологемы и внешнеполитическое сознание // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 2; и др.
 - 2 Подробную библиографию см.: Зак Л.А. Ук. соч.
 - 3 Восприятие русской литературы за рубежом. XX век. Л., 1990; Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853. М., 1982; Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре XVIII-XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991; и др.
 - 4 Bashkirova E., Raittila P. Neighbour Images in Finland & the Soviet Union. A comparative study. Tampere, 1988.
 - 5 Особое место здесь занимает так называемый "проект Копелева", посвященный исследованию представлений русских и немцев друг о друге на протяжении более чем десяти столетий. См. рецензию на первые две книги, охватывающие IX-XVII века: Дмитриев М.В., Пушкарева Н.Л. Русские

и немцы: представления друг о друге // Вопросы истории. 1991. № 6.

- 6 Взаимодействие культур СССР и США ХУП-ХХ вв. М., 1987; Уткин А.И. Внешняя политика СССР глазами американской элиты // США: экономика, политика, идеология. 1989. № 5; Александр Ч.С. "Дядя Джо": образ Сталина в период наивысшего развития антигитлеровской коалиции // Американский ежегодник. 1989. М., 1990; Allen R.U. Russia looks at America. The view to 1917. Wash., 1988; America through Russian Eyes. 1874-1926. New Haven, 1988; Barghoorn F.C. The Soviet Image of the United States. A Study in Distortion. N.Y., 1969; Bell W. Images of the United States & Soviet Union held by American Elite Groups // World Politics. 1960. January; Bron U. The Mirror-Image in Soviet-American Relations: A Social Psychological Report // Journal of Social Issues. 1961. Vol. XVII. № 3; Cohen S.F. Sovieticus: American Perceptions & Soviet Realities. N.Y., 1985; Strakhovsky L.I. American Opinion About Russia 1917-1920. Toronto, 1961; Walsh W. What the American People think of Russia // Public Opinion Quarterly. Vol. VIII. Winter 1944; etc.

1. РОССИЯ И ЕВРОПА: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСПРИЯТИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

И. Г. Яковенко

РОССИЯ И ЗАПАД: ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

При том, что на первый взгляд проблема "Россия и Европа" представляется достаточно освоенной, по крайней мере публицистической мыслью, и имеет устойчивую традицию, общая тема, положенная в основание данной работы, привлекает своей нетронутостью. Восприятие иного, инокультурного — одна из сложнейших проблем, исследуемых в рамках философского, культурологического, психологического знания. Обращаясь к проблемам герменевтики, культурного диалога, исследуя специфику понимания инокультурного материала, научная мысль идет по пути выделения оснований этой специфической деятельности. При этом проявляются чрезвычайно важные аспекты восприятия и понимания иноприродного, которые остаются за пределами сознания субъекта культурного процесса и не схватываются на уровне здравого смысла. Для того, чтобы подойти к заявленной нами проблеме, необходимо проследить и выделить целый ряд существенных моментов, опустив которые, мы рискуем потерять самое интересное и остаться на уровне тривиальных рассуждений.

Восприятие и понимание, т. е. интерпретация иного (а восприятие неотделимо от интерпретации; то, что не поддается интерпретации, не схватывается сознанием) — сложный и целостный культурный акт, имеющий множество измерений. Для того, чтобы приблизиться к постижению его, необходима цепь предварительных рассуждений. История свидетельствует: культуры как целое — вполне инертные системы, которым свойственно минимизировать познавательные усилия.

* Данная статья подготовлена в рамках исследовательского проекта "Цивилизационная специфика России и внешнеполитические традиции советской эпохи". Грант предоставлен Российским гуманитарным научным фондом.

Грубо говоря, народы познают лишь то, без чего никак не обойтись. По поводу всего остального массовое сознание довольствуется безбожно примитивными мифами и созданиями народной фантазии. Почему, собственно, российское общество должно было воспринимать и соотносить себя каким-то образом с Европой? Короткий ответ будет таким: российское общество было поставлено перед необходимостью восприятия Европы, однако одной фразы здесь явно недостаточно.

Сегодня роль конфессии как фундаментального фактора, задающего тип цивилизации, признана и осознается. Начиная с осевого времени, т.е. эпохи становления мировых религий, конфессиональная идея становится формообразующей силой, определяющей природу культуры. Однако, это лишь один момент исторической диалектики. Второй состоит в том, что само возникновение и оформление серьезной мировой религии оказывается проявлением цивилизационного синтеза крупного этнокультурного региона. Конфессия, как и крупная идеология, является фундаментальной формой цивилизационного синтеза. В ходе такого синтеза локальные сообщества — народы, племена, объединенные некоторым сущностным единством, интегрируют глубинные черты культуры, общие для всех основы мирозерцания, сжимая их в особое конфессиональное ядро. Концепция Творца есть особая и важнейшая форма саморефлексии, самообнаружения широкой ментальной и психологической общности. Сложившись, конфессия начинает жить, расширяясь до естественных границ культурного круга, т.е. доходит до тех пределов, за которыми доминирует иное мироощущение и другие цивилизационные доминанты.

Католицизм и православие, сложившиеся во второй половине первого тысячелетия как самостоятельные конфессии, явились результатом цивилизационного синтеза двух культурных кругов — Запада и Востока христианской ойкумены. Последующая тысячелетняя история, реформация, османское завоевание южных славян усложнили эту картину. Но, тем не менее, граница между православием, с одной стороны, и католическим и протестантским миром — с другой, разделяет две различающиеся сущности: западно- и восточноевропейскую цивилизации.

Крещение Руси по православному обряду задавало цивилизационную принадлежность, и вместе с тем исторические судьбы молодого народа. Само крещение было следствием широких контактов с Византией и, хотя и диктовалось геополитической логикой, свидетельствовало о принципиальной совместимости доминирующих ментальных и психологических структур янчской Руси с православием. С окончательным утверждением монотеизма этот народ как бы переходит из аморфного в кристаллическое состояние, „твердеет“ в некотором качестве, которое определяет все его последующее развитие. Православие определило собой и этно-географическую стрелу развития русской истории. Ориентация на черноморский бассейн выводила Русь к активному соприкосновению со степью и задавала географическую доминанту русской истории — устремление в Азию. Этнос и его культура формировались в постоянной ассимиляции угрофинских и степных, туранских элементов. В XIII в., с началом татарских завоеваний, напряженное противостояние Западу и ассимилятивная открытость Востоку превращаются в устойчивую характеристику русской этнокультурной общности. Избрание этой позиции — еще один исторический выбор Руси, следующий за принятием православия. Он связан, в частности, с именем князя Александра Невского. По этому пути пошла та часть Руси, которая стала Россией. Альтернативный исторический выбор наиболее наглядно и конструктивно реализовал Даниил Галицкий, предложивший папе унию в обмен на помощь в борьбе с татарами. В выборе князя Даниила лежат истоки Украины.

В XIV в. складываются основные черты русской этнокультурной общности, определяются сюжетные линии национальной истории. Стержнем этой общности было православие. Специфика православия как цивилизационного фактора — тема специального исследования. Скажем только, что, на наш взгляд, Византия создала самую азиатскую из возможных версий христианства. Изначально присущее христианскому учению личностное начало растворяется в тотальной нерасчлененности дуалистически-апофатического мироощущения, а динамическая

доминанта подавлена такими духовными началами Востока, как представления о цикличности развития и т.п.

Историческая диалектика Запада и Востока иллюстрирует итоги двух путей культурного синтеза. В VI-VII вв. Восток неизмеримо выше Запада. Однако, к XIII-XIV вв. Византия - маленькое провинциальное государство, озабоченное задачами выживания, единственное достояние которого - память об этом имени и престиж тысячелетней империи. Вектор исторического развития перетекает из евро-азиатского пограничья в Европу. Падение Константинополя в 1453 г. было неизбежно. Византия погибает в блеске героической приверженности общества исторически обанкротившейся культуре. Попытка узкого круга лидеров страны модернизировать Византию ценой отказа от утвердившихся догматических принципов - Флорентийская уния - осуществлена слишком поздно, встречает жесточайшее сопротивление на всех этапах общества и терпит провал. Запад не обнаруживает желания идти на чересчур большие жертвы, спасая от катастрофы зашедшее в тупик общество в обмен на декларацию о признании исповедальных ценностей западной цивилизации.

Западноевропейский культурный субстрат противостоит целостной и устойчивой реализации имперской идеи. Позитивной ветвью процессов разработки государственности в Европе было формирование национальных государств. Христианский восток отрабатывал противоположную этому модель империи. Константинополь осознавал себя как вселенскую империю, охватывающую весь культурный космос. Границы империи окружает хаос, варвары и неверные. Подчеркнем, империя - не одна из возможных форм устройства классического православного общества, но особая имперская сущность, пропитавшая собой все срезы бытия. В течение всей истории православный мир складывался в имперский центр и периферию, которая тяготеет к центру, копирует его. Падение Византии временно нарушило эту картину. Однако вскоре православие самовосстановливает свою структуру, выдвинув новый имперский центр - Москву. Именно православие, формулируя цели и задавая

идеи власти, определяло характер осознания российских национальных интересов как интересов империи. Отсюда постоянное движение на восток, отсюда же стремление присоединить любую плохо лежащую территорию и безгранично расширить сферу влияния.

Логика имперского развития неизбежно сталкивает Московское царство с Европой. На рубеже XVI-XVII вв. страна переживает жесточайшее потрясение, вызванное первым серьезным столкновением с Европой. Ливонская война Ивана Грозного вылилась в потрясения Смутного времени, которые поставили Московское царство на грань распада. Православный москвит уясняет для себя странную истину, которая состоит в том, что пушки католиков стреляют лучше и точнее, иными словами, "истинная вера" не гарантирует качества пушек. Это парадоксальное несовпадение "истинности" веры и "абсолютного совершенства" власти, с одной стороны, и качества пушек (танков) - с другой - фундаментальная проблема традиционного российского сознания. Она терзает Россию от эпохи Бориса Годунова до "постперестройки" Бориса Ельцина.

Выйдя из потрясений смуты, Московское царство вступает в не вполне осознаваемый поначалу процесс модернизации. России удалось создать сильную империю именно потому, что, начиная с XVII в., она постепенно (реформы и контрреформы) усваивает технологию, идеи, методы, сложившиеся в западной культуре. Практически с самого начала смысл происходящего прекрасно осознали не принимавшие нововведений старообрядцы, "почвенники", крайнее крыло политических консерваторов. История империя - история вестерализирующегося общества, сохраняющего традиционное противостояние Западной Европе. Россия реализует одну из основных форм диалога двух культур - взаимодействие через конфликт. Выделим еще раз принципиально важное для нас положение. В реальности нового времени православная парадигма могла оставаться жизнеспособной только на пути последовательного усвоения противостоящего ей по своей природе западноевропейского материала. (В этом - одно из фундаментальных

отличий российского и византийского опыта). Однако, в существе своем это был путь самоотрицания. Рассматривая величие империи и могущество государства как ценности высшего порядка, российская политическая элита вынужденно идет на болезненные изменения общества во имя приумножения мощи государства, приобретения новых территорий, расширения офер влияния.

В исторической литературе практически не раскрываются цивилизационные истоки противостояния России и Европы. В трудах советских авторов историческое противостояние России и европейских государств находит геополитические объяснения, а отторжение русским обществом католической Европы предстает как некоторая малообъяснимая, представляющаяся бессмысленной идеологическая инерция, как дань всего лишь традиционной церковной вражде. Такая позиция демонстрирует либо поверхностно-просветительский взгляд на вещи, либо заданное идеологическими соображениями лукавое сглаживание органически присущих человеку глубинных положенностей — притяжений и отторжений — диктуемых этно-конфессиональной принадлежностью. Трактовка этих сущностей только как наследия прошлого в сознании, сведение их к суевериям, к чему-то, что можно легко объяснить и еще легче преодолеть, изжила себя. Трагический опыт Карабаха и Югославии требует от нас нового осмысления этих проблем.

Разные цивилизации — не только различающиеся стратегии жизни человека на земле, но и разные вселенные, различные модели космоса. Причем, каждая из них формирует субъекта, идеально соответствующего данной культуре. С молоком матери человек впитывает бесконечное многообразие проявлений универсума родной культуры, вписанной в родную природу, усваивая эту целостность как единственно возможное, природенное бытие. Приятие родной культуры изначально, оно предшествует осознанию, а значит и всяческой рефлексии. Точно так же, на уровне первичных, базовых реакций массовый человек переживает острый дискомфорт, сталкиваясь с иной целостностью человеческого бытия. В настоящее время

с формированием глобальной целостности, ростом коммуникаций, унификацией урбанизованных форм образа жизни и культуры эти процессы отчасти сглаживаются. В предшествующие эпохи для традиционных обществ цивилизационные реакции имели определяющее значение. В них — глубинные истоки религиозных войн и цивилизационных противостояний. Традиционная православная ненависть к "папистам" прежде всего оформляла, хотя, конечно же, и подогревала, органическое неприятие нормальным москвитом всего стро. жизни, с которой он сталкивается с началом широких и напряженных контактов России и Европы.

Даже в пределах одного зрелого общества естественные процессы социальной и культурной дифференциации ведут к тому, что на разных его полюсах складываются субкультуры, возможность прямого контакта и непосредственного взаимодействия которых чрезвычайно затруднены. Научная элита и патриархальное крестьянство, чиновничья среда и преступный мир разделены массой барьеров — языковых, культурных, предрассудками, воспитанием и т.д. Общение между представителями этих культур — сложная процедура, требующая доброй воли и значительных усилий с обеих сторон. Причем сфера такого общения достаточно узка, а некоторое сущностное единение людей чаще всего в принципе невозможно. Процесс формирования субкультуры логическим завершением имеет "окукливание", т.е. замыкание ее в относительно автономное целое. При этом формируется собственный язык (жаргон), стереотипы восприятия, стиль и система взаимоотношений, нормы и ценности, и т.д. В итоге окружающий мир, другие группы и слои общества становятся не только чуждыми, но и непонятными, закрытыми для сопереживания и достижения. Мера утраты способности свободной коммуникации с "другими" — показатель, фиксирующий степень завершения формирования замыкающейся социокультурной общности. Внутри субкультуры складывается мифология относительно "других".

Все это, но в неизмеримо большем масштабе, реализуется на уровне расходящихся цивилизаций. Чужой и непонятный

разговорный язык - только первый уровень когнитивного барьера. Другая культура как язык в широком смысле, т.е. сумма символов, норм, моделей поведения, стереотипов и т. д., оказывается совершенно непонятной для постороннего наблюдателя. Привычные модели понимания не срабатывают, и чужая культура предстает как абсолютно непостижимое, а значит опасное целое. Для традиционного человека XVI-XVII вв. "чужой мир" - непостижимая, закрытая сущность. Однако у этих отдаленных друг от друга вселенных имелась одна плоскость пересечения: они конкурировали за пространство и ресурсы. В борьбе двух стратегий человеческого бытия, реализовавшейся на территории Европы в новой и новейшей истории, Россия - лидер восточноевропейского культурного круга - была поставлена перед необходимостью - чем дальше, тем больше - понимать, постигать, отображать для того, чтобы перенимать.

Одна из универсальных особенностей культуры состоит в том, что, программируя своего субъекта, культура (и субкультура) особенно тщательно задает неприятие фактических альтернатив, реализованных в ее собственной модели. К примеру, жизнь канадского индейца, реально не пересекающаяся с бытием россиянина, не рождает никаких эмоций в сознании московского хиппи. Зато его отношение к "совку", к нормальному обывателю глубоко и многообразно негативно. Целый пласт хип-культуры посвящен профанированию "совка". И это понятно, поскольку нормальная жизнь в обществе - реальная альтернатива пути в хип-сообщество. Культура охраняет себя. Страх и неприятие к Западу, к "папистам" и "лжоторе", ко всему европейскому - важный, многократно продублированный и глубоко закрепленный момент традиционного сознания. Он всплывает в массе предубеждений, фобий, необъяснимых реакций, мифов и т.д. Запад не только непонятен массовому сознанию, трактуемому себя как "здравый смысл", не только вызывает органическое отторжение по предъявлению, но страшен изначально, до опыта.

А по всему этому мифологическое массовое сознание

с мощнейшей манихейской доминантой творило образ внешнего мира как антимира, как вывернутое наизнанку православное царство¹. Существует масса свидетельств того, что в народном сознании Запад выступал как царство Князя Тьмы, а "немцы" на Руси воспринимались как бесы, оборотни, прямые посланцы Нечистого. Однако трагическое противоречие русского сознания состояло в том, что вопреки всем ужасам и фобиям, Запад становился все более (и непобедимо!) привлекателен.

В начале XIX в. сектор русского общества, охваченный моделями образа жизни и предметной среды Запада, включал горожан и жителей усадеб. Далее этот сектор последовательно расширяется, постепенно охватывая все общество. Этот процесс знал перерывы, попытки попятного движения, но объективная логика его неумолима. Как исторический итог подобного развития показательно брежневское двадцатилетие. Видно, явно обреченные попытки дросселировать и "противостоять" были бессильны. Божделенные "вещи", образ жизни, стиль, моды, песни и танцы, литература и кино... В результате расширяющаяся воронка феноменов западной культуры лишила остатков воли и поглотила советского обывателя. Понятно, что западные модели шли вширь лишь в меру готовности общества и отдельных его слоев к восприятию недавно чуждых образцов. Крестьянин XVIII в. был достаточно равнодушен к соблазнам Запада, воспринимая их в лучшем случае как экзотические барские забавы. Иное дело — индустриальная эпоха. Здесь действовала неумолимая дилемма: чем больше человек осваивал индустриальные технологии, тем в большей мере он был восприимчив к моделям образа жизни и культуры, соответствующим этим технологиям. Все попытки властей расслоить эти сущности, увязать жизнь в бараках и передовые технологии в одно целое в стратегическом плане были обречены. В результате все, что связано с Западом, становится притягательным, красивым, удобным и (в переходном периоде) дефицитным, а потому престижным...

Таким образом, в модернизирующемся массовом сознании формируется напряженное и глубокое амбивалентное отношение

к Западу. Традиционное мышление мечется между полюсами. Образ Запада дробится, мерцает бликами Рая и Ада. Традиционный субъект разрывается между порывами, с одной стороны, взять, приобщиться, а с другой – уничтожить, предать анафеме. Интересно, что со временем амбивалентность Запада настолько устойчиво закрепились в массовом сознании, что любое идеологически ангажированное, одностороннее изображение стало восприниматься как ложное. Целостный образ Запада являл собой пронизанный антиномиями синкретизм.

В сознании традиционалиста диалог с иноприродным, качественно иным рождает некий мистический ужас. В низовой культуре формировалось особое отношение к идущему от Запада знанию: науке, технологиям, учености. Поскольку "они" – нечисть, мир оборотней, все их успехи, удобства, богатство, новшества – от Нечистого. Западное знание – табуированное, смертельно опасное, проклятое. Их умения – колдовские, магические. Приобщение ко всему этому исключительно опасно. С этих позиций интересно интерпретируется советская идеологическая традиция, ярко представленная в первые десятилетия и выродившаяся позднее в ритуал. Мы имеем в виду создание особой пролетарской марксистской науки, противоречащей буржуазной (западной). Новый человек совершал магические процедуры, очищающие изначально опасные западные премудрости, и строил "свое", полезное и безопасное знание.

В восприятии иного есть и еще один аспект. Сформулируем принципиальное утверждение: существует некоторый особый для каждой эпохи порог постижения иного, инокультурного, преодоление которого выводит носителя традиционной культуры за пределы последней. Познав нечто, ты необратимо меняешься, как бы покидаешь родную культуру, умирая для внутреннего наблюдателя. Такое превращение рождает ужас в архаическом сознании. Диалектическая связь познания с изменением природы, а значит и судьбы познающего субъекта – фундаментальная архетипическая идея, растворенная в культуре. Она звучит в истории Адама и Евы, вкусивших яблоко с древа познания, в сказках об умирающем колдуне,

передающем свой дар (проклятие) через тайное заклинание, необратимо превращающее того, кто согласился услышать и повторить его, в колдуна. С одной стороны, общество нуждалось в толмачах, интерпретаторах, глубоких знатоках Европы. С другой стороны, человек, погружившийся в западную реальность, был подозрителен, опасен, внушал ужас. На наш взгляд, в этих рефlekсах архаической ментальности — единственное объяснение иррациональной с точки зрения здравого смысла практики почти сплошного расстрела советских дипломатов, шпионов, вызываемых на родину перед Великой Отечественной войной, а вместе с ними — интеллектуалов, готовых (пусть потенциально) стать проводниками "иной культуры" наряду с крайними традиционалистами.

Постыжение Запада массовым сознанием шло от поверхности к центру, от западных продуктов к субстанции Запада. С начала XIX в. Россия вынуждена включиться в напряженную технологическую гонку. Цепочка изменений в обществе задается военно-политическим контекстом. Модернизация армии требует изменения технологии и перестройки экономики, что тянет за собой науку, систему образования и культуру. В обществе начинаются широкие процессы, не подконтрольные властным структурам.

Правительство стремится расщепить технологию и культуру. Вестернизация пытается локализовать в тонком слое образованного общества, ограждая от ненужных влияний огромную массу патриархального крестьянства. Однако, поскольку культура общества — целое, в котором на определенном для каждой эпохи уровне интегрируются в конечном счете все сферы, уровни, субкультуры, такая политика обречена. Индустриальные технологии властно требуют адекватного субъекта.

С другой стороны, такова диалектика культурных изменений, вместе с образованным обществом неизбежно трансформируется правящий слой России. Западная образованность и новое мироощущение разрушают консервативное сознание. Традиционной православной парадигме становится все труднее интегрировать инокультурный материал. Устойчивые стереотипы

утрачивает безусловность истины. Рациональное сознание не находит аргументов для оправдания "устоев". Традиционные ценности все более превращаются в "символ веры", в некоторые положенности, заданные воспитанием и строем жизни, дорогие сердцу, но не интеллекту. Костяк православного мироощущения начинает уходить в подсознание, в сферу необъяснимых реакций и потребностей. В верхах общества начинает созревать убеждение в необходимости модернизационного компромисса.

Русская история XIX—XX вв. демонстрирует два цикла развития. В течение XIX в. верхи русского общества, пошедшие по пути широкого усвоения Запада с Петра I, перерождаются, утрачивают стимул и энергию противостояния. К 1905—1917 гг. они "сдаются" (в сознании традиционалистов) на условиях победителя, ибо принимают существенные модели западной цивилизации. Все зависело теперь от уровня массового сознания. Однако конец перерождения "верхов" совпадает с пассионаризацией "низов". С 1917 г. разворачивается следующий виток противостояния. Широчайшие массы, разбуженные модернизацией и скачком приходящие к политической жизни, отбрасывают тем не менее западные модели, ибо менталитет так и остался патриархальным. Эсхатологически переосмыслив ситуацию, они формируют "свой" путь исторического развития, воспроизводя в новом идеологическом контексте устойчивое качество традиционной православной культуры, а значит и противостояние Западу². Семьдесят пять лет вестернизации перемололи все советское общество, и теперь лишь узкий, но опирающийся на многовековую традицию слой изоляционистов пытается противостоять принятию современных существенных моделей и ценностей извечного Врага.

Традиционная культура, усваивающая иное качество через конфликт, увеличивает свою агрессивность по мере освоения чужого материала. Инокультурный материал дестабилизирует ее, разрушает ее теряющее объективную опору системное качество. Такое общество, инициированное заимствованием, с еще большей энергией кидается в бой. В момент максимального усвоения инокультурного материала, т.е. перед

самым перерождением модернизирующегося общества, противостояние достигает апогея. Затем следует трансформация, которая полностью снимает конфликт, заданный модернизацией. Такова логика, алгоритм развития взаимоотношений России и Европы.

Восприятие Запада в русской культуре нельзя понять вне широкого историко-культурологического контекста. При этом особое значение имеет пласт традиционной, архаической ментальности. Архаические инстинкты и представления постоянно жили в обществе. Сложным образом они взаимодействовали с массовыми формами культуры, идеологией, искусством. В определенные эпохи архаические тенденции поднимались наверх, захлестывали общество и диктовали строй жизни. Идеологическая, научная, художественная картины мира в значительной мере задавались архаическим сознанием и заложенными в нем установками. Восприятие Запада выстраивалось в сложном и чрезвычайно болезненном преодолении фобий и мифов, оставленных нам в наследство. Преодолевая страх, патриархальная культура шла тем не менее по пути освоения иного. Это был путь самоотрицания.

1. Вспомним эпизод из "Гривы" Островского: "В одной земле сидит на троне саятан Махнут Турецкий, а в другой - саятан Махнут Персидский, а суд творят они, милая девушка, надо всеми людьми, и что ни судят они, все неправедно... И все судьи у них в ихних странах, тоже все неправедные; так им, милая девушка, а в просьбах пишут: "Суди меня, судья неправедный". (Островский А.Н. Сочинения. М., 1987. Т. I. С. 358).
2. Подробнее трактовку революции и советского этапа отечественной истории см.: Яковенко И.Г. Россия. Интеллигенция. Революция // Свободная мысль. 1992. № II; Он же. Сталинизм. Границы явления // Там же. 1993. № 3.

ВОСПРИЯТИЕ ДРУГИХ КУЛЬТУР НАРОДАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ

Во второй половине XVIII и большей части XIX в. Центральная и Юго-Восточная Европа была единым историческим и культурным регионом. События, происходившие там в первой половине XIX в., оказали глубокое воздействие на судьбы народов, определив значительные преобразования в культуре и формах национального сознания. Протекавшие в каждой стране по-своему, эти процессы привели в итоге к изменениям, общий смысл которых заключался в том, что к середине XIX столетия национальные культуры с большим или меньшим успехом прочно встали на путь свободного развития. Уже к началу XIX в. эти тенденции становятся объектом научного анализа, интерес к их изучению постоянно усиливался, в сферу научных исследований вовлекался широкий круг проблем, среди которых все большее значение приобретала тема восприятия иных культур. В данном очерке анализируется тот пласт научной литературы (преимущественно исторической, искусствоведческой и литературоведческой), которая издана в России и СССР.

Время с середины XVIII в. до начала 60-х, а в ряде случаев 70-х гг. XIX в. в историографии считается переходным от феодализма к капитализму. В некоторых славянских странах — кроме Польши — это период "национального возрождения", когда широко разворачивались движения за национальное самоопределение и просвещение. Их конкретными целями были создание собственных письменных языков, изучение исторического прошлого, устного народного творчества, укрепление контактов между народами региона, особенно в рамках государственных объединений. Это был переходный период и в сфере развития культуры: от культуры народной (культуры народного творчества) к культуре национальной. В это время происходит формирование нового типа личности — активной участницы социального и культурного развития, процесс

становления национальной интеллигенции, внесшей значительный вклад в просвещение народа.

Своеобразие каждой национальной культуры определяется тем, что она прежде всего опирается на собственные национальные, этнические, культурные источники и традиции. Вместе с тем исторический опыт показывает, что ни одна культура не ограничивается собственными корнями, а воспринимает и использует необходимое из других культур. Поэтому естественно стремление к установлению культурных контактов между странами и народами. В рассматриваемый период значительно расширились связи в области общественно-просветительской мысли, науки, искусства, музыки и литературы. На раннем этапе основополагающее значение имели факторы этнического и религиозного родства. С развитием общественной мысли, с ростом движения за национальное освобождение возрастает роль социально-исторического и идейного сродства.

Выдающиеся деятели культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы широко использовали, в частности, опыт русской культуры XVIII — первой половины XIX столетия, также учитывались и перенимались достижения науки, искусства, литературы западноевропейских народов. Становление национальных культур в Центральной и Восточной Европе привело в результате к созданию таких духовных, интеллектуальных и художественных ценностей, которые стали одним из важнейших элементов культуры Европы (наследие Мицкевича, Петефи, Шопена, Караджича, Ботева, Эминеску и др.).

Последствия разносторонних культурных контактов того времени были неоднозначными, но бесспорно одно: при всех влияниях, заимствованиях и противоречиях результат культурного общения был значителен для всех взаимодействующих стран. Культурные связи дали заметный импульс дальнейшему творческому развитию каждой национальной культуры.

Восприятие инокультурных ценностей представляет собой непрерывный процесс, вызываемый потребностью каждого народа выходить за пределы собственной культуры в поисках новых элементов, необходимых для ее дальнейшего успешного

развития. Этот непреложный закон подтверждается всем ходом истории человечества, которая не знает абсолютно изолированных народов, полностью лишенных каких-либо связей с внешним миром. Задачей науки в области изучения особенностей восприятия иных культур является всесторонний анализ каждой из них как таковой и на этой основе — исследование возникающих в истории культурных контактов во всем разнообразии процессов взаимовлияния и взаимообогащения. Такая работа предполагает выявление путей и форм этого двустороннего явления, причин влияний, конкретного их содержания и, наконец, глубинных механизмов усвоения каждой культурой ценностей других культур и действующих здесь закономерностей.

Для правильного понимания того места, которое восприятие других культур занимает в общем процессе культурного взаимодействия, необходимо определить, какого рода взаимодействия могут рассматриваться как достаточно результативные и заслуживающие исследования в их целостности и преемственных исторических связях. Здесь мы вполне согласны с И.Г.Корбу, который считает, что не всякий контакт, а лишь повторяющийся, дающий ощутимые результаты и влияющий на последующие события, заслуживает внимания исследователя как серьезный культурный феномен¹.

Глубинные механизмы процессов восприятия одним народом культуры другого народа в конечном счете определяются для всего исторического развития тенденцией, суть которой в свое время выразил В.Г.Белинский. Влияние А.С.Пушкина на современников, отмечал он, состоит "не в том, что его поэзия отражается в них, а в том, что она возбуждает в них собственные мысли"².

В ходе исторического развития народов происходят постоянные изменения в духовной жизни, которые наряду с присущей каждой культуре спецификой имеют и общие черты. Эпоха Просвещения в Центрально-Восточноевропейском регионе дает множество примеров того, как с ломкой старых форм материальной и духовной жизни народов и наступлением переходного этапа начинали происходить изменения в сферах

образования, науки, художественного творчества и т.д. В этих процессах исследователи отмечают наличие целого ряда общих моментов. Чем интенсивнее идет обновление всех форм общественной жизни, вытесняющих старый тип отношений, тем быстрее формируется благоприятная почва для развития культурных контактов. Восприятие достижений других культур в это время определяется прежде всего интересом к опыту тех, кому в своей деятельности удалось лучше выразить дух социальных преобразований, удовлетворить потребности общества.

Из намеченных в литературе составляющих сложного процесса восприятия других культур особого внимания, на наш взгляд, заслуживают следующие. Прежде всего это все, что связано с конкретными условиями, в которых протекают процессы восприятия и от которых зависит их характер, направленность или эффективность результатов. В первую очередь это уровень хозяйственного и культурного развития каждой страны или региона, ее национально-этнический состав и культурные традиции. Большое значение имеет, например, степень подготовленности сознания данной культурной общности к восприятию тех идей, которые несет с собой новая культура. Известно, в частности, что к концу XVIII — началу XIX в. земля, на которых жили болгары, сербы, словенцы и румыны, не имели еще достаточно развитой социальной структуры и ментально не были готовы воспринимать идеи европейского Просвещения³.

Другим важным фактором, оказавшим влияние на ход восприятия иных культур, стала общность социально-политических идей и целей народов, которая стала играть более важную роль, оттеснив ранее определяющее условие языковой и этнической близости⁴. У народов, более развитых в культурном отношении, этот новый фактор начинает действовать раньше. Так, для русско-польских связей время его действия относится к 20—40 гг. XIX в., когда шел процесс активного усвоения обеими сторонами культурных ценностей на основе общности освободительных идей русской и польской интеллигенции⁵. Что же касается русско-болгарских отноше-

ний, то подобного рода общность появилась лишь к 60-м гг. XIX в.

Еще один важный фактор, заметно влияющий на содержание и конкретные механизмы восприятия других культур, — общность художественных принципов, выработанных в результате длительного культурно-исторического развития народа, где немалую роль играют традиции народной культуры. Таким образом, можно сказать, что общность художественных принципов — это тот фактор, за которым стоит весь пройденный народом исторический путь, определяющий присущие ему формы духовной жизни и систему духовных ценностей. Ярким и наиболее значительным в культурной жизни стран Центральной и Юго-Восточной Европы явлением этого рода стало сосуществование принципов романтизма и реализма на протяжении 30-70-х гг. XIX в.

Конкретные способы и пути воздействия различных видов культуры отличаются огромным разнообразием, причем у каждого народа эти процессы протекают в самобытных формах, определяемых национально-этническим характером и исторической традицией. Восприятие иных культур происходит в основном двумя путями: путем непроизвольного воздействия одной культуры на другую или заимствования элементов другой культуры посредством активной, целенаправленной, избирательной работы по их изучению и отбору для переноса на собственную почву.

Восприятие иной культуры часто происходит при посредничестве третьей. Культурное взаимовлияние никогда не было процессом изолированным, ограниченным участием лишь двух взаимодействующих сторон. Как правило, развитие культур есть результат множества переплетений и влияний, включая контакты как с предшествующими, так и с одновременно существующими культурами данного региона и мира. Роль сыграла западноевропейская культура. Ее воздействие, например, на румынскую культуру отмечается с XVI в., когда под влиянием идей Реформации в княжествах появляются первые книги на родном языке⁵, а в XVII в. на культуру румынских храни-

стов оказала влияние еще и польская культура. Влияние латинской и западноевропейской культур продолжалось в последующие века и особенно усилилось после заключения в 1829 г. Адрианопольского мира. Параллельно с этим шел активный процесс взаимодействия культур отдельных румынских княжеств с культурами Греции и стран Востока, о чем свидетельствуют переведенные с греческого хронографы ХУП в. Д. Кантемир использовал в своем творчестве мотивы турецкой письменной культуры и фольклора. Тот же период в истории румынской культуры ознаменован и тесными связями с культурами Украины и России, в том числе заимствованиями мотивов народного творчества и православия. Многие деятели культуры Румынии ХУП в. пользовались наряду с родным языком письменными старославянским и греческим.

Греческие, польские и русские книги выполняли роль культурных посредников между собственной и мировой культурой. Интерес к всемирной истории, особенно к истории соседей, стал причиной появления литературы по истории Востока, переводов и переложений восточных сюжетов. Готовность к обновлению была мощным фактором расширения и усиления контактов.

Характер усвоения других культур, направленность интереса к той или иной культуре, изменение ориентаций, предпочтений — все это во многом зависело от событий политической жизни, что наглядно демонстрируют культурные события эпохи наполеоновских войн или те явления, которые были вызваны восстанием декабристов в России. Русские офицеры в 20–30-х гг. XIX в. в других странах стали проводниками лучших образцов русской и европейской культур, активизировали театральную жизнь, дав толчок к созданию серии переводов Пушкина, Жуковского, Лермонтова и др.

Вопрос о путях, способах и механизмах восприятия иных культур — один из интереснейших и важнейших аспектов широкого круга проблем культурных контактов — остается пока малоисследованным. Если ему и уделяется внимание, то большей частью лишь попутно, при обсуждении других сторон

взаимодействия культур. Пока в этой области не создано фундаментальных обобщающих трудов и можно сказать, что работа исследователей здесь только начинается. Написаны и защищены диссертации, основное содержание которых составляет анализ процессов восприятия культур различных народов современниками-иностранцами.⁷ Вышли в свет сборники работ по культурным связям, в которых значительное место отводится постановке и методологическим сторонам разработки проблемы восприятия других культур⁸. Имеются оригинальные исследования отдельных явлений, сопровождающих усвоение других культур (образное мышление в контексте культурных связей и др.)⁹.

При изучении процесса восприятия иных культур для достижения полноты картины необходимо исследовать контакты между различными регионами и этническими общностями по ряду линий, то есть проследивать развитие связей в сфере словесного творчества, театрального и музыкального искусства, живописи, архитектуры, а также науки и философской мысли. В области литературы влияние других культур было значительно больше, чем в других видах деятельности, оно осуществлялось через переводы произведений народного творчества и профессиональных писателей, церковных книг. Перевод принято в истории мировой литературы рассматривать как мощный фактор прогресса словесного искусства, поскольку деятельность переводчиков стимулировала такой важный процесс, как обогащение новыми средствами и совершенствование форм родного языка¹⁰. Развитие переводческой деятельности связано с расцветом литературного творчества у всех народов в конце XVIII — начале XIX в. Одним из наиболее активных видов искусств, вызвавших быстрые перемены в духовной культуре народов, был театр, вобравший в себя элементы разных видов художественного творчества. Особая близость к массовому зрителю делала его наиболее коммуникативной формой искусства во всех странах, придавала ему большую силу воздействия на общественное сознание, что в отношении к немецкой культуре хорошо выразил Н.Г.Чернышевский, отмечавший, что театр помог немцам в осознании своих сил¹¹.

Особое место в процессах восприятия иных литератур занимает язык, выполняющий универсальные функции. Именно языку принадлежит главная роль, когда появляется необходимость ввести в культурный обиход новые реалии¹². Активность языковых процессов заметно повысилась в эпоху культурного возрождения народов Центральной и Юго-Восточной Европы, начиная с первых десятилетий XIX в., что привело в конечном итоге к формированию основ литературных языков.

Есть еще ряд сторон процесса восприятия, отмеченных современными учеными: культурный обмен между равными партнерами, влияние которого на взаимовосприятие культур особенно подчеркивают исследователи межславянского обмена первой половины XIX в.¹³ Некоторые авторы предлагают исследовать процессы восприятия культур в контексте социальных преобразований¹⁴.

Для понимания природы и механизмов процессов восприятия одними культурами других огромное значение имеет субъективно-личностный фактор. Складывавшиеся в реальной жизни формы взаимодействия во многом определялись личными интересами и вкусами деятелей просвещения. Многомерность личности, так же как и многообразие и богатство самого культурного процесса, во многом определяют конкретное содержание усваиваемого данной культурой материала иных культур.

Временной фактор, учет которого необходим для понимания восприятия других культур, позволяет придать исследуемым явлениям конкретно-историческую определенность и, что особенно важно подчеркнуть, позволяет увидеть как меняется от эпохи к эпохе аспект, в котором предстает перед усваивающей культурой явление культуры усваиваемой. Такой подход, примененный к изучению судеб творчества Л.Тика в России, дал возможность проследить как на каждом новом этапе в наследии этого писателя выделялись те стороны, освоение которых было потребностью именно данного времени¹⁵.

Нами выделены лишь некоторые, на наш взгляд, наиболее важные моменты процесса восприятия других культур, в

той или иной мере получившие отражение в работах отечественных исследователей, изучающих культурные связи народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Рассмотренный материал свидетельствует о заметном усилении внимания к теме восприятия иных культур в последние десятилетия. Однако эта работа только начинается, целый ряд проблем только определен, но еще не разработан. Для создания фундаментальных обобщающих трудов необходима большая работа.

- 1 Корбу Х.Г. Становление новой молдавской литературы и проблема творческого метода (1840-1860). Кишинев, 1976. С.76.
- 2 Белинский В.Г. Полн.собр.соч. Л.,1954. Т.5. С.562.
- 3 Злыднев В.И. Историко-культурный процесс в Центральной и Юго-Восточной Европе и формирование концепций национальной художественной культуры // Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII-XIX вв. М., 1985. С.7-22; Злыднев Ю.Д. Восприятие творчества ионациональных писателей // Историко-литературный процесс. Проблемы и методы изучения. Л., 1974. С.237-273.
- 4 Злыднев В.И. Указ. соч. С.18.
- 5 Свирида И.И. Концепции польской художественной культуры. От просвещения к романтизму // Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII-XIX вв. С.43.
- 6 Львова Е.П. О некоторых типологических тенденциях изобразительного искусства конца XVIII - первой половины XIX в. в странах Балканского региона: К постановке проблемы // III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. Доклады и сообщения советской делегации. М., 1974. С.3-12; Степовик Д.В. Творческие связи сербских и болгарских художников с Украиной в XVIII-XIX вв. // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII-XIX вв.). Тезисы докладов и сообщений. М., 1974. С.60-61.
- 7 Гачев Г.Д. Становление художественного сознания в условиях ускоренного литературного развития (на материале болгарской литературы середины XVIII - середины XIX веков). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1958; Карагуба И.В. Россия последней трети XVIII - начала XIX века в восприятии английских современников. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986; Артемова Е.Ю. Культура и быт России последней трети XVIII века в записках французских путешественников. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.

- 8 Восприятие русской культуры на Западе. Л., 1975; Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII-XIX вв.
- 9 Кишкин Л.С. Об изучении национальной образности в литературе: В порядке постановки вопроса // Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. Л., 1968; Он же. Проблема национального образного мышления и методология изучения межславянских связей // Славянские литературы. VI международный съезд славистов. М., 1968; Титова Л.Н. Польско-чешские театральные связи 30-50-х годов XIX в. // Межславянские культурные связи. М., 1971.
- 10 Фридман М.В. Идеино-эстетические течения в румынской литературе XIX-XX вв.: К проблеме преемственности. М., 1989. С.48.
- 11 Заборов П.Р. Россия во французской трагедии XVIII в. // Восприятие русской культуры на Западе; Он же. Французская романтическая драма в России // Эпоха романтизма. Л., 1975; Баскаков В.Н. Юзеф Коженевский в России // Из истории русско-славянских литературных связей. XIX в. М.-Л., 1963.
- 12 Фризман М.В. Указ. соч. С.52.
- 13 Вербес Г.Д. Связи и взаимодействия славянских национальных культур как фактор прогресса // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций...
- 14 Бэлза И.Ф. Вклад славянских народов в мировую культуру последних десятилетий XVIII в. и первых десятилетий XIX в. // Там же.
- 15 Данилевский Р.Ю. Людвиг Тик и русский романтизм // Эпоха романтизма. С.68-113.

РОССИЯ И ЕВРОПА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОССИЙСКОГО
ЖУРНАЛИСТА: Н. И. НАДЕЖДИН

Сложная и многоплановая проблема "Россия и Запад" возникла в русской историографии во второй половине ХУШ в. Ее важнейшие компоненты можно определить следующим образом: является ли Россия частью Европы, в чем общее и особенное их развития, каковы результаты влияния европейских социокультурных идеалов в России. Особенно остро эти вопросы встали перед русской общественной мыслью во второй четверти ХІХ в. Быстрое развитие капитализма ставило перед правительством и обществом сложный вопрос о путях перехода к новому этапу развития страны в целом. Естественно, что в это время разгорелась острая идейная борьба, разделившая русское общество на течения и группы.

Одним из видных участников этой полемики был Николай Иванович Надеждин (1804—1856). Выходец из семьи сельского священника, он, благодаря своим незаурядным способностям, смог стать профессором Московского университета, журналистом, литературным критиком. Был сослан за публикацию "Философического письма" П. Я. Чаадаева в журнале "Телескоп". После ссылки служил в Министерстве внутренних дел, редактировал журнал этого министерства, был видным деятелем Географического общества.

Философской основой мировоззрения Н. И. Надеждина был идеализм шеллингианского толка. Признавая, в частности, закономерность и внутреннюю обусловленность исторического развития, Надеждин, как и все шеллингианцы, видел в исторической закономерности способ реализации абсолютной идеи, которая обладает полнотой содержания и не подвержена изменениям. С этой точки зрения развитие заключается лишь в раскрытии абсолютной идеи путем познавательной деятельности человека.

Представители данного направления отказались от метафизичности просветителей, стремясь проникнуть в суть

процесса развития, приняв за основу диалектику борьбы противоположностей.

В соответствии со своими философскими представлениями Н.И.Надеждин искал закономерность общественного развития в особенностях "народного духа" России и Европы.

К первой группе особенностей он относил естественно-географические условия: "Все народы начинали свое существование в тесной колыбели, которую распространяли мало-помалу. Русский народ еще младенцем занял безмерное пространство: колыбель его простиралась от берегов Невы до устьев Кубани и Дона"¹.

Важной чертой исторического развития других народов Н.И.Надеждин считал то, что они формировались в результате смешения различных этносов. В отличие от них русские, по его мнению, — потомки славян. "В многосложной массе настоящего европейского населения это слой чисто перво-родный", — писал он². Данная точка зрения ничем не обосновывалась. Более того, у самого Н.И.Надеждина существуют высказывания, опровергающие данное предположение. В частности, он отмечал, что на территории Великой России очень сильны топонимические остатки финно-угорских языков. Писал он и об огромном влиянии монголо-татарского завоевания. Тем не менее, влияние этих этнических групп на формирование собственно русской народности Н.И.Надеждин не признавал.

Следующую особенность России он видел в путях возникновения государства. Н.И.Надеждин, как и некоторые его современники, например, М.Н.Погодин, исходил из концепции О.Тьерри и Ф.Гизо о происхождении западноевропейских государств в результате завоеваний. В русской историографии эта точка зрения была популярна даже тогда, когда сами создатели от нее отказались. Как ни странно это современному читателю, для Надеждина такая позиция позволяла представить исторический путь Западной Европы как закономерно ведущий к революциям. Он неоднократно подчеркивал, что государства на Западе сложились так, что возникшие формы правления не могли отвечать "народному духу". "Русский

путь" был иным: "Только история народа русского могла открыться повествованием о добровольном предании великой и богатой земля под спасительную власть единодержавия"³. Такие исторические эпизоды, как избрание Романовых, народная война против наполеоновского нашествия, трактовались им как доказательства приверженности русского народа самодержавию.

Третьим показателем самобытности русского народа Н.И.Надеждин считал православие. Он неоднократно подчеркивал его превосходство над католичеством как постоянного и неизменного вероучения. Сектанство и раскол, по его убеждению, лишь консолидировали господствующее направление, способствовали сохранению его от проникновения чуждых элементов. Таким образом, он последовательно постулировал наличие принципиальных различий в историческом пути русского и западноевропейских народов. При этом одно из самых существенных различий он находил в том, что европейские народы раньше вышли на историческое поприще, а потому могли самостоятельно вырабатывать социальные модели поведения. Многое из их опыта послужило образцом для других народов, в том числе русского. Именно в Европе первоначально возникла монархия — идеальная в представлениях Н.И.Надеждина, форма государственного устройства. "Когда Греция, колыбель европейской цивилизации, вышла на сцену истории в песнях Гомера, она также представляет ряд семейств, управляемых патриархальными жезлами царей", — подчеркивал он⁴.

Следующее существенное достижение европейской цивилизации Н.И.Надеждин видел в возникновении городов как административно-политических и экономических центров. Особенно важную роль в этом процессе сыграла Римская империя. Итальянские города и позднее оставались примером для других народов: "Походы Оттонов в Италию, ознакомившие германцев лично с благосостоянием городов Ломбардских... без сомнения имели существенное влияние"⁵. При этом он не отрицал, что в Азии города возникли раньше, но именно в Европе они сыграли исключительную роль в истории.

Совершенно очевидно, что Н.И.Надеждин допускал приукрашивание русской истории, достаточно близко подходил к теории официальной народности. Однако он не считал возможным отрицать положительные достижения европейцев во многих сферах, объясняя это их более длительным развитием.

Отсюда — признание исторического отставания России: "Наше Отечество весьма недавно привилось к живому организму Европы; и посему просвещению еще некогда было в нем разрастись и вызреть. Без оскорбления патриотической нашей гордости, мы должны сознаться, что она пока еще в поре надежд"⁶. Народы Западной Европы обогнали "нас на историческом поприще", — писал он. Естественно, Надеждин не отрицал необходимость и важность взаимного обогащения культур как одной из необходимых сторон их развития. "Мир есть великая школа взаимного обучения"⁷.

Процесс развития русской культуры в этих условиях приобретал характер довольно сложного симбиоза самобытности и заимствований. Н.И.Надеждин неоднократно подчеркивал, что искусство должно отражать жизнь народа. Он писал о невозможности механически "пересаживать к себе цветы европейского просвещения"⁸. Подражание западным образцам, не имевшим почвы в России, указывал Надеждин, не могло удовлетворить требованиям поступательного развития культуры страны, а процесс заимствований прогрессивен и положителен только тогда, когда он сочетается с высоким уровнем внутреннего развития. Не следует воспринимать "обольстительные формы европейского быта"⁹. Подобные попытки он считал существенным недостатком в деятельности русской общественности: "Мы захотели немедленно наслаждаться ею (европейской культурой — Н.С.) позабыв, что она стоила Европе тмочисленных трудов, вековых усилий"¹⁰.

Н.И.Надеждин считал, что у европейских народов следует перенимать постоянное стремление к развитию и совершенствованию образования, науки, культуры: "Нужно учение — полное, основательное учение"¹¹. Объективные законы общественного развития требовали повышения культурного и об-

разовательного уровня всего населения страны. Это понимало и николаевское правительство, вводившее, например, обязательные экзамены на чин. Н.И.Надеждин преподавал на курсах "для чиновников, службою обязанных", созданных при Московском университете. Он с горькой иронией писал, что правительство вынуждено, "чтобы заманить нас в классы, привешивать к дверям классные чины; для того, чтобы усадить нас за книги, обертывать их в табель о рангах!"¹² Как и сторонники теории официальной народности, Надеждин постоянно подчеркивал важную роль самодержавия в общественном развитии. Основной движущей силой прогресса он считал совместные усилия правительства и мыслящей части общества, направленные на совершенствование и развития культуры, в то время как, по его мнению, российское общественное сознание еще не поднялось на должный уровень. Причем подобные утверждения определялись не конъюнктурными соображениями, а искренними убеждениями, подкрепленными убедительными, на взгляд Надеждина, доказательствами.

Впрочем, высокая оценка Надеждиным роли самодержавия не сопровождалась идеализацией русской действительности в целом. Поэтому его все же нельзя безоговорочно относить к идеологии официальной народности, так как, критикуя многие стороны русской действительности, он высоко оценивал достижения западноевропейской культуры и призывал перенимать ее достижения, хотя, по его мнению, далеко не все в европейском опыте подходило для России.

Изоляционистские тенденции в мировоззрении Н.И.Надеждина проявлялись в его отношении к политической жизни Западной Европы. В первой половине XIX в. Европу охватила волна революционных движений. Именно в отношении к ним пролегла линия раздела различных течений русской общественной мысли.

В своих общефилософских построениях Н.И.Надеждин исходил из признания скачкообразности развития природы и общества: "В жизни рода человеческого бывает периоды, когда вследствие особенного напряжения жизненной деятельности, события быстро зарождаются и созревают. Таковы

периоды бурных и сильных переворотов"¹³. Однако, полезность и целесообразность таковых он не признавал. Все попытки распространить теоретические рассуждения на историческую, а тем более политическую практику приводили его к отрицанию революционных методов борьбы как средства прогрессивного развития человечества.

Революции неизбежно вовлекали в политическую борьбу многочисленные народные массы, что приводило к известной доле стихийности, неуправляемости, политическому радикализму и крайним методам борьбы в виде террора. Не случайно значительная часть русских мыслителей склонялась к необходимости мирного прогресса, в первую очередь путем развития культуры, науки, образования. К этому направлению принадлежал и Н.И.Надеждин. В революции он видел "ужасы терроризма", "кровь и слезы", "плачевное зрелище лютейшего междуусобия"¹⁴. Он решительно не принимал подобные методы преобразований, тем более, что, по его мнению, в результате революций никаких существенных изменений не происходило. На опыте Англии и Франции он пытался доказать, что, пройдя через жестокости вооруженной борьбы, они вернулись к прежнему порядку вещей, т.е. к монархии. Исходя из этого, Н.И.Надеждин считал применение силы для подавления восстаний не только оправданным, но и необходимым. Он одобрителем отнесся к подавлению крестьянских восстаний в Словакии и Галиции, разгрому революционных организаций в Берлине. Своеобразный идеал проведения политических преобразований он видел в современной ему Англии. Пройдя в свое время через буржуазную революцию, эта страна, как указывал Н.И.Надеждин, смогла избежать политических катаклизмов: "Дело преобразования, с согласия правительства, совершилось тихо, без насильства и ломки, без шума и крови"¹⁵. Надеждин был сторонником культурно-национального прогресса, а не насильственной ломки. Если же по тем или иным причинам другого пути для преобразований не было, он был готов отказаться от них вовсе, по крайней мере, на какое-то время.

отношения Н.И.Надеждина к революционной борьбе тем не менее не сводилось к простому отрицанию. Исследуя буржуазные революции, он искал и находил конкретно-исторические причины и предпосылки событий, признавая, следовательно, их закономерность для конкретных стран. Он был глубоко убежден, что революции — часть особого пути Европы, результат своеобразных взаимоотношений государства и общества. Для России же, считал Н.И.Надеждин, подобный путь не свойствен. Российское самодержавие — это не противоречащая русскому народному духу форма государственного устройства, а оно всегда отражало интересы народа во всех своих начинаниях и преобразованиях.

Надеждин исходил в своих рассуждениях из признания особого исторического пути русского народа. Однако это не приобретало у него революционной окраски, как у славянофилов. Этот особый путь привел Россию к отставанию от Европы. До Петра она была как бы вне Европы, что значительно тормозило ее экономическое и культурное развитие. Современный период, по его мнению, характеризовался стремлением к всеобщности: "Никогда еще в роде человеческом не примечалось столь единодушного стремления жить одною общею жизнью, по одному всемирному указателю — как ныне... Все мы, Европейцы, подвизаемся теперь на одном ристалище"¹⁶. Основным показателем этого единства Надеждин находил в общих закономерностях развития культуры. Эти общие тенденции проявлялись несмотря на явное отставание России, которое следовало ликвидировать.

Ни специфические естественно-географические условия, ни особый исторический путь России, по Надеждину, не исключали наличия общих закономерностей. Основным показателем прогресса любой страны он считал постоянное совершенствование общественного сознания путем развития искусства, культуры, науки. Политические и экономические показатели были для него вторичными. Именно поэтому из опыта европейских стран Н.И.Надеждин предлагал перенимать методы, а не результаты развития культуры.

Важнейшим условием использования европейского опыта Н.И.Надеждин считал учет национальных особенностей. Для русского народа такой особенностью стало органическое единство народа и правительства, оказывавшее, по его убеждению, серьезное влияние на все процессы в стране и отодвигавшее политические проблемы на второй план. У русского народа, по мнению Надеждина, не было необходимости постоянно бороться с государством, поэтому европейский опыт политического строительства был для России неприемлем, а европейские политические институты чужды для русского народного духа. Надеждин категорически отвергал возможность появления российской республики, называя ее "идеальным призраком", "политическим фантомом".

Н.И.Надеждин смотрел на европейскую действительность через призму российской действительности, высоко оценивая то, что отвечало его представлениям о прогрессе и категорически отвергая достижения Европы в политической сфере. Он представлял тот впечатляющий слой российской общественности, который, признавая превосходство Запада в экономическом и культурном развитии, достижением России считал самодержавную монархию и политическую стабильность.

-
- 1 Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. 1837. Т.ХХ. Р.Ш. С.116.
 - 2 Он же. Летописи отечественной словесности // Телескоп. 1832. Ч.Х. № 14. С.239.
 - 3 Он же. Об исторической истине и достоверности // Библиотека для чтения. 1837. Т.ХХ. Р.Ш. С.162.
 - 4 Он же. Ответ П.Я.Чаадаеву // Русская старина. 1907. Кн.УШ. С.248.
 - 5 Он же. Исследование о городах русских // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. № 7. С.332.
 - 6 Он же. Современное направление просвещения // Телескоп. 1831. Ч.I. № I. С.40.
 - 7 Он же. Здравый смысл и Барон Брамбеус // Телескоп. 1834. Ч.ХI. № 19. С.324.
 - 8 Он же. Летописи отечественной литературы. Отчет за 1831 год // Телескоп. 1832. Ч.УП. С.152.

- 9 Он же. В чем состоит народная гордость? Из письма к М.Н. // Русская старина. 1907. Кн.УШ. С.255.
- 10 Он же. Летописи отечественной литературы. Отчет за 1831 год // Телескоп. 1832. Ч.УП. С.151-152.
- 11 Он же. Библиография. Подарок милым братцам // Телескоп. 1831. Ч.УІ. № 24. С.559.
- 12 Он же. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С.379.
- 13 Он же. Библиография. Двадцатилетие Европы в царствование Александра I // Телескоп. 1831. Ч.УІ. № 24. С.556.
- 14 Он же. Вступление в новый год // Телескоп. 1832. Ч.УП. № 1. С.8.
- 15 Он же. Тысяча восемьсот тридцать второй год // Телескоп. 1833. Ч.ХШ. № 1. С.10.
- 16 Он же. Современное направление просвещения // Телескоп. 1831. Ч.І. № 1. С.2-3.

НИКОЛАЕВСКАЯ РОССИЯ ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА:
А.ФОН ГАКСТГАУЗЕН

В 1843 г. по приглашению императора Николая I в Россию приехал Август фон Гакстгаузен — немецкий ученый, интересующийся аграрными отношениями и славянским бытом, особенно хорошо сохранившимся в современной ему Российской империи. В 1843–1844 гг. Гакстгаузен объехал большую часть европейской России и уже в 1847 г. опубликовал обширный труд на немецком, а вскоре и на английском и французском языках¹.

Во время этого путешествия посетил также недавно присоединенные к России кавказские земли и свои впечатления отразил в отдельной книге².

Русское правительство, пригласившее Гакстгаузена в Россию, имело дело со знатоком аграрных отношений, к которому прислушивались в Европе. Особое значение придавалось консервативно-монархическим взглядам Гакстгаузена — русское правительство стремилось поднять престиж России в глазах Европы. Особенно важно это было после разоблачительной книги маркиза де Кюстина, опубликовавшем в 1843 г. свои записки о путешествии по России³.

Однако Гакстгаузен, несмотря на консерватизм своего мировоззрения и романтическую идеализацию России, критиковал крепостное право, которое мешало прогрессивному развитию экономики⁴. Из-за этого записки о путешествии Гакстгаузена в Россию были опубликованы только в 1870 г., хотя лично император и его семья благосклонно отнеслись к книге, полностью финансировав ее издание в Европе⁵.

Для исследователя эти записки представляют интерес потому, что Гакстгаузен увидел жизнь большей части европейской России, в то время как иностранные путешественники традиционно посещали лишь столицы — Петербург и Москву, составляя порой скоропалительные суждения о далекой и таинственной России.

Нлохую осведомленность о жизни русской провинции частично можно объяснить тем, что для поездки по стране требовались большие средства и компетентные сопровождающие. Для путешествия барона Гакстгаузена Николай I выделил 6000 рублей, нескольких сопровождающих, в том числе из министерства государственных имуществ⁶. Гакстгаузен имел рекомендательные письма местным властям для посещения архивов и присутственных мест⁷. Царь впоследствии читал "Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России" во французском переводе и подарил автору золотую табакерку⁸.

Чем объяснить стремление правящего дома оказать немецкому путешественнику всемерную поддержку? Ответить на этот вопрос можно, обратившись к биографии барона и его мировоззрению.

Август фон Гакстгаузен (1792—1866) происходил из старинного вестфальского дворянского рода. Молодость Гакстгаузена приходится на период немецкого романтизма, повышенного внимания образованных слоев общества к народным традициям и культуре. Высокий культурный уровень семьи Гакстгаузена, знакомой со многими деятелями немецкого просвещения начала XIX в. (К.Брентано, братья Гримм и др.) обусловил его недюжинную эрудицию и интерес к народной жизни. А.Гакстгаузен учился в Геттингенском университете, участвовал в освободительных войнах против наполеоновской Франции.

Мировоззрение Гакстгаузена было консервативным, но вместе с тем он оставался романтиком. Это означало, что Гакстгаузен был приверженцем монархического построения общества на "разумных" началах.

Он видел опору экономики в сельском хозяйстве, полагая, что развитие промышленности ведет к нищете народа, пролетаризации, революции и анархическому хаосу. Гакстгаузен считал необходимым для прогрессивного развития общества поддержку сельского хозяйства и проведение реформы по освобождению крестьян.

Но вместе с тем он утверждал, что связь между крестьянами и государством должно осуществлять образованное дворянство, живущее на селе, ведущее прогрессивное хозяйство и по-отечески относящееся к ранее зависимым от него крестьянам. Гакстгаузен выступал и за сохранение крестьянской общины.

Прусский король Фридрих Вильгельм IV выражал сочувствие взглядам Гакстгаузена, что обеспечило ему поддержку в Берлине: в одном из министерств он изучал аграрные отношения в прусских провинциях. Во время служб в министерстве и своих путешествий по германским землям Гакстгаузен имел возможность изучить и славянский быт, сохранившийся в некоторых областях.

У него появляется интерес к изучению России. Этому способствовала дружба с русским послом П.Мейндорфом, который рассказал о немецком исследователе П.Д.Киселеву, а тот, в свою очередь, — императору Николаю I. Благоволение, выражаемое Гакстгаузену со стороны прусского короля Фридриха Вильгельма IV тоже сыграло свою роль: король Пруссии являлся братом жены Николая I.

Гакстгаузен был в курсе политических событий в России в 40-е гг. В 1842 г. он опубликовал в "Аугсбургер алгемайнер Цайтунг" статью о царском указе от 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах. Гакстгаузен расценил это нововведение как первый шаг к освобождению крестьян от крепостной зависимости, однако высказал опасение, что дальнейшие шаги в этом направлении могут в одно прекрасное мгновение кончиться большой революцией⁹. Статья стала известна в Петербурге.

Книга Гакстгаузена, появившаяся после его путешествия по России в 1843-1844 гг., не была рассчитана на массового европейского читателя. Тем не менее она содержала большой, тщательно обработанный материал о жизни русского народа. Немецкий исследователь В.Бобке писал: "Россия никогда не была самостоятельной частью немецкого сознания как Англия, Франция, Италия. Она казалась чужой, непонят-

ной, варварской и в восемнадцатом веке, и столетие спустя, и даже сейчас существенно ничего не изменилось"¹⁰.

О чем же повествует книга Гакстгаузена? Как пишет русский переводчик в предисловии к изданию "Исследований" в 1870 г., "нет на одной стороне жизни Россия, которой Гакстгаузен не касался бы более или менее"¹¹.

Относительно общественного устройства Гакстгаузен писал, что если страны Западной Европы должны быть по их историческому развитию причислены к феодальным государствам, Россия является государством патриархальным. "Россия представляет собой одну большую семью, — отмечал он, — а чем может быть ограничен отец, кроме божеских законов"¹². Если европейская община, представляющая собой однородное явление в различных странах и лишь обозначаемая разными терминами, являлась "искусственным собранием людей, предписанным сверху, — людей, случайно живущих вместе", то в России община "есть семейный организм, это семья, связанная общей собственностью, со старшиной во главе"¹³.

Гакстгаузен считал благом то, что европейская цивилизация еще не проникла в нижние слои русского народа. "Его семейная и общинная жизнь сохранилась без влияния иноземной культуры, законодательства и находится почти вне правительственного вмешательства".

Гакстгаузен на протяжении всей книги проводит мысль о том, что, если основой российской экономики является сельское хозяйство, именно ему должно уделяться особое внимание правительства. В последнее время "Россия сделала необычайные успехи в фабричной деятельности", — отмечал он, однако полагал, что это вряд ли принесет благотворные результаты, т.к. следствием будет повышение заработной платы в промышленности при одновременном сохранении низких цен на сельскохозяйственные продукты. Сельское хозяйство, по мнению Гакстгаузена, область наименее вознаграждаемая, к тому же в России отсутствуют хорошие средства сообщения. "Земледелие в России ведется вяло и небрежно, и оно еще более ухудшилось бы, если бы не поддерживалось крепостными людьми

и барщинным хозяйством" — заключает он¹⁴.

Гакстгаузен считал, что экономические реформы в России следует проводить постепенно. Прежде всего необходимы хорошие дороги: "без системы путей сообщения Россия — колоссальный великан, связанный по рукам и ногам. Причем стоит обратить внимание именно на внутригубернские дороги, которые вели бы со всех сторон к судоходным рекам, и на небольшие тракты"¹⁵.

Затем, по мысли немецкого исследователя, можно приступить и к постепенному изменению крепостных отношений. Как писал Гакстгаузен, "когда человек не есть собственник земли, то он не будет предпринимать никаких улучшений"¹⁶. Он предлагал заменить крепостные отношения "согласно указу от 2 апреля 1842 г. на контрактные отношения с денежной платой за труд". Если барщинное хозяйство заменится вольнонаемным трудом, то землевладельцы будут нуждаться в деньгах для ведения хозяйства, а значит будут вынуждены продавать свой хлеб, и тогда, по мнению Гакстгаузена, сельскохозяйственные отношения изменятся чрезвычайно. И хотя придется пройти через некоторый кризисный период, но потом, "не подлежит никакому сомнению, наступит прочное равновесие в хлебной торговле и денежных оборотах"¹⁷. Слишком быстрое изменение сложившихся отношений может кончиться катастрофой и революцией.

Интересен взгляд Гакстгаузена на проблему складывания Российской империи. Он полагал, что ранее завоевательные войны России были оправданы: без приобретения берегов Черного и Балтийского морей она никогда не могла бы стать политически сильным государством, но все новые завоевания лишь ослабляли могущество России¹⁸.

Много внимания Гакстгаузен уделял описанию культуры русских городов.

Знакомство с Россией начинается для немецкого путешественника с Петербурга. Однако прежде чем полюбоваться столицей, путешественник сталкивается с чисто русскими проблемами. В Петербурге наступала весна. "На улицах

образовалось сплошное болото, сделавшее невозможным пешеходное сообщение. Мостовые в Петербурге необыкновенно дурны. Сама почва и климат, представляют, конечно, немало затруднений, — писал Гакстгаузен, — но при виде того, как отвратительно мостят рабочие на некоторых осушенных местах, становится непонятным, как можно терпеть такую работу¹⁹.

Впрочем, неприятное впечатление было полностью сглажено участием Гакстгаузена в праздновании Пасхи. "Около половины двенадцатого мы вышли из дому. Все улицы ярко освещены способом, который я видел только в Петербурге и Москве, именно кроме обычных фонарей вдоль тротуаров через каждые 5-6 шагов стояли площадки с зажженным салом, скипидаром, что придавало предметам совсем особенное, какое-то магическое освещение". В церкви Гакстгаузена особенно тронуло "величественное простое пение нескольких сильных мужских голосов, безо всякого аккомпанемента, исходящее из единственно освещенного места в темной церкви". Гакстгаузен подчеркивал, что для русского народа характерна высокая музыкальная культура, ему доводилось слушать очень точное и чистое пение даже в простых деревенских церквях.

Гакстгаузен отмечал гостеприимство и радушие россиян. Во время праздничной пасхальной ночи "все дома открыты, люди ходят друг к другу в гости, встречаются дружеским пасхальным поцелуем и ведут к столам, перегруженным красивыми снадобьями"²⁰.

Гакстгаузен подробно описывал впечатление от русских провинциальных городов: "Множество колоколен придает всегда русским городам живописность. Издали, по числу этих колоколен, западноевропейский путешественник рассчитывает увидеть большой город, но на самом деле в городе чаще всего оказывается одна улица и одна площадь, окруженная каменными одноэтажными домами, остальные дома — деревянные... На пространстве, занимаемом немецким городом, может быть в 10 раз больше домов. Торжок, я полагаю, зани-

мает пространство не менее Гамбурга, а населения в нем в 10 раз меньше²¹.

В России того времени мало внимания уделялось созданию условий для комфортного и приятного путешествия. В Ярославле немецкому путешественнику пришлось первый раз останавливаться в гостинице, и вот какие мысли он высказывает по этому поводу. "Гостиниц в европейском смысле не было в России. Существовали азиатские караван-сарай, т.е. большие, пустые, немеблированные дома. Хозяина нет, постелей не существует, каждый сам должен добывать себе пищу, а о приветливой встрече прислугою нет и речи. Развитие западных гостиниц идет очень медленно. Еще и в Петербурге нет ни одной, которую по отношению к комфорту можно было бы сравнить с гостиницами какого-либо маленького немецкого городка на Рейне. По внешнему виду русские гостиницы настоящие дворцы, но хуже немецких третьеклассных. Хотя во всех губернских городах есть порядочные гостиницы, но если они содержатся русскими, а не немцами, то несут на себе следы караван-сараяв²².

Путешествующий по России сталкивался также с проблемой передвижения. Гакстгаузен писал, что на станциях лошадей часто не хватает. Вместе с тем он изумлялся интересу людей к путешественнику. "Въезд на станцию всегда привлекает большую толпу народа, начинается осмотр экипажа со всех стороны, все критикуют, болтают, радушно помогают запрягать. Видно у русского крестьянина много свободного времени и можно заработать на собственной лошади²³.

Интересные наблюдения сделал Гакстгаузен о национальных качествах русских. Он восхищается русской любознательностью и любовью к путешествиям. "Простой русский человек имеет пристрастие к переездам и ежегодно русские миллионами искрещивают свою страну по всем направлениям в качестве пилигримов, возчиков, торговцев, ремесленников и рабочих". При этом непременно хоть раз в жизни русский человек должен побывать в Москве. Гакстгаузен полагал, что по этому городу "лучше всего изучать народную физиономию²⁴.

Характерными чертами русского человека, по наблюдениям Гакстгаузена, являются одаренность живым и веселым темпераментом. Русского отличают непостоянство и легкомыслие. Путешественник отмечал противоречивость русской природы. "Чтобы понять легкость больших сборов денег на построение неизвестной деревенской церкви, да еще среди мужиков, не нужно забывать, что русский человек легко дает, легко берет. Тут богатеют и разоряются одновременно, воруют одной рукой и дарят другой"²⁵.

Немалое место в книге Гакстгаузена занимает описание отношения русских к христианской вере. Исследователю кажется символичным, что в русской церкви существует полнейшее равенство, сюда не переносятся государственные, сословные, чиновные различия, как на Западе. "Нищий крепостной мужик не задумываясь становится рядом или впереди богатого и помещика, которые не обращают на это внимания и не продираются непременно вперед"²⁶. При этом в России даже атеисты, которых здесь не меньше, чем в Европе, "по крайней мере при народе безусловно подчиняются церковным обрядам"²⁷.

Многие страницы посвящены очерку жизни и быта староверов. Автор считал, что у них ярче всего проявляются характерные черты великороссов.

Гакстгаузен подчеркивал лояльность русского общества к вопросам веры. Он писал о возможности проведения в то время религиозных диспутов. "С давнего времени существует в Москве оригинальный обычай: каждое утро на Святой неделе большие массы народа собираются в Кремле перед Успенским собором для религиозных споров. Сходится простой народ. Полиция смотрит на это сквозь пальцы. По одну сторону стоят приверженцы ортодоксальной церкви, напротив - раскольники разных сект. Возражающий снимает шапку и низко кланяется противнику. Разговоры ведутся с большой логикой и диалектикой"²⁸.

Свое путешествие по Российской империи Гакстгаузен закончил в Казани. Город был полностью разрушен в резуль-

тате пожара. "Прошел год, но города оживают очень медленно. Для восстановления во внутренних городах России не хватает денег. Хотя после пожара царь назначил несколько миллионов для беспроцентной выдачи, помощь эта обставлена формальностями и получение денег превращается в иллюзию"²⁹.

Все увиденное привело Гакстгаузена к выводу, что в России больше, чем где бы то ни было, развиты формализм и бюрократизм. Главное зло он увидел в том, что "чиновники портят народ, они гасят в нем чувство справедливости. Власть же должна заботиться о том, чтобы быть патриархальной. Народ должен видеть в каждом распоряжении — распоряжение отца, и повиноваться как дитя, а не как раб"³⁰.

В "Исследованиях внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России" Гакстгаузен как яркий представитель сословно-феодальной идеологии высказывал восхищение патриархальным принципом, пронизывающим все русское общество. Он выступал за сохранение всех устоев русского общества. По мнению Гакстгаузена, государственное устройство России, сохранение традиций и народной культуры является уникальным и, в отличие от ушедшей от своих истоков Западной Европы, защищает страну от революций и народ от пролетаризации и разорения.

Многие недостатки русского общества Гакстгаузен объяснял заимствованием отрицательных сторон западной культуры. Виновным во многих бедах русского общества он считал всемогущее чиновничество.

При всем консерватизме своего мировоззрения Гакстгаузен критиковал отсталость русской экономики и выступал за постепенное проведение преобразований и отмену крепостного права.

Книга Гакстгаузена стала событием в европейской и русской общественной жизни середины XIX в. Его исследования способствовало росту взаимопонимания двух культур, российской и западноевропейской.

I Haxthausen A. von. Studien über die inneren Zustände des Volkslebens und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands. Berlin, 1847.

- 2 Гакстгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. СПб., 1857.
- 3 См.: Кюстин А. де. Николаевская Россия. М., 1990. С.3.
- 4 Гакстгаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870.
- 5 Peter J. Russophilie und Konservatismus. Stuttgart, 1980. P.195.
- 6 Op.cit. P.195.
- 7 Op.cit.P.194; Гакстгаузен А. Исследование внутренних отношений... С.5.
- 8 Peter J. Op.cit. P.195.
- 9 Haller B. Die Kartensammlung des Freiherrn A.v. Haxthausen in der Universitätsbibliothek Münster. Munster, 1978. P.15.
- 10 Bobke W. A.v.Haxthausen. Eine Studie zur Ideengeschichte der politischen Romantik. Dissertation.München, 1954. P.7.
- II Гакстгаузен А. Исследование внутренних отношений... С.УП.
- 12 Там же. С.XIX.
- 13 Там же. С.XVII.
- 14 Там же. С.XX.
- 15 Там же. С.414.
- 16 Там же. С.83.
- 17 Там же. С.431.
- 18 Там же. С.XXII.
- 19 Там же. С.2.
- 20 Там же. С.3.
- 21 Там же. С.9.
- 22 Там же. С.58.
- 23 Там же. С.15.
- 24 Там же. С.41.
- 25 Там же. С.54.
- 26 Там же.
- 27 Там же. С.61.
- 28 Там же. С.198.
- 29 Там же. С.200.
- 30 Там же. С.75.

ОБРАЗ РОССИИ В КОНСЕРВАТИВНОЙ ПРЕССЕ ВЕЙМАРСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ: НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА "ДИ ТАТ"

Религиозно-философский журнал "Ди Тат" выходил в Германии с 1909 по 1939 г. и на протяжении 30 лет формировал взгляды и выражал интересы консервативных, националистически настроенных интеллектуальных кругов буржуазии. Основным объектом исследования журнала была Восточная Европа, и все эти годы на его страницах постоянно шли политико-философские дискуссии, посвященные судьбам славянских народов и, прежде всего, России: ее истории, культуре, большевизму как духовному феномену, русской революции и т.д. Публикуя исследования на эту тему видных немецких философов и историков, статьи публицистов, политических и общественных деятелей, журнал оказывал большое влияние на формирование образа России у буржуазной интеллектуальной элиты Германии.

Последние 20 лет в немецкой историографии стал проявляться интерес к проблеме формирования восприятия Восточной Европы и России, в частности, различными социальными слоями в Германии в межвоенный период. Значительный вклад в разработку этого вопроса внесли историки Герлинд Назарски, Ганс Геккер, Рольф Элиас. Большой интерес вызывают также исследования, посвященные деятельности Германского общества изучения Восточной Европы и анализу публикаций издаваемого им журнала "Остойропа"¹.

"Ди Тат" был основан Эрнстом Хорнеффером как журнал немецкого Союза монахов. С 1912 г. по 1929 г. журнал издавался под руководством Эугена Дидерихса, который был одновременно его главным редактором и издателем. Именно Э.Дидерихс сформировал и определил на долгие годы лицо журнала. Вторым человеком, также оставившим яркий след в истории "Ди Тат", был его главный редактор с 1929 по 1933 г. Ганс Церер. Он создал идейно-монолитный коллектив редакции и авторов, который был известен в интеллектуаль-

ных кругах Германии как "Таткрайс" (Круг действий). Наивысшего подъема популярности журнал достиг при Г. Церере: в это время его тираж составил 300 тыс. экз. Но в этой работе хотелось бы ограничиться периодом до 1929 г., когда журнал носил отпечаток своеобразия личности Э. Лидерихса, был менее политизирован, имел ярко выраженный мистико-религиозный уклон. С приходом в 1929 г. нового главного редактора журнал утратил эту свою особенность и превратился в национал-большевистское издание.

Среди изданий правого крыла "Тат" занимал особое место, так как был тесно связан с основными идейными течениями националистического толка и радикальным крылом молодежного религиозного движения. Поражение в войне вызвало острейший идейно-политический и социально-экономический кризис в истории Германии, резкий рост немецкого национализма, кризис либерально-демократического типа сознания. В этот период возникает и достигает пика своего развития такое "идеократическое" течение, как "консервативная революция", сыгравшее важную роль в истории Веймарской республики и представленное блестящими именами Освальда Шпенгера, Эрнста Юнгера, Артура Меллера ван ден Брука. Это течение носило одновременно тоталитарный и "аристократический" характер и послужило исходным материалом для становления национал-социалистического и национал-большевистского движений. Группа "консервативных революционеров" и связанное с ней национально-революционное движение появились вследствие кризиса традиционного консервативного типа сознания, вызванного крахом Германской империи и структурными реформами всей общественно-экономической системы. В 1918-1919 гг. в Германии возникают первые группировки и организации, постепенно вырабатывавшие платформу "консервативной революции". Главным в идеологическом комплексе "консервативных революционеров" и порожденного ими более массового, политизированного и поэтому более радикального национально-революционного движения было перечеркнуть Версаль и Веймар, восстановить могущество и военный потенциал

Германии. Вместо не способного к достижению этой цели слабого государственного аппарата буржуазно-демократической республики во главе страны должны была стать сильная военно-политическая элита. Свою ненависть к Веймарской республике консервативные национал-революционные публицисты распространяли на всю цивилизацию Запада.

Журнал "Ди Тат" был наиболее влиятельным национал-революционным изданием. Его авторы и, прежде всего, главный редактор Эуген Дидерихс находились под сильным воздействием идей "консервативной революции". На страницах журнала выступали также теоретики и лидеры национал-большевизма, которым тоже были близки эти идеи: профессор, депутат Национального собрания Пауль Эльтцабахер, публицисты Ганс Церер, Адам Кукхоф, Альфонс Паку и другие.

Особенностью журнала была тесная взаимосвязь с радикальным молодежным религиозным движением. Отсюда — толстовские идеи, мистический, религиозный, эсхатологический взгляд на мир, не свойственный ни сторонникам "консервативной революции", ни связанному с ними национал-революционному движению.

Как уже было сказано выше, основным объектом исследования журнала была Восточная Европа и, прежде всего, Россия. Во время мировой войны активный шовинизм, национализм и враждебность царизму определяли оценку журналом России и восточноевропейских народов.

Поражение Германии в мировой войне, Ноябрьская революция со всеми ее последствиями, революция в России и изменение политической ситуации в Восточной Европе создали совершенно иное положение. Авторы "Тат", объединенные единой целью во время войны, искали теперь новые пути к пониманию сложившейся ситуации. События, происходившие в России и Восточной Европе, рассматривались ими через призму собственных трудностей, надежд и страхов. Характеристика процессов в России определялась прежде всего политическими целями правящих кругов Германии.

После подписания Версальского мирного договора Германии

оказалась в тяжелейших политических и экономических условиях. Рост недовольства и разочарования в обществе, всеобщее чувство безнадежности, растущая духовная неуверенность, поиски нравственных ориентиров вызвали мистические настроения, мессианские идеи, ожидание краха цивилизации западного общества. Главный редактор "Ди Тат", философ, видный публицист Э.Дидерихс являлся одним из выразителей этого мистически-религиозного восприятия мира. Выход из создавшегося положения он видел в духовном обновлении Германии и в союзе с Россией. Идея союза с Россией была широко распространена в политических кругах Германии. В этой связи следует упомянуть хотя бы об известной группе в руководстве рейхсвера, выступавшей за советско-германское сотрудничество. Ее вдохновителем и наиболее активным сторонником был генерал Х. фон Сект, главнокомандующий рейхсвера. Единомышленниками Секта в этом вопросе были военный министр О.Геслер, начальник оперативного, а фактически Генерального штаба О.Хассе. Во время польско-советской войны (до поражения под Варшавой) Сект даже считал возможным в союзе с Красной Армией ликвидировать Версальскую систему.

Оказавшись в политической и экономической изоляции после окончания войны, Россия и Германия сохранили свою государственность, имели значительные силы и потенциальные возможности, чтобы восстановить впоследствии статус великих держав. Общий путь этих двух стран определялся также единой целью: преодолеть в политическом и экономическом отношениях систему, созданную западными державами-победительницами, выйти из состояния изоляции и унижения.

Религиозно-философская концепция восприятия России была создана Э.Дидерихсом в 20-е гг. под влиянием идей "консервативной революции". Национал-революционеры, как уже было сказано, объединяли ненависть к Версальской системе и стремление сокрушить ее при опоре на Советскую Россию. Ими была выдвинута идея "пролетарского национализма", согласно которой все народы делятся на угнетенные

и господствующие — "молодые" и "старые", причем к "молодым" относятся Германия, Россия и другие народы "Востока". Именно они, по мысли национал-революционеров, являлись жизнеспособными и обладающими "волей к борьбе". Эта идея стала исходным моментом для теории Дидерихса. В основе его концепции лежал националистический подход и задача возрождения Германии через ее внутреннее обновление. Основной целью являлось превращение Германии в ведущую мировую державу и распространение ее культурно-духовного влияния на другие страны. Предпосылкой для нового подъема Германии должен стать ее союз с Россией и другими славянскими государствами Восточной Европы. После поражения на Западе, взоры немецких интеллектуалов обратились на Восток. Именно в славянских народах они увидели ту дремлющую, нераскрытую, молодую жизненную силу, благодаря раскрытию и укрощению которой должна возродиться Германия. Речь шла о создании путем федеративного договора между Германией, Россией и другими славянскими народами нового государственного образования — "нового Рейха", в котором Германия играла бы руководящую роль.

Для обоснования идеологии "нового Рейха" использовались доказательства особого географического положения и общности исторических традиций России и Германии. Составной частью этой теории являлось учение о том, что крестьянство, которое составляет основу населения Восточной Европы и обладает огромными потенциальными возможностями, в силу своей неискренности не способно к самостоятельной государственной деятельности, другими словами, славянские народы нуждались в руководителе. Ключевые моменты концепции построения нового общества сводились к следующим: крестьянство, руководимое интеллектуальной элитой, как основа общества; идея создания великой державы между Востоком и Западом, призванной прийти на смену загнивающему Западу в виде Третьего Рейха; идеология общности — "соборность" — как национальная форма социализма; религиозность, антирационализм и мессианская вера в спасение мира "моло-

ыми" народами, которым принадлежит будущее. Концепция Шидерихса носила ярко выраженный антизападный характер (воплощением западного "старого" мира являлась Франция), который был присущ как славянофилам, так и сторонникам консервативной революции в Германии. Предполагалось, что "молодые" в смысле исторического развития народы Восточной Европы, прежде всего Россия в союзе с Германией, обогащенные достижениями западной цивилизации, помогут "старейшим" западным государствам найти основу для построения нового общественного порядка на националистической основе. Влияние Запада на большевистскую Россию ускорит переходные процессы в ней и приблизит ее к мировому сообществу. Оценка самой России менялась в зависимости от политической ситуации, большое значение имел вопрос об "азиатской" природе России и ее роли в будущей судьбе Германии. В периоды конфронтации подчеркивался чисто азиатский характер русского народа, сформированный татарским игом и таящий в себе угрозу разрушения западной цивилизации. В моменты дружбы с Россией "Тат" писал о двойственном характере русского народа, о том, что влияние России на Азию поможет Германии распространить свое политическое и экономическое влияние на Восток. В поисках аргументов для подтверждения своей концепции "Тат" постоянно обращался к творчеству Л.Толстого и Ф.Достоевского. Религиозно-социальные идеи Л.Толстого, обращенные к крестьянству, должны были стать основой внутреннего обновления общества. Ф.Достоевский же оценивался прежде всего как пророк, который предвидел возникновение мессианских притязаний русского народа, что нашло отражение в поддержке большевистского лозунга мировой революции.

В конечном итоге все дискуссии о значении России для Германии на страницах "Тат" сводились к одному: союз с Востоком или с Западом? Россия или Версаль? Что большевистская Россия значит для Германии - опасность, предостережение или национал-революционный пример? Эти вопросы понимались не только как политическая альтернатива, но и

как основополагающие моменты, затрагивающие все идейные и материальные области жизни Германии.

Следует заметить, что в этот период идеи, близкие к национал-большевизму, были распространены в обществе. Так, Октябрьский переворот и политический гений Ленина приветствовал Максимилиан Гарден, издатель популярнейшего еженедельника "Цукунфт", в двухтомном труде о современной истории "Война и мир" (1918). Крупнейший политик и промышленник Вальтер Ратенау в эссе "Кайзер. Размышления" (1919) писал о "перспективах социализма". Современность он сравнивал с великим переселением народов, констатируя выход на политическую арену народных масс. Будущее Европы, по мнению Ратенау, определялось "практической идеей", идущей с Востока, идеей социалистического переустройства общества. Ректор Берлинской Высшей коммерческой школы, депутат Национального собрания, член национал-германской фракции Пауль Эльтцбахер в 1919 г. издал брошюру "Большевизм и немецкое будущее". В опыте русских большевиков его заинтересовали идея диктатуры пролетариата, система Советов и социализация средств производства.

Так как журнал "Ди Тат" уделял главное внимание вопросам культуры и истории, то и образ большевистской России рассматривался в основном через анализ ее культурного развития. При этом исходным моментом было положение о том, что большевистская революция как длительный процесс еще не достигла своей окончательной стадии развития, чем объяснялся "хаос разрушения и создания нового", царящий в стране.

Целостный взгляд на большевистскую революцию вырабатывался постепенно. В 1918 г. часть авторов воспринимала ее в духе идей, близких национал-большевизму, как единственную возможность возрождения Германии после поражения в мировой войне. По мнению П.Эльтцбахера, для этого были необходимы не только внешнеполитический союз с большевистской Россией, но и полная внутренняя большевизация Германии. В русской революции он видел духовный и политический

протест побежденных народов против западных держав-победительниц. Мировая революция казалась единственной возможностью разрушить Версальскую систему².

Находясь под впечатлением идей Э.Дидерихса, другая группа авторов видела в большевистской революции начало мировой религиозно-консервативной революции. По их мнению, благодаря уникальному соединению элементов марксизма о глубокой религиозностью русского народа, его "молодой" силой и катастрофическим социальным унижением именно с России должно было начаться обновление Европы. Оправдывая террор большевиков, они видели задачу Германии в том, чтобы возглавить мировую революцию и придать ей не разрушительный, а созидательный характер.

Еще одна группа авторов, в том числе и Э.Дидерихс, выступавший на начальном этапе в отличие от сторонников национал-большевизма против насилия, отмечала противоречивый характер русской революции, критиковала большевиков за террор, хаос и разруху в стране, за вытеснение духовности и попытку создать общество-фабрику. В периоды наибольшего обострения отношений с Россией эти авторы подчеркивали чисто азиатскую природу большевизма.

В начале 20-х гг. с переходом России к новой экономической политике у авторов "Ди Тат" сформировался более целостный подход к оценке большевистской революции, близкий к позиции евразийцев. Исходя из анализа всей истории России, они делали вывод, что русская революция — это неизбежный и необходимый процесс, "начало собственной истории русского народа, но не в духе марксистского исторического детерминизма, а как осуществление идеи окончательного избавления"³.

Известный историк Эрих Миллер писал на страницах "Ди Тат", что русская история — это история подавления русского крестьянского "коллективизма", нашедшего свое выражение в "мире": христианизация Руси в форме догматического византизма, чуждого народу; татаро-монгольское иго, искажившее характер русского народа и наложившее на

него азиатские черты; разрушение духа русской религиозной общности, отделение интеллигенции от народа в результате реформ Петра I⁴.

Большевистскую революцию сторонники "консервативной революции", как и евразийцы, рассматривали как радикальный протест народа против того, что было создано Петром. С их точки зрения, она была конечным следствием раскола нации, вызванного петровской реформой. Петр I уничтожил фундамент, на котором покоилась внутренняя мощь России: ни одному из иностранных завоевателей не удавалось до такой степени разрушить национальную культуру и сформировавшийся веками национальный уклад. Э.Мюллер писал в 1922 г., что Петр I перенял европейские начала, оставшиеся непонятными народу, поэтому русская революция — это, прежде всего, суд над послепетровской Россией. Русские крестьяне с готовностью приняли большевистский лозунг классовой борьбы не только потому, что хотели отобрать земли у помещиков. Немалую роль сыграло стремление освободиться от чуждого и непонятного народу культурного слоя. Со времен Петра народ в России перестал понимать свое собственное государство, его политические цели, его идеологию⁵. Таким образом, сторонники консервативной революции, как и большевики, свято верили в закономерность исторического процесса; и те, и другие считали революцию неизбежной. Только для большевиков — это следствие феодально-капиталистической эксплуатации, а для авторов "Тат" — результат насильственной европеизации страны.

Анализируя характер русской революции, Эрих Мюллер, Эуген Дидерихс, Лудвиг фон Штраус-Торней и другие подчеркивали, что она не ограничивалась спонтанным протестом народных слоев против реформ Петра. Парадоксальным образом это народное восстание соединилось с движением, стремящимся продолжить петровский замысел. Как известно, большевики ставили своей целью превратить отсталую Россию в передовое индустриальное государство. Исход революции и гражданской войны рассматривался как компромисс между больше-

виками и русским народом. Народ принял единовластие большевиков, а большевики в значительной мере отказались от своих утопических планов. Революция, задуманная большевиками как путь к окончательной европеизации России, привела к ее деевропеизации. Из двух сил, свершивших революцию, русский народ возобладал. Он воспользовался большевизмом, чтобы спасти территориальную целостность и возродить политическую мощь своей страны. Как писала в 1924 г. одна из лидеров молодежного религиозного движения Элен Руссе-Вильсон, большевицкая революция возродила Москву как "Третий Рим" для всех угнетенных народов и возродила русский национальный идеал в виде православия, замененного коммунистическо-хилиастической догмой", самодержавия (Сардская власть) и народности (коллективизм). Большевики противопоставили двух русской общности (соборности) индивидуализму Запада⁶.

Не следует забывать, что эти высказывания относятся ко времени нэпа. "Временное отступление", как его называли, породило у авторов журнала мнение, что режим является инструментом в руках "народа".

Время расцвета идей "консервативной революции" — 1920-е гг. Только что закончившаяся мировая война и последовавшая за ней русская революция стали событиями, в которых консервативные революционеры видели начало новой великой эпохи. От большевицкой революции они ожидали радикального обновления общества, возможности начать все заново. В 1920-е гг. национал-социалистическая диктатура еще не обозначилась на политическом горизонте, сталинская диктатура только начала вырисовываться. Ни в России, ни в Германии политическая реальность еще не успела принять отчетливый тоталитарный облик, еще казалась "экспериментальной". Это был звездный час идеократических движений, стремившихся улучшить мир с помощью великих идей, воплощающихся в новых формах власти.

Исходя из особенностей русской истории, авторы "Тат" сделали попытку оценить развитие русской культуры. Именно

в ней они искали ключ к пониманию русского народного характера. Одни видели его в особой религиозности и мистическом сознании русского народа, другие — в изобразительном искусстве, прежде всего в иконописи, третьи — в особенностях русской храмовой архитектуры допетровского периода. Все эти факторы, определявшие, по их мнению, самобытность подлинно русской культуры, были разрушены европеизацией России. В культурном отношении в XVIII в. Россия превратилась в европейскую провинцию. Таким образом, в 20-е гг. от новой русской культуры ждали не только возрождения национального духа, но и создания новых форм и приемов в искусстве, которые дали бы толчок к революционному перевороту в этой области.

Авторы "Тат" предполагали, что между западным и русским искусством существует принципиальное отличие, их нельзя сравнивать, так как первое — "продукт всеобщего упадка на Западе", а второе — "многообещающего зарождения нового на Востоке"⁷. В каждом случае искусство стоит на службе у государства, политики и воспитания народа. Главной задачей искусства, как считал "Тат", является прежде всего воспитание у народа нового политического сознания.

Журнал писал, что не все виды искусства в большевистской России одинаково активно поддерживались государством. Наибольшее внимание уделялось архитектуре, "служившей непосредственным потребностям дня" и достигшей таких результатов, о которых в Германии могли только мечтать: соединения реальности и мистики. В качестве примера приводился мавзолей Ленина, который благодаря исключительной простоте форм достигал такого же сильного мистического воздействия, как и лучшие образцы архитектуры готики⁸.

Театр "Тат" считал истинным проводником нового мировоззрения. Как и литература, он воспитывал массы в духе единства, общности интересов в соответствии с новыми политическими задачами. По мнению журнала, театр символизировал двойственную природу новой России, синтез русской "соборности" как вечного и основного элемента и тенденций

духа нового времени. Отказавшись от традиционных форм, традиционного зрителя и классического репертуара, революционная русская сцена выполняла прежде всего просветительско-педагогические задачи. Новая русская драма со своими массовыми представлениями несла в себе элементы старых народных мистерий, в которых был символически представлен пафос революций от Парижской коммуны до Октябрьской революции 1917 г.

Это восторженное восприятие журналом советской культуры исходило также из понимания большевистской революции как религиозного движения обновления - трактовки, характерной именно для "Тат" и близкого к нему религиозного молодежного движения. Э.Дидерихс, который связывал внутреннее обновление немецкого народа с религиозно-социальным воспитанием души человека, видел цель большевиков в уничтожении закостенелых отживших церковных форм путем устранения от власти буржуазии как главной опоры церкви. Под этим углом Э.Дидерихс рассматривал политику большевистского правительства в отношении церкви. Он считал, что антирелигиозная политика в России носит поверхностный характер, за которым скрывается глубокая религиозная "воля". Более того, по его мнению, Октябрьская революция внесла позитивный элемент в религию, мобилизовав и побудив ее к реформам и восприятию внутривластных преобразований.

Иную точку зрения представляла в журнале лидер религиозного молодежного движения Элен Буссе-Вильсон. Она считала, что большевики вели бескомпромиссную борьбу с религией и церковью, так как это соответствовало основной цели революции - уничтожению последнего оплота консерватизма для строительства нового общественного порядка. Э.Буссе-Вильсон оценивала большевистскую культуру как "молодую": в России не было собственной философской школы, русская литература существовала только 200 лет и т.п. "Молодость" культуры в соединении со стремлением к новым формам, с консервативным национализмом, граничащим с панславизмом, являлась, по ее мнению, основой для мессианских

притязаний советской России, ее сильного чувства превосходства над другими народами⁹.

Итак, преобладающее число авторов "Ди Тат" разделяло идеи культурно-консервативного социализма Э.Дидерихса, приближаясь почти к русофилам, или идеи национал-большевизма, видели в культурном развитии России пример для подражания.

Надо сказать, что почти половина статей журнала, посвященных культуре России, были аналитическими обзорами состояния русской литературы. Немецкие авторы имели о ней весьма своеобразное представление. Например, вплоть до начала 30-х гг. среди них бытовало мнение, что русская литература развивается изолированно от европейской, что в ней не ведется поиск новых эстетических форм и способов выражения. И это в то время, когда формализм в русском искусстве вообще и в литературе в частности достиг наивысшего расцвета.

Отказав русской литературе в развитии формы, немецкие критики сосредоточились целиком на анализе ее содержания, который сводился к обсуждению вопроса, насколько достоверно, жизненно изображен русский человек. По их мнению, литература в России всегда стремилась к изображению положения русского народа, к описанию условий, в которых проходит его политическая и духовная жизнь, выяснению вопросов: почему он не может вырваться из этих условий и живет в вечных метаниях от смиренной покорности до бунта, об отношении человека к Богу. Русская литература рассматривалась как истинное отражение истории своего народа, исполненной страстей, страданий и жертв, поэтому писатель, в понимании "Тат", должен быть апологетом своей истории.

Среди писателей журнал выделял прежде всего Л.Толстого как "социал-революционного пророка" и Ф.Достоевского, призывавшего к состраданию и человечности. Рядом с ними стоял Н.Лесков - писатель, создавший неискаженный портрет русского крестьянства. Пророками революции "Тат" называл Н.Гоголя, А.Герцена и Д.Мережковского. Анализируя состояние современной русской литературы, авторы журнала резко

негативно отнеслись к писателям Пролеткульта. Такую же негативную оценку получила эмигрантская литература как литература "эстетов и идеологов старой интеллигенции", потерявших контакт со своим народом. Ни те, ни другие не могли быть названы истинными представителями русской литературы. Подлинными писателями, по их мнению, были Горький, А.Блок, С.Есенин и А.Белый — настоящие выразители "голоса народа". Высоко ценилось также творчество Л.Леонова, А.Серафимовича и И.Бабеля, открывших для западного читателя новую советскую литературу.

Итак, авторы журнала имели своеобразное представление о русской литературе. Придерживаясь общих тенденций в оценке России, они признавали особую роль и задачи писателей в этой стране. Имелось в виду творчество только тех писателей, которые были признаны народными и на которых авторы статей переносили свои собственные идеалы: стремление к революционному, социально-религиозному, национальному возрождению на основе крестьянства и распространения идеи всеобщей христианской любви.

Исходным моментом в понимании авторами журнала "Ди Таг" развития новой русской литературы было признание того, что благодаря большевистской революции русский народ получил возможность свободного творческого самовыражения, сумел почувствовать себя действенной силой в мире и идейно влиять на этот мир. На этом утверждении основывались различные оценки и прогнозы будущих отношений между Россией и Европой, попытки ответить на вопросы: чем Россия может стать для Европы? И что такое, собственно, Россия?

"Таг" вряд ли мог дать правильный ответ на эти вопросы. Не обладая объективной информацией, авторы журнала переносили на Россию свои собственные надежды и желания, а потому созданный ими образ России и ее культуры был продуктом их собственных представлений и фантазий, имел мифический характер.

Речь в их репортажах шла не о России как таковой, а опять же о Германии, о проблемах, которые непосред-

венно касались жизни авторов. Обсуждение вопросов, насколько сильно в России азиатское начало; выступит ли она на стороне Азии, враждебной по отношению к Европе, или представляет собой плодотворное соединение черт Азии и Европы; волеет ли она новую жизнь в обветшавшую западную культуру с помощью идей с Востока или Россия стремится к культурному и духовному порабощению Европы, являлось составной частью дискуссии о том, какого воздействия русской культуры на западную следует ожидать. Будет ли это соединением скептически-рациональной науки Запада с русской духовностью или большевизм несет в себе антикультуру, гибельную для Европы? Есть ли надежда на появление третьего типа культуры, возникающего между крайностями американского индустриального общества и аграрно-пацифистского движения Ганди?

В Германии 20-х гг., переживавшей тотальный кризис всех форм общественного уклада и национальное унижение от поражения в войне, основная масса населения утратила ценностные ориентиры, положительную самооценку. Ей необходимо было вновь обрести систему ценностей, так называемый "смысл жизни", и, естественно, легче всего ее было найти в каком-нибудь мифе. Не случайно Э.Дидерихс писал в 1927 г.: "Духовная задача сегодняшнего и завтрашнего дня: будущая форма нашей жизни требует мифа"¹⁰. Он мог быть пролетарско-коммунистическим, национальным, религиозным и т.п. В создание тоталитарного мифа внес свой вклад и журнал "Ди Тат". Основной задачей этого мифа было направить негативную энергию, скопившуюся в обществе, на создание некоего идеального общества в будущем. Массам это давало иллюзию участия в истории, а интеллектуалам - видимость слияния с народом, нацией.

I Nasarski G. Osteuropavorstellungen in der konservativ-revolutionären Publizistik. Frankfurt/M., 1974; Hecker H. Die "Tat" und ihr Osteuropa-Bild. 1909-1939. Köln, 1974; Elias R. Die Gesellschaft der Freunde des neuen Russland. Köln, 1985.

- 2 Schüddekopf O.-E. Linke Leute von rechts. Die national-revolutionären Minderheiten und der Kommunismus in der Weimarer Republik. Stuttgart, 1960.
- 3 Doser U. Die bolschewictische Russland in der deutschen Rechtspresse 1918-1925. Berlin, 1961. S.58,59.
- 4 Ibid. P.61.
- 5 Ibid. P.62.
- 6 Brunzel H.P. Die Tat 1918-1933. Ein publizistischer Angriff auf die Verfassung von Weimar innerhalb der "Konservativen Revolution". Bonn, 1952. S.170.
- 7 Der Weg der Tat. TAT XXIV H. 6. (Sep.32). S.510,511.
- 8 Ibid. S.81.
- 9 Dietze K. Eugen Diederichs und seine Zeitschriften. Würzburg-Aumühle, 1940.
- 10 Ibid. S.24.

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ОЦЕНКЕ ЕВРОПЕЙСКИХ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Часто восприятие современных событий в России происходит в Европе через призму вины интеллигенции — "специфического российского образования" — в "глубочайших катаклизмах российской истории"¹. Одной из наиболее популярных тем, занимающих общественное сознание, является тема роли российской интеллигенции в мировой цивилизации. Писатели, артисты, инженеры, медики, экономисты, юристы, историки, философы, социологи, учителя, офицеры, священнослужители в России, ближнем и дальнем зарубежье в средствах массовой информации, на различных встречах и митингах, в дружеских беседах в узком кругу ведут нескончаемый разговор о том, что современная интеллигенция должна делать сегодня, в трудное и переломное время в истории России. Извечные русские вопросы "кто виноват?" и "что делать?", переходящие в глобальное "быть или не быть?", тревожат современных интеллектуалов, осознающих свою ответственность за судьбы страны, Европы, цивилизации. Найти ответы на эти вопросы может лишь человек, осознавший свое место в обществе, уяснивший социальные потребности и интересы своей социальной группы, усвоивший уроки истории.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что при всем огромном потоке философской, социологической, исторической литературы по проблемам интеллигенции наше понимание объекта исследования — интеллигенции — ненамного углубилось по сравнению с теми временами, когда был предложен этот термин и слово "интеллигенция" стало фактом русского языка². Так, большинство специалистов едины в том, что история интеллигенции уходит в глубь веков, между тем статьи с таким названием нет в Универсальном энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, изданном на рубеже XIX—XX вв. и отличающемся необычайно широким охватом различных областей знаний. До сих пор идут споры о том,

каковы границы этой социальной группы, критерии ее определения, является ли интеллигенция специфически российским явлением, отличающимся от западных интеллектуалов, стали ли сегодняшние работники науки, культуры и искусства наследниками российской интеллигенции начала XX в. или та прекратила свое существование.

Данная проблематика должна интересовать современных интеллектуалов, и круг лиц, высказавших свое мнение по обозначенным проблемам, чрезвычайно широк, о чем свидетельствует литература по интеллигенции, насчитывающая десятки тысяч названий. Многие работы носят полемический характер, авторы выражают неудовлетворенность состоянием изученности той или иной проблемы, часто иронизируют над выводами своих предшественников, предлагая результаты собственных изысканий в качестве итоговых. Характерна в этом плане работа Е.И. Лозинского, вышедшая в 1907 г., название которой претендует на подведение итогов дискуссии³. Но и в конце XX в. этот вопрос по-прежнему волнует интеллектуалов. Как ни странно, в безбрежном потоке литературы по проблемам интеллигенции собственно исторических работ не так много. Огромно количество публикаций, содержащих общие философские и социологические рассуждения об интеллигенции, но ощущается острая нехватка конкретно исторических работ, где рассмотрение исторического процесса ведется на основе исторических фактов.

При этом после августа 1991 г. в самых популярных среди отечественных интеллектуалов изданиях появилось большое количество материалов о месте и роли интеллигенции в российском обществе. Одним из первых было письмо В. Аксучица, Г. Анищенко, В. Борисова, А. Василевского, Р. Гальцева, С. Залыгина, И. Золотусского, И. Константинова, Ю. Кублановского, А. Латыниной, Д. Ляхачева, Р. Непомнящего, И. Роднянского, О. Чухонцева, Ю. Шрейдера, которое предостерегло: "Мы ощущаем опасность того, что носительница всех этих (оппозиционных - А.К.) настроений - свободолюбивая интеллигенция, ... обречет себя на самоизоляцию, если не

уничтожение". Адресованное сразу в несколько редакций, но опубликованное с некоторыми сокращениями только "Комсомольской правдой", письмо прошло практически незамеченным, несмотря на громкие имена авторов. Это письмо, написанное 1-5 сентября 1991 г., на волне победной эйфории, было выброшено на пустынный берег забвения.

Совсем иной эффект имело интервью А.М.Панченко "Не хочу быть интеллигентом"⁴ с последующим дополнением в телеинтервью "Пятому колесу" (телепрограмма Санкт-Петербургского телевидения). А.М.Панченко, по его словам, "что-то мешает" назвать интеллигентами А.С.Пушкина, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, как и врачей, инженеров, учителей, которые, по его мнению, в российской традиции "интеллигентами не считались". Он предложил упразднить интеллигенцию, разошедшуся в России с властью, и заменить ее, "как во всем мире", верными властями интеллектуалами. То есть фактически речь идет не о сущностной замене, а о "переименовании" все тех же лиц интеллектуальных профессий. Мнение известного ученого многих апатировало, однако эпатаж нынче в моде. Как среди некоторых литераторов принято в тематике, стиле и языке подражать Евгению Харитонову, на дух не перенося его взглядов и образа мыслей, так и среди интеллектуальной элиты в последнее время стало модным кичиться интеллигентофобией⁵.

А тут еще С.Беляева-Конеген и И.Дяскин в "Литературной газете" подбросили пространные рассуждения об элитузме, креативных функциях, идеологемах, сакрализованности, рефлексиях, парадигмах, элитаризации, которые должны были скрыть достаточно батальное суждение: сейчас "брежневские партаппаратчики" являются слоем, "...наиболее способным к реальному восприятию европейских ценностей", но "выпихнутыми с политической арены"... "узурпаторской интеллигенцией", за что последняя, по вердикту авторов, приговаривается к "уходу с социальной сцены"⁶.

Резонно возникает вопрос о том, почему данные публикации и последующие дискуссии о взаимоотношениях власти

и интеллигенция в Россия появилась именно в начале 90-х гг. Известно, что на крутых поворотах российской истории уже не раз внимание общества обращалось к истории отечественной интеллигенции. "Бедная русская интеллигенция! Каждый раз, когда обостряются наши отечественные неблагоприятия и мы не знаем, как выйти из затруднений, в которые поставила нас история, — мы неизменно находим одного и того же виновника всех бед, своего рода "стрелочника" на тяжком пути нашего прогресса — русскую интеллигенцию. В лучшем случае, когда ее не сажают на скамью подсудимых и ей не грозит полное осуждение, предъявляется иск к ее "духовным ценностям", и тяжба кончается той или иной, более или менее существенной урезкой этих последних", — говорилось в сборнике статей "В защиту интеллигенции", опубликованном еще в 1909 г.⁷ Дискуссии разных лет о месте и роли интеллигенции в жизни российского общества имеют продолжение и в наши дни. Одни авторы, опираясь на имеющиеся уже в обществе суждения, обвиняют российскую интеллигенцию во всех бедах нашего многострадального отечества, другие, напротив, видят в интеллектуальных силах спасение Отчизны. Во многом и то, и другое мнение опирается не на глубокие научные разработки, а на обыденное политическое сознание, навязанные за десятилетия стереотипы.

Своеобразие нынешней ситуации в обществоведении заключается в том, что, отказываясь от вульгарных трактовок марксизма суловско-ждановским фундаментализмом, исследователи пытаются найти ответы у западных коллег. А многие современные западные интеллектуалы порой выносят категоричные суждения о роли интеллигенции в российском обществе.

Тибор Самуэли доказывал, что "русская интеллигенция была орудием разрушения..."⁸ Германский исследователь, доктор исторических наук из Кельнского университета Леонид Льюкс опубликовал в московском журнале статью под символическим названием "Интеллигенция и революция: Летопись триумфального поражения", в которой утверждается: "Царская власть, с которой интеллигенция так страстно боролась с

самого своего возникновения, казалась ей вместе с тем и настолько всемогущей, что она не рассчитывала на скорое крушение самодержавия и возможность взять власть в свои руки. Практика и технология власти совершенно не занимали интеллигенцию, она отождествляла себя с жертвами. По-иному обстояло дело с большевиками. Семнадцатый год и последующие события показали, что большевики были, в сущности, исключением внутри "ордена" (интеллигенции — А.К.). Только большевикам во главе с Лениным удалось соединить радикальный утопизм с исключительно трезвым пониманием механизмов насилия. Вот почему они добились самого большого успеха среди всех групп интеллигенции и превратили "орден" (или хотя бы часть его) из кучки беспочвенных мечтателей в господствующий слой гигантской империи. Но уже через десять лет после своего триумфа "орден" лишился власти, а еще через десять лет большая его часть была физически уничтожена"⁹.

Во многом подобные суждения основываются на взглядах авторов сборника "Веки" (1909 г.) и совпадают с трактовкой В.И.Ульяновым (Н.Лениным) истории "трех этапов русского освободительного движения". Однако история российской интеллигенции не может быть сведена к рассмотрению дворянского, разночинского и пролетарского этапов в схеме данного ленинского представления о прогрессе революционной мысли России. Во-первых, следует обратить внимание на отсутствие в этих трактовках представления о сущностных изменениях в самой интеллигенции. Понятие "интеллигенция" с одинаковой легкостью подставляется в исторические сюжеты и конца XVIII в., и конца XIX в., и конца XX в., хотя даже по поверхностным характеристикам видны существенные различия в сущностных критериях. Еще в 1969 г. А.Г.Здравомыслов подчеркивал, что "операциональное определение предполагает критическое рассмотрение сложившегося понятийного аппарата, с тем, чтобы отделить прошлое и настоящее в содержании понятий. Такое расчленение не следует понимать как отказ от обращения к прошлому, наоборот, оно ориентирует

исследователя на выделение ряда этапов, связанных с историей исследуемого вопроса"¹⁰. Во-вторых, уже традиционными среди отечественных и зарубежных обществоведов стали споры о самом понятии интеллигенции. История данных споров и современные дискуссии по этим вопросам подробно отражены в книге К.Г.Барбаковой и В.А.Мансурова¹¹.

На наш взгляд, сегодня особый интерес в качестве теоретической основы исследования истории интеллигенции представляет выработанный в обществоведении подход к определению интеллигенции, исходя из той функции, которую умственная деятельность выполняет в более широкой системе общественных отношений, и той роли, которую играет труд людей, занимающихся этой деятельностью, в данной системе. Эта функция обеспечивает связность и гомогенность общественной жизни, интеграцию индивида в существующие общественные отношения, она создает единство всех социальных групп, так как предполагает организацию и воспитание сознания, специальную разработку идеологических отношений людей. Таким образом, интеллигенцией является группа людей, которые внутри социальных групп специально заняты разработкой идеологических связей. Данный подход позволяет видеть в интеллигенции не некую "прослойку", объединенную характером труда, выполняемого ее членами и стабильно присутствующую в обществе наряду со "средними слоями", а совершенно особую часть общества, с одной стороны, являющуюся необходимым условием самого существования именно данного общества, с другой стороны, претерпевающую разительные изменения по ходу изменений, происходящих в обществе¹².

Эта трактовка отвергает суждения об исключительности российской интеллигенции и о ее противопоставлении западным интеллектуалам. Во всех обществах интеллигенция существовала первоначально как немногочисленная категория лиц, обладавшая досугом и достатком и осуществлявшая фактическую монополию на умственный труд, в условиях, когда в обществе сохранялись сословные традиции, известная

устойчивость социальных делений. В этих условиях интеллигенцию окружал ореол "избранности" и исключительности, поле относительной самостоятельности интеллигенции, определяемое характером ее связи с господствующими классами, было достаточно широко и предоставляло ей большую свободу.

Все эти предпосылки способствовали выработке у интеллигенции своеобразной идеологии, в которой интеллигенция осознавала себя в качестве носителя всеобщей совести общества, общечеловеческих ценностей. Приоритет общечеловеческих ценностей — это не изобретение новоявленных теоретиков и не реанимация утопических идей, а требование времени, жесткий императив. За этим императивом стоят объективные противоречия современной эпохи.

Канадский исследователь Фред Эйдлин в работе "Мощь и бессилие системы коммунистической власти" подчеркивает, что такие понятия, как "структура власти", "элита власти" или "монополия власти" заостряют внимание на том, что в любом обществе отдельные индивиды пользуются большим престижем, весом, привилегиями и другими ценностями. Тем не менее, оперируя указанными понятиями, возможно ошибочное их толкование, особенно когда взгляд на интеллектуальную элиту общества сопровождается объективным анализом того, кто действительно контролирует общество. При этом, конечно, предполагается, что должны существовать управляющие группы или лица. Эти понятия часто понимают как идентичность статуса политической и экономической элиты, осуществляющей влияние на политический, социальный и экономический процессы в обществе¹³. Парадокс, однако, в современном обществе заключается в том, что может существовать такая "структура власти", как "правящая элита", которая, взятая как целое, господствует в обществе, в то время как входящие в нее индивиды, даже и те, кто занимает в ней высокое положение, остаются рабами системы. Как в таком случае должны соотноситься понятия "интеллектуальная элита" и "правящая элита"?

Если мы попытаемся проследить последовательность

смены элит в обществе, то можем заметить некоторые общие закономерности. Первоначально господствовала аристократическая элита, формируемая как наследственная группа. Она исчерпала свои потенции с кризисом феодализма, хотя длительное время пыталась поддерживать идеи консерватизма. При капитализме господствует экономическая элита, выдвигаемая через систему буржуазной демократии и на основе идей либерализма. Кризисными явлениями в развитии капитализма воспользовались сторонники различного вида социализмов (большевики в России, нацисты в Германии, фашисты в Италии). При этой в "странах победившего социализма" господствовала бюрократическая элита, выдвигаемая по классовому или национальному признаку. Интеллигенция и ее интеллектуальная элита могли частично интегрироваться в правящую (аристократическую, экономическую, бюрократическую) элиту или частично противостоять ей. Чаще всего с идеологической деятельностью интеллигенции связана смена элит. Однако, используя идеологический потенциал интеллигенции для прихода к власти, все предыдущие правящие элиты превращали интеллигенцию в рабов системы.

Объективное конструирование современными интеллектуалами нового прошлого интеллигенции должно помочь осознать принципиально отличную от всего предыдущего ситуацию в мире. Постиндустриальное, информационное общество требует прихода на место правящей элиты интеллектуальной элиты, выдвигаемой по признаку рациональности на основе идей гуманизма. Объективная роль интеллигенции в современном обществе становится доминирующей, за ней будущее планеты. И в этих условиях актуальными представляются обращения российского экономиста Григория Явлинского к современной интеллигенции: "Создай, наконец, свою власть. Сама делай, предлагай, смотри, выбери вот этих - которые выросли из тебя, которых ты сама учила, которых ты сама... воспитываешь... На, бери, делай. Ты сегодня должна, обязана. В этом смысле я говорю о проблемах власти. Если ты опять будешь только продолжать ругать власть, ты негодяйка, ты не

выполнила свой долг, неизвестно, зачем ты появилась вообще" I4.

-
- I См., напр.: Люкс Л. Россия между Западом и Востоком. М., 1993. С.58-75.
 - 2 Klaus von Beyme. Intellectuals, Intelligentsia // Marxism, Communism and western Society. A comparative Encyclopedia. N.Y., 1972. Vol. IV. P.301-312.
 - 3 Лозинский Е.И. "Что же такое, наконец, интеллигенция?" (Критико-социологический опыт). СПб., 1907.
 - 4 Панченко А.М. Не хочу быть интеллигентом // Московские новости. 1991. № 50.
 - 5 Кабаков А. Стыдоба // Московские новости. 1993. № 42.
 - 6 Литературная газета. 1992. № 5.
 - 7 В защиту ин. эллигенции. СПб., 1909. С.139.
 - 8 Новый колокол. Лондон, 1972.
 - 9 Люкс Л. Интеллигенция и революция: Летопись триумфального поражения // Вопросы философии. 1991. № II. С.14.
 - 10 Здравомыслов А.Г. Методология и процедура социологических исследований. М., 1969. С.63.
 - 11 Барбакова К.Г., Мансуров В.А. Интеллигенция и власть. М., 1991.
 - 12 Данная трактовка основывается на взглядах Мераба Мамардашвили, изложенных в книге "Как я понимаю философию". (М., 1990. С.334-336).
 - 13 Эйдлин Ф. Мощь и бессилие системы коммунистической власти. Торонто, 1989.
 - 14 Знамя. 1993. № 3. С.167.

II. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОПАГАНДА И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Е. С. Сенявская

"ОБРАЗ ВРАГА" В СОЗНАНИИ УЧАСТНИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Любая война начинается задолго до ее объявления, которому обязательно предшествует идеологическая и психологическая обработка населения официальными пропагандистскими структурами, внушающими народу мысль о необходимости и неизбежности грядущей войны, о защите национальных интересов, проясках врагов, внешней угрозе и т.д. и т.п. Играя на патриотизме, национальных чувствах, традициях и пред-рассудках, объявляя свои цели благородными и справедливыми, а цели потенциальных противников низменными и корыстными, пропаганда каждой из сторон-участниц будущей войны закладывает в сознание своего народа образ врага, воскрешая старые обиды и выискивая новье, на которое можно опереться в современной ситуации. Психология "свой - чужой" в кризисный период обостряется до предела, проходя путь от высокомерно-пренебрежительного отношения до полного неприятия иной культуры, носителем которой является враг.

Каким же предстает образ врага в сознании современников и участников первой мировой войны? Существует три основных вида источников, в которых зафиксированы представления людей того времени о неприятеле, причем освещение в каждом из них "образа врага" существенно различается. Первый вид источников, отражающий официальную точку зрения, носит в основном пропагандистский характер. Это главным образом периодическая печать, в том числе фронтовые, армейские газеты и листовки, адресованные непосредственно солдатам. Для такого рода материалов характерно изображение врага в образе зверя, чудовища, дикаря, варвара, отрицается сама принадлежность его к "культурному миру". Здесь, используя подлинные или мнимые факты, преуспевает

обе воюющие стороны. Достаточно сравнить заголовки русских и немецких газетных статей того времени: "Невероятное зверство германцев" и "Казачья кознь"; "Христиане ли немцы?" и "Мародерство русских при Эйдткунене"; "Германские неистовства" и "Люди или звери"; "Как воюют палачи" и "Партизанская война в России"¹. Каждая из сторон старается представить истинным виновником войны своего противника, выставляя себя невинной жертвой. Немецкие газеты называют главной причиной войны "зависть других держав к Германии, которая могла бы сделаться самым могущественным государством, а чтобы этому воспрепятствовать, нужно было ее уничтожить". Далее следует убийственная характеристика членов неприятельской коалиции: "С этой целью (уничтожения Германии - Е.С.) и соединились такие противоположности, как Россия, представительница самого крайнего абсолютизма, и мать революции и гильотины Франция. Россия, в которой каждый монарх без исключения погибает насильственной смертью, протягивает руку Сербии, оскверненной царубийством, самое старое на свете конституционное государство Англия не стыдится стать в одном ряду с царскими жандармами, подавляющими свободу при помощи кандалов, кнута и виселицы. Англия, связанная с Германией узами крови, разыгрывает до последнего момента роль приятеля, чтобы в конце концов погрузить свои руки в братскую кровь"². В свою очередь газеты государств Антанты возлагают ответственность за развязывание войны на Германию с ее "извечной агрессивностью", нацеленной на миролюбивых соседей, и не жалеют ярких эпитетов для нее и ее союзниц. В печати обоих враждующих блоков всячески подчеркиваются систематические нарушения противником законов и обычаев войны, определенных международным правом. При этом нарушение "правил игры" своей стороной либо отрицается, либо объявляется актом возмездия за аналогичные действия неприятеля. Так, пытки, издевательства и изощренные убийства пленных казаков немецкая сторона пыталась оправдать жестокостью самих казаков в отношении мирных жителей на оккупированных

русской армией территориях, а расправы над гражданским населением во Франции и Бельгии — массовым партизанским движением в этих странах. Французы, в свою очередь, поднимали вопрос о необходимости ответного применения отравляющих газов против германских войск, использовании разрывных пуль и другого запрещенного Гаагской конвенцией оружия по принципу "Око за око, зуб за зуб". Впрочем, реализованы эти планы не были.

Другой официальный источник отличается большей сдержанностью и объективностью оценок и часто носит аналитический характер. Это боевые донесения и доклады, содержащие информацию о настроениях в войсках неприятеля и внутри враждебного государства, наблюдения о боевых качествах врага, его стратегии и тактике, основанные на данных разведки и показаниях военнопленных. Так, опросные листы свидетельствуют о том, что германские и австрийские офицеры запугивали солдат русским пленом, утверждая, будто русские всех расстреливают и добивают раненых³. То же самое говорилось в русской армии о немецком плене, что, в отличие от предыдущего заявления, подтверждалось многочисленными фактами. По признанию одного из военнопленных, рядового австро-венгерской армии, от 2.12.14 г., "сказкам о русской жестокости теперь уже мало верят, так как в действительности она почти нигде не подтвердилась, а лично с пленными кубанские казаки, его захватившие, обращались хорошо: накормили и, узнав, что он болен, приказали хозяину той избы, где он находился тогда, запрятать коня и на возу довели до русского госпиталя"⁴. Между тем, по утверждению лейтенанта австрийского пехотного полка, издевательство над русскими пленными в немецкой и австро-венгерской армии было возведено в систему. "В конце апреля и в мае (1915 г. — Е.С.), при отходе русских к реке Сан, ко мне неоднократно прибегали мои солдаты — чехи, поляки и русины — и с ужасом докладывали, что где-нибудь поблизости германские и часто австрийские солдаты-немцы занимаются истязанием русских пленных, замучивая их до смерти, —

рассказывал он. — Сколько раз я обращался по указанному направлению и видел действительно ужасную картину. В разных местах валялись брошенные обезображенные и изуродованные трупы русских солдат. Находившиеся поблизости германские солдаты каждый раз мне объявляли, что они лишь исполняют приказания своих начальников. Когда я обращался к германским офицерам с вопросом, правда ли это, то они мне отвечали: "Так следует поступать с каждым русским пленным, и пока вы, австрийцы, не будете делать того же, вы не будете иметь никакого успеха. Только озверелые солдаты хорошо сражаются, но для этого наши солдаты должны упражняться в жестокости на русских пленных, которые, как изменники своей Родины и добровольно сдавшиеся в плен, ничего, кроме пытки, не заслуживают"⁵.

Несмотря на подобные факты, характеризующие облик врага, русские войска придерживались "рыцарского кодекса" ведения войны, в традициях которого был воспитан офицерский корпус. Отступление от кодекса считалось не только позорным, но и вредным для успеха на поле боя. Нарушители немедленно призывались к порядку⁶.

Примером рыцарского отношения к врагу (и бестактности по отношению к своим, как это и было воспринято общественным мнением) может служить поведение генерал-майора В.П.Форселя, командира порта Императора Александра III в г.Либаве, который неоднократно нарушал специальные распоряжения командования "не допускать проявления особого внимания и поблажек по отношению к военнопленным" и чуть было не организовал торжественный обед в честь немецких офицеров со сбитого "Цеппелина", по поводу чего органы контрразведки провели особое расследование⁷.

"Несанкционированное" уважение к врагу проявлялось порой и с немецкой стороны. Так, в письме неизвестного офицера с французского фронта есть любопытный эпизод, в котором даны восторженные оценки мужеству неприятеля: "Французов гораздо больше, чем нас, и они безумно храбры... Что это за люди! Идут на верную смерть... Сегодня

был такой случай. Начали, как всегда. Впереди — офицер. Но солдаты замялись. Половина осталась в траншеях. Другую половину мы моментально смели, как метлой. Остался целым один офицер. Машет шпагой и бежит на нас... И вот мгновенно без команды затихла стрельба. Ни мы, ни французы, не стреляем. Храбрец постоял перед жерлами наших пулеметов, рука со шпагой бессильно повисла. Повернулся и сконфужено, как провинившийся школьник, пошел к своим..."⁸. Но в целом для немецкой армии такие настроения были нетипичны.

Третий вид источников (кстати, последний из приведенных выше документов относится именно к этому виду) содержит субъективные оценки частных лиц, в которых тесно переплелись взгляды, сложившиеся под влиянием пропаганды, и зачастую противоречащий этим первоначальным убеждениям собственный жизненный опыт. Это источники личного происхождения — письма, дневники, воспоминания. Причем, в письмах с фронта отражаются взгляды той части народа, которая ведет непосредственную вооруженную борьбу с врагом, находясь с ним в постоянном прямом контакте, а письма из тыла отражают опосредованное влияние военных событий на сознание людей, для которых противник по-прежнему остается обезличенной символической фигурой.

Приведем для сравнения несколько писем, найденных у военнопленных и убитых немецких солдат и офицеров. 21.08.14 г. командир 33 эрзац-батальона капитан фон Бессер пишет о боях в Восточной Пруссии: "Мои люди были настолько озлоблены, что они не давали пощады, ибо русские нередко показывают вид, что сдаются, они поднимают руки вверх, а если приблизишься к ним, они опять поднимают ружья и стреляют, а в результате большие потери"⁹. В ответе его жены от 11.09.14 г. мы находим следующий отклик: "Ты совершенно прав, что не допускаешь никакого снисхождения, к чему? Война — это война, и какую громадную сумму денег требует содержание в плену способных к военной службе людей! И хвать ведь тоже хочет эта шайка! Нет, это слишком великодушно, и если русские допускали такие ужасные гнусности,

какие ты видел, то нужно этих скотов делать безвредными! Внуши это также своим подчиненным"¹⁰. Но если в письмах начала войны, преисполненных бодрости и патриотического подъема, отношение к врагу чаще всего высокомерно-презрительное, то чем дольше длится война, чем сильнее проявляется усталость, тем чаще неприятель воспринимается в облике такого же измученного, уставшего от войны человека. Характерно, что подобные настроения распространяются как на фронте, так и в тылу. Вот что пишет жена немецкого солдата 17.12.14 г. из Берлина: "Ты боишься, как ты мне пишешь, что когда-нибудь можешь попасть в плен? Я не думаю, дорогой Вилли, но когда случится, ведь русские тоже люди и с вами тоже будут обращаться, как с людьми. Я говорила с русскими беглецами, и они мне описывали русских как добродушных людей, но я все-таки прошу тебя — не попадайся в плен. Слышали ли вы про великую победу в Польше? Сегодня весть эта стала распространяться у нас. Но сколько людей, вероятно, опять при этом должны были погибнуть? Не захотят ли русские скоро мира? Когда подумаешь, не поймешь, почему, почему все это?"¹¹.

Жизнь на передовой постоянно создавала ситуации, когда сходство солдатского быта, повседневных житейских мелочей волей-неволей заставляли почувствовать некую "общность" с противником, таким же "пушечным мясом", бесправной "пешкой" в непонятной ему игре. В письмах с фронта унтер-офицера И.И.Чернецова говорится о том, как немцы и русские отмечали на передовой Рождество и Новый год, заключив что-то вроде негласного перемирия на все время праздников. "Немецкое Рождество прошло на нашем фронте вполне спокойно, без выстрелов орудийных и ружейных, а также спокойно прошла и ночь на их Новый год, только сами немцы сильно шумели: пели песни, свистали, хлопали в ладоши и прыгали, не смущаясь присутствием нас, а мы очень близко находились в это время от них. Сейчас уже вот несколько дней на фронте так же спокойно, но только интересно, как-то пройдет наше Рождество и не потревожат ли нас сами немцы на наш

праздник или на Новый год", - пишет он сестре 22.12.14 г., а уже 29.12 сообщает: "Рождество Христово нам пришлось встречать на передней позиции, как я и писал ранее вам. Немцы нас совершенно не тревожили ни в сочельник, ни в самый праздник. В сочельник у артиллеристов была зажжена елка, поставленная перед землянками. Вечер был тихий и свечей не задувало. Потом им раздавали подарки и заказанные ими вещи"¹². Так под влиянием личных впечатлений, приобретенных на войне, образ врага-зверя, воспитанный средствами пропаганды, постепенно трансформировался в образ врага-человека.

Невольное сравнение себя с противником можно обнаружить во многих немецких письмах и дневниках, особенно там, где речь идет о снабжении армии обмундированием и продовольствием (по свидетельствам документов, немецкие и австрийские войска на Восточном фронте часто голодали). Так, солдат 51 пехотного полка пишет 19.11.14 г.: "Вечером выступили и по дороге опять встретили несколько больших партий военнопленных русских. Это довольно крепкие и, можно сказать, хорошо кормленные люди"¹³. А в одной из немецких газет за 05.04.15 г. не без зависти говорится: "Русский пехотинец хорошо одет и обут. Что касается питания, то много жаловались после сдачи в плен, что несколько дней ничего не ели, имея при этом внешний вид очень хороший. У немецких офицеров сложилось уже давно мнение, что русские солдаты это говорят для вызова к ним чувства сожаления. При обыске у русских военнопленных при каждом пехотинце всегда находили кусок хлеба"¹⁴. Но вот автор доклада русской военной разведки, отмечая факты плохого снабжения австрийской армии, негодует совсем по другому поводу: "Офицеры и интенданты объясняли отсутствие провианта действиями русской кавалерии, постоянно взрывавшей в тылу у неприятеля мосты и портившей дороги, благодаря чему своевременный подвоз был невозможен. Офицеры были в изобилии снабжены консервами и даже вином. Когда на привале они начинали пиршествовать, запивая еду шам-

панским, голодные солдаты приближались к ним и жадно смотрели на это, когда же кто-нибудь из них просил дать хоть кусочек хлеба, офицеры отгоняли их ударами сабель"¹⁵. В каждой строке этого официального документа сквозит сочувствие к вражеским солдатам.

Особый интерес вызывает характеристика боевых качеств неприятеля, которая в той или иной форме встречается в каждом из перечисленных видов источников. При этом даже в официальных докладах наряду со взвешенными деловыми оценками имеются высокомерные выпады в адрес противника вплоть до обвинения его в трусости. Вот лишь некоторые из оценок, данных немцами русской армии: "Недостаток образования и военной подготовки у русского пехотинца заменяется его выносливостью, т.е. способностью легко переносить все невзгоды природы... Русский пехотинец, послушный и исполнительный, не имеет, однако, жилки желания победы"; "У русских не хватает духа офензивы (наступления - Е.С.), тогда как они отлично обороняются и очень способны к партизанской войне"; "Русские казаки рыщут везде, но лихости у них никакой. Зато они отлично умеют прятаться, их укрытия совсем нельзя заметить"; "Русские очень хитры, но зато трусливы"¹⁶. Впрочем, и русские не остаются в долгу, делая свои заключения по поводу стойкости и боевого духа неприятеля. И здесь особенно показательны выводы, сделанные армейской разведкой на основе показаний военнопленных и наблюдений за ними: "Офицеры запаса (австрийской армии - Е.С.), проявляя в бою малодушие и растерянность и совершенно не умея руководить своей частью, в то же время не менее стрелковых офицеров пользовались саблей и особой плетью для поддержания своего престижа и дисциплины, которая начинала падать"; "Офицеры австрийские, в числе 14 человек, взятые в плен Златоустовским полком, произвели, за исключением одного, удручающее впечатление своей неинтеллигентностью вообще, внешним видом и грубостью манер"; "Вместо прежнего упорства при допросах и высокомерного тона у германских офицеров, на смену явились покорный тон, сравнительная

откровенность и плохо скрываемая удовлетворенность, что попали в плен"; "Нижние чины германской армии, за малыми исключениями, охотно отвечают на все вопросы. Нижние чины в последнее время имеют очень исхудалый и измученный вид, обмундирование оборвано, а вместо нижнего белья одно тряпье"; "Настроение германских солдат неважное, но офицеры подбадривают их ложными сообщениями о победах"; "По словам пленных, настроение в войсках угнетенное"¹⁷.

Впрочем, "угнетенное настроение" постепенно зреет в армиях всех воюющих государств, а вместе с ним, вместе с усталостью и желанием скорейшего мира растет озлобление против "виновников войны". Вопрос в том, кого считать виновником и каким теперь видится образ врага. Декабрь 1914 г., Восточный фронт: "Австрийские войска недовольны этой войной, которая надоела как нижним чинам, так и офицерам. Против Германии существует довольно сильное озлобление, так как войска теперь убеждены, что война возникла по прояскам и наущению соседки. Офицеры желали бы во что ни стало заключить мир, но Германия не позволяет этого, и потому недовольство ею только растет"¹⁸. Июль 1915 г., Восточный фронт: "Все пленные германские офицеры и нижние чины убежденно говорят, что Россия объявила войну и имеет завоевательные стремления, а офицеры, кроме того, уверяют, что русская армия была за 2 недели до объявления войны мобилизована"¹⁹. Июль 1915 г., из письма немецкого офицера с французского фронта: "Зачем, почему этот ад?! Душит злоба на тех, кто вызвал катастрофу. Я умолял перевести меня на английский фронт. Хочу упиться муками этого трижды проклятого народа. О, да, трижды, сто раз проклятого!!! Ибо они одни всему причиной. Они зажгли пожар"²⁰. Таким образом, психология "свой - чужой" остается в силе: "Свой всегда прав, чужой всегда виноват". Правда, обостряются отношения между союзниками в блоке центральных держав, но они всегда были довольно натянутыми. Образ врага претерпевает некоторые изменения на "бытовом" уровне и сохраняется в прежнем виде на уровне "глобальном": ни

один народ не готов признать свою страну зачинщицей конфликта, он ищет и находит для нее оправдания — из патриотических чувств, национальной гордости или инстинкта самосохранения. Но пройдет еще немного времени — и усталость возьмет свое, недовольство перейдет в революционное брожение, ненависть масс перекинется с врага внешнего на "врага внутреннего", обрушится на собственные правительства. Одна всемирная катастрофа повлечет за собой другую, не менее страшную, которая будет стоять человечеству еще большего числа жертв. А пока в перерыве между боями на Восточном фронте 23 декабря 1914 г. немецкий офицер записывает в своем дневнике: "Мы теперь все устали от войны. Самая сокровенная наша мечта, о которой мы часто говорим, — это мир. Мирные переговоры для всех нас были бы избавлением от этого кошмара. Но куда ни посмотришь — нет выхода, нет надежды"²¹. Впрочем, политиков не волнует, о чем думает "пушечное мясо".

Итак, в сознании участников I-й мировой войны существовало два образа врага. Первый, "глобальный", сформировавшийся под воздействием пропаганды, включал в себя представления о враждебном государстве или блоке государств; второй, "бытовой", возникал в результате непосредственных контактов с лицами из противоположного лагеря — военнопленными и интернированными, неприятельскими солдатами в бою и мирным населением оккупированных территорий. На изменение образа врага влияли такие факторы, как продолжительность войны, ход и характер боевых действий, победы и поражения, настроения на фронте и в тылу, причем, более "мобильным" был именно второй образ. Что касается первого, то он закрепляется в сознании нескольких поколений, приобретая характер стойкого "послевоенного синдрома".

Именно в период 1914–1918 гг. "рыцарский кодекс" в соблюдении законов и обычаев войны постепенно уходит в прошлое, открывая дорогу оружию массового уничтожения, задавая зловещую "программу" грядущим войнам XX в.

- I РГБИА. Ф.2019 (Штаб Главного командующего армиями Северо-Западного фронта, 1914-15 гг.). Оп. I. Д.525 (Материалы разведывательного отделения, Иностранная печать). Л.2, 6, 8, 27; Д.730 (Газета "Вестник X-ой Армии", май 1915 г.), Л.3; Д.732 (Газета "Наш вестник", июль 1915 г.), Л.3, 5, 23.
- 2 Там же. Д.525. Л.19-20.
- 3 Там же. Д.533 (Материалы опроса пленных Штабом Северо-Западного фронта, 1914 г.). Л.14; Д.535 (Опросные листы военнопленных). Л.129; Д.730. Л.27.
- 4 Там же. Д.533. Л.76.
- 5 Там же. Д.732. Л.19.
- 6 Яковлев Н. I августа 1914. М., 1974. С.65.
- 7 РГБИА. Ф.2020 (Канцелярия Главного начальника снабжений армий Северо-Западного фронта, 1914-15 гг.). Оп. I. Д.148 (Дело о генерал-майоре В.Н.Форселе).
- 8 Там же. Ф.2019. Оп. I. Д.732. Л.32.
- 9 Там же. Д.642 (Дневник и письма капитана фон Бессера). Л.28.
- 10 Там же. Л.48.
- 11 Там же. Д.654 (Солдатские письма, найденные у захваченных в плен германцев). Л.13.
- 12 ЦДА МТНАИ. Ф.196. Оп. I. Ед. кр. 61 (Письма с фронта И.Н.Чернецова, 1914-15 гг.). Л.17-18, 20-21.
- 13 РГБИА. Ф.2019. Оп. I. Д.654. Л.22.
- 14 Там же. Д.525. Л.87-88.
- 15 Там же. Д.533. Л.75-76.
- 16 Там же. Д.525. Л.87-88; Д.642. Л.24, 30, 44.
- 17 Там же. Д.505 (Опросные листы военнопленных и переписка разведывательного характера штаба III-й армии). Л.118-119; Д.516 (Сводки X-й армии по разведывательному отделению, 1915 г.). Л.19; Д.535. Л.75-76.
- 18 Там же. Д.535. Л.75-76.
- 19 Там же. Д.505. Л.118-119.
- 20 Там же. Д.732. Л.32.
- 21 Там же. Д.644 (Дневники военнопленных и убитых германцев, 1914-15 гг.). Л.3.

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО 1930-Х ГОДОВ И ФОРМИРОВАНИЕ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ*

Внешнеполитические стереотипы, из которых большей частью состоят обыденные представления о внешнем мире, являются существенной, а в ряде случаев очень важной составляющей массового сознания. В отечественной историографии им, однако, до последнего времени почти не уделялось внимания. Особенно слабо изучено формирование внешнеполитических стереотипов в конкретно-историческом контексте. Данный очерк представляет собой лишь первую попытку освоения этой сложной проблемы.

В массовом сознании по-прежнему господствует древнейший тип сознания, получивший в литературе название мифологического. Само название предполагает, что этот тип сознания относится к прошлому. Действительно, лучше всего он исследован в классических трудах К. Леви-Стросса, Дж. Фрэйзера, Э. Кассирера и многих других, посвященных традиционным обществам. Однако существенные элементы мифологии даже в обыденном ее понимании сохранились в массовом сознании до наших дней и оказывают вполне реальное воздействие на современную историю, особенно в XX в. когда появилось так называемое массовое общество и возросло влияние масс на социально-политические процессы¹.

Отмечая мифологизированность современного сознания, С. В. Чугров выделяет три слоя мифологем: архетипы или остатки древнейших мифов; мифы, сформировавшиеся в сознании того или иного этноса по ходу его истории; современные мифологемы². Но важнее то, что сохраняются механизмы и качественные особенности мифологического сознания — а только этим и можно объяснить появление новых мифологем, которые упоминает исследователь.

В отличие от рационального мышления, для которого характерно следование законам логики, наличие системы

* Данная статья подготовлена в рамках исследовательского проекта "Цивилизационная специфика России и внешнеполитические традиции советской эпохи". Грант предоставлен Российским гуманитарным научным фондом.

доказательства, выводы, возможно ошибочные, но основанные на изучении реального мира и реального человека и поддающиеся проверке, мифологическое сознание конструирует свой мир, существующий и развивающийся по собственным законам. Оно ассоциативно, эмоционально, отличается авторитарным характером, что, как правило, исключает сомнения и самостоятельный поиск истины. Для мифологического сознания характерно стремление опереться на веру, а не на знание.

Этот тип сознания всегда играл значительную, если не определяющую роль. Массовые движения самого различного вида и политической ориентации, сознательно или бессознательно искали и находили себе опору в этих свойствах массового сознания.

Одним из важнейших отличий мифологизированной картины мира является ее упрощенность. Мир предстает как арена борьбы светлых и темных сил, все его многообразие воспринимается в черно-белом свете, лишается оттенков и полутонов. При этом окружающий мир за пределами непосредственно освоенной территории — например, за границами данного государства — мифологизированное сознание склонно воспринимать как зону опасности, где действуют силы, враждебные человеку³.

Одной из основных форм восприятия окружающей реальности, свойственной мифологическому сознанию, являются стереотипы, или устойчивые, упрощенные, эмоционально окрашенные представления, основанные, как правило, не на личном, а на групповом опыте. Американский исследователь У. Липшман определил их как "упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой "картинки мира" в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценностные позиции и права"⁴.

Стереотипы выполняют важные функции: они способствуют селекции и структурированию поступившей извне информации. Их роль возрастает в кризисные эпохи, когда поток информации, причем информации зачастую непривычной и неожиданной, резко увеличивается, а возможности для ее

рационального осмысления сокращаются. Вместе с тем значение стереотипов — для отдельного человека или социальной группы — находится в обратной зависимости от личного или группового опыта освоения действительности. Чем больше подобный опыт, тем меньше вероятности, что когда-то усвоенные стереотипы будут сохраняться в неприкосновенности (хотя нельзя не отметить, что они обладают высокой жесткостью и устойчивостью). С другой стороны, когда личный опыт невелик или полностью отсутствует, весь процесс освоения информации порою сводится к воспроизводству и усвоению готовых стереотипов и стереотипных реакций.

Личный опыт среднего человека, по крайней мере до второй мировой войны, зачастую оказывался минимальным в тех случаях, когда речь шла о внешнем мире в целом, об иных странах, об этносах, не живущих в непосредственной близости от него. Стереотипы, связанные с восприятием внешнего мира, передавались в готовом виде как часть социального опыта, а поступление дополнительной информации в этом случае являлось ограниченным.

В отечественной литературе приняты термины "этнические представления" (Н.А.Ерофеев)⁵ или "этнические стереотипы" (С.В.Чугров)⁶. Однако определение "этнический" сужает смысл термина, так как стереотипы, связанные с внешним миром, включают в себя представления о политическом строе, реальной социально-экономической или политической ситуации за рубежом, культуре и т.п. К тому же в советском обществе, о чем идет речь в очерке, представления о внешнем мире были в высокой степени политизированы. Поэтому в данной работе используется — разумеется, не бесспорный — термин "внешнеполитические стереотипы".

х ж ж

Революция 1917 г. и последовавший за ней советский период российской истории непосредственно связаны с процессами, происходившими в массовом сознании. Помимо прочего они являлись и причиной, и следствием мифологизации

масс⁷. Уже в первые годы Советской власти выросло, причем весьма заметно, количество стереотипов, постоянно употребляемых в речах и текстах, образных выражений и пышных сравнений (замечательную пародию на подобный стиль можно прочитать у И.Ильфа и Е.Петрова в романе "Двенадцать стульев", в сцене, где речь идет о митинге, посвященном открытию старгородского трамвая). Это говорило не просто о мифологизированном сознании, скажем, политической элиты или широких масс, но и об официальном характере мифологизации.

Особенно сильно развились эти тенденции в эпоху существования тоталитарного политического режима, в 1930–1950-е гг. Понятия "тоталитаризм", "тоталитарное государство", "тоталитарный режим" вызывают и в России, и на Западе постоянные дискуссии⁸. Вызывает сомнение даже сама необходимость применения этих понятий в конкретно-историческом анализе. Тем не менее ряд политических режимов, — а определение "тоталитарный", как кажется, можно применять именно к политическому режиму, и только к нему, — возникших в предвоенный период, явно обладали схожими характеристиками. Наиболее значительными представляются две из них: во-первых, стремление контролировать не только действия, но до определенной степени эмоции и мысли населения. Как показывает опыт, это удавалось лишь в очень ограниченном масштабе, и все же степень государственного (партийного) вмешательства во все сферы частной жизни, не говоря уже об общественной, была на порядок выше, чем в иных социумах. Во-вторых, режимы этого типа обладали способностью создавать для себя массовую поддержку, да и возникали — в отличие от обычных диктатур — в результате массовых движений. Как отметил американский исследователь М.Кертис, тоталитаризм "основывается на массовой поддержке и массовых движениях в большей степени, чем на экономических и социальных группах, составляющих элиты предшествующих обществ"⁹. Для этого использовались различные механизмы, в частности обязательная идеология, дисципли-

нированная массовая партия, харизматический вождь, а главное — мобилизация общества или значительной его части для достижения единой, общенациональной цели.

Очевидно, что возникновение и функционирование тоталитарных режимов тесно связаны с процессами, происходившими в массовом сознании. Распространенное утверждение о появлении так называемого "тоталитарного сознания" представляется, однако, неточным; скорее, речь может идти о том, что тоталитарный режим способствовал росту и затем консервации мифологизированного сознания.

Впрочем, другие аспекты политики тоталитарного режима приводили к противоположным результатам. В качестве общенациональной цели сталинский режим выдвинул программу качественного обновления страны, включавшую в себя индустриализацию, преобразование сельского хозяйства, "культурную революцию". В сущности это была программа интенсивной "модернизации сверху", хотя сам термин и не употреблялся. Не касаясь вопроса об особенностях или эффективности этого варианта модернизации, отметим, что одним из долгосрочных последствий должно было явиться постепенное сокращение сферы влияния мифологического сознания. Впрочем, в 1930-е гг. эти последствия еще не успели проявить себя; напротив, в условиях во многом традиционного общества любая "революция сверху" вела скорее к росту мифологизации сознания.

В отличие от авторитарных режимов режимы тоталитарные были ориентированы на политизацию населения. Стремление держаться в стороне от политики, которое приветствуют традиционные диктатуры, для режима нового типа являлось проявлением нелояльности. Уже в первые послереволюционные годы была создана невиданная в истории система учреждений и механизмов пропаганды, которую американский историк П. Кенез определил как "пропагандистское государство"¹⁰.

Соответствующие представления о внешнем мире представляли собой неотъемлемую часть официальной мифологии.

Мир в ней представлял как арена великой борьбы между силами добра и зла, точнее — силами прогресса в лице коммунистического и рабочего движения и силами реакции, причем победа первых была исторически предопределена. Одновременно создавался как для "внутреннего употребления", так и "на экспорт" образ СССР как оплота мира, "новой цивилизации", позитивной альтернативы Западу, оказавшемуся в начале 1930-х гг. в состоянии острого социально-экономического кризиса. "Среди этих бушующих волн экономических потрясений и военно-политических катастроф СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира. Если там, в капиталистических странах все еще бушует экономический кризис, то в СССР продолжается подъем как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства", — заявил в отчетном докладе на ХУП съезде ВКП(б) в январе 1934 г. И.В. Сталин¹¹. Подобные высказывания буквально на каждом шагу можно было встретить не только в официальных речах и статьях; они постепенно утверждались и в общественном сознании. В ситуации, когда набирали силу фашистские движения, росла социальная напряженность и угроза войны, многие представители либеральной западной интеллигенции действительно видели в СССР прообраз новой цивилизации. Об этом регулярно и подробно сообщали советские средства массовой информации, придавая таким образом особый вес официальной точке зрения.

В соответствии с выше описанными механизмами мифологического сознания формировался образ Запада как мира, враждебного человеку. Разумеется, картина никогда не была одномерной.

Представления об окружающем мире складываются, как отмечают современные исследователи, на основе нескольких крупных информационных блоков¹². Один из них — историко-софский — составляет сведения об истории того или иного государства, вкладе его в мировую культуру. Здесь возможности для самостоятельного получения и освоения информации

в значительной степени сохранялись. Классическая культура Запада не только не запрещалась, но, хотя и с существенными изъятиями, активно пропагандировалась. Сохранялись музеи, библиотеки, их количество и число тех, кто пользовался их фондами, несравнимо увеличилось. Использовалась литература, выходящая до 1917 г., массовыми тиражами переиздавалась классика. Все это позволяло в некоторой степени компенсировать фрагментарность представлений об истории, политических традициях, миропонимании, свойственным иным культурам. Конечно, и здесь хватало стереотипов, и неверных, и просто устаревших.

Второй важнейший блок — политико-информационный — состоит из представлений о политической, социальной, культурной современной жизни других стран. Именно они должны были играть определяющую роль в создании адекватной картины мира. Однако оба основных канала получения информации, относящейся к этому блоку, система образования и средства массовой коммуникации находились под жестким идеологическим контролем. Факты не просто тенденциозно отбирались, они укладывались в определенную схему, соответствующую сиюминутным пропагандистским задачам режима. Более того, само существование подобной схемы и наличие ограничений на получение объективной информации рассматривалось в качестве секрета, что отражалось в грифах соответствующих документов. Другое дело, что в реальности для большинства это было достаточно очевидно. Можно было в некоторой степени скрыть лишь масштабы обработки и отбора информации.

Альтернативных каналов получения информации не существовало. Личные контакты с западным обществом были сведены к минимуму, к тому же делиться информацией, не соответствующей официальным оценкам, было попросту опасно. Правда, к началу 30-х гг. в СССР находилось примерно 20-30 тыс. иностранных специалистов и рабочих, а также политэмигрантов. Но их круг общения был ограничен, к тому же они концентрировались в нескольких крупных промышленных центрах и в масштабах страны не могли служить важным

источником достоверной информации о своих странах. Нельзя не добавить, что официальные власти, как правило, "считали нецелесообразным" развитие контактов между гражданами СССР и иностранцами, живущими в стране.

Постепенно складывалась развернутая система внешне-политической пропаганды. Как отмечает американский исследователь П.Кенез, "освещение международных новостей в 1920-е гг. превосходило то, что было после. В это время советские лидеры все еще верили, что знание мира является частью образования и культуры и что такое знание будет способствовать строительству социализма"¹³. Действительно, в это время часто подчеркивалось стремление перенимать западный опыт не только в области техники, но и в области культуры и быта. Еще в 1930 г. М.Горький писал: "Очерки европейского быта нам крайне важны. Быт наш тяжек, нездоров, полон азиатских наслоений. Нужно его чистить и чистить. Корректуру в него может внести знание Европы и европейской жизни"¹⁴. Постепенно, однако, параллельно с курсом на изоляцию от внешнего мира, росла и официальная убежденность в собственном превосходстве, в том числе в области культуры. Высказывания, подобные вышеприведенному, выглядели все более еретическими (хотя подобные мысли можно найти и в трудах В.И.Ленина).

Необходимость заимствования научно-технического опыта все еще признавалась, хотя и с оговорками, и чаще - в речах не для широкой публики. Так, в выступлении А.И.Микояна на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. прозвучала весьма осторожная формула: "наши некоторые отрасли до уровня технического Америки еще не дошли по-настоящему"¹⁵. Но материалы пленума, как известно, не были опубликованы; в официальных заявлениях и речах эта тема практически исчезла. Во всех остальных сферах, в частности, в политической и культурной областях, превосходство СССР считалось уже само собой разумеющимся. Даже в служебных документах, не предназначенных для распространения, деловой тон порой сменялся неумеренными панегириками.

Например, в служебной записке, составленной ответственным работником Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) в 1938 г. говорилось: "Из всех многочисленных и разнообразных областей культурной жизни, в которых СССР благодаря своим непрерывным новым завоеваниям и достижениям бесспорно идет впереди всех зарубежных стран, нужно назвать раньше всего театральное искусство, кинематографию, музыку, народное творчество, литературу, педагогику и медицину"¹⁶. В открытой пропаганде подобные мысли высказывались еще более решительно.

К тому же попытки представлять в средствах массовой информации хотя бы в какой-то мере объективную картину внешнего мира зачастую приводили к тому, что в массах распространялись весьма нелестные для существующего режима оценки и сравнения. Так, крестьянин из Орловской губернии в январе 1927 г. писал в "Крестьянскую газету": "Америка придет к социализму по другим рельсам, а именно: при такой высокой культурной образованности и достигшей неслыханной технике, хотя и пишут, что там давят тиски рабочий класс, но, обратно, читали, что там работают по всем отраслям машины, а рабочие управляют ими. А рабочий класс живет, пользуется всевозможным комфортом роскоши, что наши буржуа..."¹⁷. Весной 1928 г. на собрании московских безработных в числе прочих была передана в президиум такая записка: "Во Франции и Германии свобода слова и печати, у нас этого нет. Так, где же социализм? Там где воля, свобода и печать, или у нас в диктатуре ВКП(с)..."¹⁸.

Даже материалы, идеологически вполне, казалось бы, "выдержанные", давали порой неожиданный эффект. Широкое освещение стачки английских горняков должно было лишний раз подчеркнуть глубину "общего кризиса капитализма". Однако в 1927-1928 гг. в ходе кампании по заключению коллективных договоров на одном из московских заводов было зафиксировано такое высказывание: "Скажите, горняки Англии за 10% снижение зарплаты бастовали 6 мес., а сколько придется нам бастовать за 14% снижения зарплаты?"¹⁹ Само собой

разумеется, высказывание это проходило в разделе "анти-советские выступления"...

Неудивительно, что система международной информации постепенно все более идеологизировалась. Вместо "очерков европейского быта" все чаще советскому читателю предлагались идеологемы, то есть стереотипы, "возвышающие собственные идеологические и политические ценности и культивирующие чувство враждебности к "чужим" идеологиям и политическим ценностям"²⁰.

Практика отбора международной информации подвергалась резкой критике за безыдейность, недостаточное включение материала в определенную идеологическую схему, внимание, уделяемое интересным, но идеологически "нейтральным" деталям. "Было признано: такое положение больше терпеть нельзя. Нужно политизировать информацию. Поставить ее на службу самым насущным вопросам эпохи", - вспоминал один из первых советских журналистов-международников Н.Г. Пальгунов, впоследствии заведующий отделом печати Наркомата иностранных дел, генеральный директор ТАСС²¹. Уже в 1924-1925 гг. были усилены меры, "преграждавшие проникновение вредных, идеологически и политически, заграничных кинофильмов на экраны советских кинотеатров"²². С конца 1925 г. ужесточилась политика в области радиовещания. Не осталась без внимания и печать.

С января 1927 г. была запрещена открытая подписка на белоэмигрантские издания. В октябре 1927 г. последовало постановление ЦК ВКП(б) "Об улучшении партруководства печати", в октябре 1930 г. - постановление СНК о реорганизации и расширении Главлита²³. Постепенно и советские средства массовой информации вообще, и печать, в частности, превратились, по выражению английского историка Дж. Хэслема, "в тщательно отделанную призму, сквозь которую русские поглядывали на внешний мир"²⁴.

Усиливалась централизация в области средств массовой информации. Специальное постановление ЦК ВКП(б) в ноябре 1934 г. объявило ТАСС "центральным информационным

органом Союза ССР", наделив его "исключительным правом: а) распространения за границей информации о Союзе ССР; б) распространения в пределах Союза иностранной и общесоюзной информации"²⁵. Правда, справедливости ради надо отметить, что монополия ТАСС не была абсолютной, по крайней мере в отношении пункта "а": распространением за границей информации о жизни в СССР занимался и ВОКС, и "Литературное агентство", входящее в объединение "Международная книга" при Наркомате внешней торговли, и ряд других организаций, причем все они весьма ревниво относились друг к другу. Но важна сама общая тенденция к росту монополизации и централизации в области международной информации.

Время от времени средства массовой информации подвергались критике за неудачные "с политической точки зрения" материалы. Объективность информации уже ни в коей мере не являлась достоинством. Так, на пленуме ЦК в феврале 1937 г. представитель Комиссии партийного контроля критиковал редакцию всесоюзного радио за то, в частности, что в материалах, посвященных Германии, много говорилось о внешней политике фашизма, и недостаточно — о трудностях в экономике, "о враждебном к фашизму внутреннем общественном мнении, о нарастании сил, противостоящих фашизму"²⁶. Нет необходимости разъяснять, что о "нарастании сил, противостоящих фашизму", в Германии 1937 г. говорить не приходилось. Не удивительно, что делегаты с мест в ходе того же пленума жаловались на низкий уровень внешнеполитической пропаганды²⁷.

Какую же картину мира пыталась сформировать официальная пропаганда в 1930-е гг.? Эта картина складывалась из достаточно устойчивого набора стереотипов, которые в момент своего возникновения, возможно, в какой-то степени соответствовали реальности, но скоро полностью оторвались от нее. Характерно, что набор стереотипов, сложившийся в 30-е гг., с некоторыми изменениями сохранялся в пропаганде до середины 1980-х гг.

В условиях мирового кризиса конца 20-х - начала 30-х гг. советская пропаганда широко освещала действительно имевшие место факты ухудшения положения масс, разорения крестьянских и фермерских хозяйств, массовой безработицы, роста социальной напряженности. Правда, о "мировой революции" говорилось все реже. В докладе Сталина на ХУП съезде ВКП(б) приводились цифры, демонстрировавшие, что в 1933 г. намечилось некоторое оживление производства во всех ведущих странах Запада. Однако тут же делался следующий вывод: "В настоящее время не существует таких данных, прямых или косвенных, которые бы говорили о наступающем подъеме промышленности в капиталистических странах. Более того, судя по всему, таких данных и не может быть, по крайней мере, в ближайшее время. Не может быть, так как продолжают действовать все те неблагоприятные условия, которые не дают промышленности капиталистических стран подняться сколько-нибудь серьезно вверх"²⁸.

Постепенно ситуация стабилизировалась, экономический кризис сменился подъемом производства, однако тезис о постоянном ухудшении положения трудящихся и нарастании классовой борьбы остался, догматизировался и воспроизводился при каждом удобном случае. Этот тезис заменил собой явно устаревшие представления о мировой революции. На том же ХУП съезде в отчетном докладе содержалась весьма осторожная и неопределенная формула: "народные массы не дошли еще до того, чтобы пойти на штурм капитализма, но что идея штурма зреет в сознании масс - в этом едва ли может быть сомнение..."²⁹. Очевидно, эта идея могла "зреть" бесконечно долго.

Наряду с тезисом о нарастании революционной ситуации и ухудшении положения трудящихся, во внешнеполитической пропаганде центральное место занимал тезис об опасности для СССР капиталистического окружения, которое рассматривалось как раздираемое противоречиями и в то же время единое в своей враждебности к СССР. При этом роль СССР в международных отношениях явно преувеличивалась. На самом деле

в мировой, да и европейской политике 1930-х гг. СССР представлялся скорее как "мнимая величина", скорее объект, чем субъект системы международных отношений. С ним можно было не считаться. Ситуация постепенно менялась по мере возрастания фашистской угрозы, но и тогда потенциальные возможности СССР как союзника на Западе склонны были скорее преуменьшать, чем преувеличивать. Но советская пропаганда пользовалась любым поводом, чтобы напомнить о том, что СССР, как писали, например, "Известия" 29 июля 1931 г., благодаря его размерам, социальной структуре и уровню развития является могущественной силой.

В первой половине 30-х гг. лишь время от времени в речах некоторых советских лидеров (Н.И. Бухарина, С.М. Кирова, М.М. Литвинова) проводилось разграничение между "пацифистскими" и "агрессивными" державами, подчеркивалась особая опасность фашизма. Но чаще это различие игнорировалось. Так, выступая от имени исполкома Коминтерна на ХУП съезде, Д.З. Мануильский заявил: "Империалистическая война стоит в порядке дня всех капиталистических правительств мира. Об этом свидетельствует тот факт, что в ряде капиталистических стран пришли к власти крайние военные партии, — я имею в виду Японию, Германию, Англию (!)... на международной арене уже налицо канун войны между империалистами, налицо особенно настойчивая, торопливая подготовка контрреволюционной войны против страны Советов"³⁰.

С середины 30-х гг. во внешнеполитической пропаганде появляются новые, антифашистские мотивы. Следует отметить, что, по крайней мере на первых порах, они возникли как реакция на антисоветскую кампанию, развернутую в Германии после прихода Гитлера к власти. На первых порах советское руководство не спешило менять свою политику в отношении Германии, рассчитывая, очевидно, на изменение тона немецкой прессы и возвращение к прагматическому курсу в двусторонних отношениях. Лишь в декабре 1935 г. М.М. Литвинов подал на имя Сталина секретную записку, в которой предлагал "дать нашей прессе директиву об открытии си-

стематической контркампании против германского фашизма и фашистов³¹. Постепенно в советской пропаганде утвердилось различие между "демократическими" (этот термин употреблялся именно в кавычках) и агрессивными державами³².

Интенсивность антифашистской кампании то нарастала, то ослабевала, в зависимости от конкретной внешнеполитической ситуации. Перед подписанием "пакта Риббентропа-Молотова", весной 1939 г., антифашистская кампания сходила на нет; после подписания пакта она полностью прекращается (см. об этом очерк В.А.Невежина в настоящем сборнике). Однако весной 1941 г. началась подготовка новой широко-масштабной кампании. Была создана специальная редакция пропаганды и контрпропаганды в составе ТАСС, подготовлены соответствующие материалы, но развернуть эту кампанию помешала война³³. Тем не менее антифашистская кампания 1930-х гг. в целом оказалась весьма результативной, что подтверждается многочисленными свидетельствами.

Конечно, и во времена тоталитарного режима существовало достаточно широкое недоверие к официальной пропаганде, но для основной массы населения — до появления "радиоголосов" — именно она продолжала оставаться практически единственным источником информации о внешнем мире. А потребность в этой информации росла, не в последнюю очередь благодаря усилиям самого режима по просвещению и политизации населения. В результате в сознании советского общества формировалось достаточно неадекватное представление о внешнем мире, хотя далеко не всегда именно такое, которое пыталась создать пропаганда.

Этот общий вывод можно конкретизировать применительно к различным социальным слоям и группам. Сейчас принято говорить о трех основных стратах применительно к формированию представлений о внешнем мире. Это политическое руководство, интеллектуальная элита и массы. Деление основано на двух критериях — уровне доступа и информации, зависящего от возможности, и, что немаловажно, желания получить ее, и способности данной страты влиять на форми-

рование внешнеполитических стереотипов в обществе в целом³⁴.

Впрочем, существует, по нашему мнению, еще один, промежуточный слой, который условно можно определить как "общественность". В него входят люди, не принадлежащие к интеллектуальной элите и тем более политическому руководству, которые, однако, имеют некоторые возможности получения информации и стремление использовать эти возможности. К тому же они обладают определенным влиянием на формирование общественного мнения и массовых стереотипов. Это функционеры политических партий (в СССР — низший слой функционеров и активистов ВКП(б), комсомола и т.п.), общественных организаций, профсоюзов, большая часть интеллигенции.

Помимо вышеприведенных критериев, все социальные страты различаются уровнем мифологизации своих представлений о внешнем мире. Как правило, политическое руководство и тем более интеллектуальная элита отличаются в целом рационалистическим подходом, в то время как "общественность" и массы в гораздо большей степени подвержены влиянию стереотипов. В советском обществе 30-х гг. картина, однако, была иной. Уровень мифологизированности сознания был высок во всех стратах, в том числе и у политического руководства.

Люди, пришедшие к власти в 1917 г., были выходцами из различных слоев общества, в том числе тех, которые обычно не участвуют в формировании политической элиты. Они принесли с собой устоявшиеся представления и стереотипы, характерные для этих слоев. При этом они зачастую сохраняли старые связи и контакты, испытывая определенное влияние привычной социальной среды. Профессиональной подготовки, скажем, к дипломатической или хотя бы управленческой деятельности они были лишены.

Верхушку новой элиты составили профессиональные революционеры, которым были свойственны некоторые специфические особенности мышления. Неестественная жизнь подпольщика или эмигранта, отсутствие прочной семьи, постоян-

ной позитивной деятельности, порой систематического образования не могли не отразиться на их сознании. Зато, как писал Н.А.Бердяев, революционер каждое свое действие относит "ко всему обществу, подчиняет его центральной и целостной идее". Эта целостность, наличие "центральной идеи" уже говорит о мифологизированности сознания, порожденной как образом жизни, так и влиянием идеологии, несущей в себе отчетливо религиозные черты. Тот же Бердяев подметил, что для коммуниста "мир резко разделяется на два противоположных лагеря - Ормузда и Аримана, царство света и царство тьмы без всяких оттенков. Это почти манихейский дуализм, который при этом обыкновенно пользуется монистической доктриной"³⁵.

У той части новой политической элиты, которая прошла эмиграцию, представления о внешнем мире были достаточно равносторонними и в целом адекватными. Но и у этой группы существовали определенные аберрации восприятия, связанные как раз с наличием некой "центральной идеи", в данном случае - идеи революции.

Прагматизм, традиционное качество политической элиты, вызывал у советских представителей критические отклики. Так, видный советский дипломат, один из первых полпредов, затем председатель ВОКС А.Я.Аросев после одного из приемов во время пребывания в Англии записал в своем дневнике: "Они делают политику без крупицы идеи, как повар варит суп и соображает, какие лучше специи положить..."³⁶.

Вместе с тем у значительной части высшего эшелона руководства, особенно тех, кто не был в эмиграции, представления о внешнем мире сводились к общим марксистским формулам. Их отличала негибкость мышления, своеобразный "революционный фундаментализм". Г.В.Чичерин в июне 1929 г. так охарактеризовал их в письме к Сталину: "Буддийские церевянные мельницы молитв, то есть механически пережевывающие заученные мнимореволюционные формулы товарищи"³⁷.

Новое поколение политических лидеров, выдвинувшееся во время гражданской войны, вследствие своего опыта при-

обрело устойчивый конфронтационный синдром. "Весь мир против нас", - заявил К.Е.Ворошилов на февральско-мартовском пленуме ЦК в 1937 г. Он подчеркнул, что наивно было бы думать, будто "классовых врагов пока количественно и качественно очень немного. Количественно - это все, что не СССР..."³⁸.

Но и это поколение в значительной степени было вытеснено в ходе репрессий 30-х гг. Сменившие их "выдвиженцы" совсем уже не были обременены ни теоретическими знаниями, ни общим образованием, ни представлениями о мире. С декабря 1934 по февраль 1941 г. в составе политбюро ЦК ВКП(б) не было ни одного человека с законченным высшим образованием. Еще более разительная картина открывалась на других уровнях управления: в 1939 г. 41,1% секретарей крайкомов и ЦК компартий союзных республик и 71,4% секретарей горкомов, райкомов, окружкомов партии не имели даже среднего образования³⁹. При этом, по сравнению с первыми после революционными годами, заметно снизилась доля специалистов, получивших гуманитарное, юридическое, экономическое образование. Большею частью представители нового поколения руководства имели образование техническое (28,3%), военное (25%) и партийное (15%)⁴⁰.

Возрастающая "закрытость" общества отразилась и на его политической элите. Незнание Запада считалось само собой разумеющимся. По воспоминаниям Н.С.Хрущева, к дню смерти Сталина никто из членов политбюро, за исключением Молотова и в некоторой степени Микояна, не имел никакого представления о внешнем мире. "Никто из нас в глаза практически не видел живого "американца"... - признавался Хрущев, возможно, немного преувеличивая. Впрочем, сам он, будучи членом политбюро и руководителем крупнейшей, при том пограничной союзной республики - Украины - в сложные предвоенные годы практически не интересовался происходящим за границами СССР, информацию черпал из обзоров западной прессы или разговоров с коллегами по политбюро, определявшими внешнюю политику (Сталин, Молотов). Наряду

с другими "избранными", Хрущев в свое время получил книгу Гитлера "Майн Кампф", переведенную "для служебного пользования", однако он "не мог ее читать, потому что меня буквально выворачивало; не мог спокойно смотреть на такие бредни, мне стало противно, не хватило терпения, и я ее бросил не дочитавши"⁴¹.

Известно, что еще в 1937 г. политбюро приняло решение о создании узкой группы в составе Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Ежова, которой давалось право — в обход остальных членов политбюро — решать срочные и секретные вопросы, в том числе, очевидно, и внешнеполитические⁴². Члены этой группы, естественно, получали более обширную информацию, чем Хрущев, но и для них было характерно незнание внешнего мира, в частности Запада. Известно высказывание М.М.Литвинова о Сталине: "Не знает Запада... Будь нашими противниками несколько шахов или шейхов, он бы их перехитрил..."⁴³. Не случайно Г.В.Чичерин в письме к Сталину еще в 1929 г. предлагал: "Как хорошо бы было, если бы Вы, товарищ Сталин, изменив наружность, поехали на некоторое время за границу, с переводчиком настоящим, не тенденциозным. Вы бы увидели действительность"⁴⁴. Сталин, как известно, за границу не поехал.

То же можно сказать и о Молотове, который с 1930 г. был председателем Совнаркома, а с 1939 г. — наркомом иностранных дел и, следовательно, принимал активное участие в определении внешней политики. Г.К.Жуков вспоминал, что для Сталина Молотов, в данной области, являлся в предвоенный период авторитетом⁴⁵. Но как раз в эти годы и Молотов имел о внешнем мире самые смутные представления: "Хорошо известен факт, что Молотов, который пока никогда не был за границей, испытывает большие затруднения при общении с иностранцами", — писал в Берлин весной 1940 г. немецкий посол фон Шуленбург⁴⁶.

Конечно, конкретная реализация внешнеполитических решений находилась в руках, как правило, более компетентных, хотя и не обладавших правом решающего голоса людей

типа М.М.Литвинова. Но Максим Максимович Литвинов, о котором, например, А.Иден отзывался так: "он знал Западную Европу как тот, кто жил там, и его взгляды были более тонченными, чем у других советских лидеров того времени"⁴⁷, даже членом ЦК ВКП(б) стал лишь на ХУП съезде, в 1934 г., уже несколько лет будучи наркомом иностранных дел. Отношение к людям этого типа было подозрительным; так, Молотов много лет спустя утверждал: "Литвинов был совершенно враждебным к нам"⁴⁸.

В 30-е гг. факт пребывания за границей, в том числе и в эмиграции, уже рассматривался как порочащий человека. Например, Л.М.Каганович в 1937 г., имея в виду вернувшихся в СССР, многократно проверенных сотрудников КВЖД, говорил: "Конечно, плохо, неправильно сделать заключение, что все приехавшие - плохие люди, но, к сожалению, страшно много шпионов среди них"⁴⁹.

Массовые репрессии, обрушившиеся на политическую элиту в конце 30-х гг., привели к катастрофическому снижению ее интеллектуального потенциала. Как отмечал в дневнике весной 1939 г. выдающийся российский ученый В.И.Вернадский по поводу выступлений на ХУШ съезде ВКП(б), "люди думают по трафаретам. Говорят, что нужно. Может быть, цензура? - но бездарность и при ее наличии. Это заставляет сомневаться в будущем большевистской партии. Во что она превратится?" И далее: "Резкое падение духовной силы коммунистической партии, ее явно более низкое умственное, моральное и идейное положение в окружающей среде, чем средний уровень моей среды - в ее широком проявлении - создает чувство неуверенности в прочности создавшегося положения"⁵⁰.

Снижение общего уровня политической элиты шло параллельно с ростом международной напряженности. Не соответствующие реальности внешнеполитические стереотипы, сформировавшиеся в конце 20-х - 30-е гг., в полной мере проявились в кризисной ситуации 1939-1941 гг. и явились одной из важных причин внешнеполитических просчетов ста-

линского руководства.

С точки зрения доступа к информации интеллектуальная элита порой находилась даже в лучшем положении, чем политическая — здесь играло роль знание языков. Это позволяло слушать передачи иностранных радиостанций, читать зарубежную прессу. Большое значение имела также привычка к аналитическому мышлению. Часть интеллектуальной элиты составляли представители дореволюционной интеллигенции, имевшие, как правило, солидное образование, большой запас знаний, представлений, стереотипов, проверенных в свое время и личным опытом. Конечно, постепенно эти знания и представления устаревали, теряли связь с реальностью, а новая информация зачастую была недостаточной.

Обычно именно интеллектуальная элита вырабатывает основные представления о внешнем мире, которые затем воспринимаются, адаптируются и используются политической элитой. В советской истории, однако, происходил скорее обратный процесс: интеллектуалы вынуждены были перенимать представления и установки политических лидеров, причем во многих случаях это было связано с определенным нажимом. При этом многие представители дореволюционной элиты сохраняли достаточно ясный и критический взгляд на мир, хотя и не могли открыто его высказывать. Впрочем, и на них оказывала свое влияние мифология эпохи.

Выше цитировались критические оценки, содержащиеся в дневнике В.И. Вернадского. Но и он, анализируя происходящее на Западе, имея при этом возможность выписывать английские и французские газеты, регулярно слушать радио, приходил к выводу, что "идейно и Франция, и Англия так же мало выражают демократию, как и СССР, и, может быть, до известной степени Германия... Свободны мысли и личности больше у западных демократий — но социалистическое (я анархическое) отрицание правильности собственности на орудия производства не может быть отрицаемо в реальной демократии"⁵¹.

Подобные выводы в определенной степени подкреплялись реальностью. 30-е гг. были не лучшим временем для стран Запада. В это время заметно ухудшилось положение интеллигенции или, пользуясь западной терминологией, "лиц свободных профессий". В сложном положении оказалась наука. Академик И.П.Павлов, вообще негативно настроенный и в отношении революции как таковой, и в отношении существующей власти, под воздействием прихода к власти фашистов и своей поездки в Англию, где он столкнулся с массовой безработицей среди научных работников, заметно смягчил тон своих высказываний.

Если даже такой представитель старой интеллигенции как Вернадский, в свое время видный деятель кадетской партии и член Государственного Совета в 1906-1911 гг., отмечая наличие в СССР "полицейского режима и террора", одновременно подчеркивал, что "в идеология положительное здесь", что "в демократиях оно (т.е. положительное - А. Г.) проявляется не в тех группах, которые ведут и делают политику"⁵², то в еще большей степени подобные взгляды были характерны для нового поколения интеллектуальной элиты, сформировавшегося уже после революции. С самого начала их сознание было мифологизированным, образование догматическим и односторонним. Конечно, постепенно многие из них смогли преодолеть наиболее неадекватные стереотипы, хотя бы в области, связанной с их профессиональными интересами, но на это потребовалось длительное время⁵³.

В качестве примера можно привести известного советского писателя Вс.Визневского. Он, как и В.И.Вернадский, имел возможность регулярно читать иностранную прессу и слушать радио, в его записных книжках содержатся многочисленные рассуждения о международной ситуации и перспективах ее развития. Порой Визневский приходит к интересным и неожиданным выводам, но характерно для него и иное. "Все время читаю иностранную прессу, книги о Европе. Хочется как можно глубже войти в суть европ[ейской] войны, разобраться в шансах сторон, наметить возможные варианты". -

записывает он в апреле 1940 г. И тут же: "Курс ВКП(б) на стр.317 дает освещение причин войны... Насильственные захваты указаны в Курсе ВКП(б)... Последние речи Молотова в новой обстановке, после изучения ряда документов и пр., дают указания на встречную агрессию со стороны Англии и Франции. Война эта - схватка главных конкурирующих мировых держав..."⁵⁴.

Представители и старого, и нового поколения интеллектуальной элиты сходились во взглядах там, где речь шла о государственных интересах России. Так, присоединение западных областей Украины и Белоруссии в 1939 г. одни рассматривали как возможность распространения социализма на новые территории, другие же - как восстановление законных границ и интересов России. В.И.Вернадский, в частности, записал в дневнике в октябре 1939 г.: "...политика Сталина-Молотова реальная, и мне кажется правильной государственно-русской"⁵⁵.

Другой объединяющей темой была, несомненно, антифашистская, и, в меньшей степени, антинемецкая. Едва была память о первой мировой войне, о немецкой оккупации 1918 г. Даже многие противники сталинской системы, как в СССР, так и на Западе, рассматривали ее как меньшее зло по сравнению с гитлеровской. Как отмечал американский историк У.Дакер, коммунизм, в отличие от нацизма, "находится в главном русле европейской цивилизации, возможно, как ересь или утопия, но он соответствует неким глубоко укорененным традиционным устремлениям. Даже самые бесчеловечные сталинские акции приходилось оправдывать гуманистическими аргументами"⁵⁶. Советское политическое руководство осознавало и использовало эти настроения. Так, Н.И. Бухарин в заявлении для участников февральско-мартовского пленума ЦК в 1937 г. подчеркивал, что он "в свое время (говоря с глазу на глаз) сатирировал академика Ивана Петровича Павлова прежде всего на нашей внешней политике (и в значительной степени на антифашистских антигерманских тонах)"⁵⁷. Конечно, антифашизм сам по себе еще не

означал полной лояльности по отношению к Советской власти, напротив, тот же Павлов писал в 1934 г. Молотову: "Вы сеете по культурному миру не революции, а с огромным успехом фашизм"⁵⁸. Можно даже сказать, что интеллектуальная элита и общественность в целом были более последовательными антифашистами, чем сталинское руководство, мыслившее категориями политической целесообразности - в их понимании, разумеется.

Впрочем, вряд ли можно говорить о существовании в СССР 1930-х гг. реального общественного мнения. Правда, сам Сталин любил при случае сослаться на него, скажем, во время переговоров с союзниками в годы Великой Отечественной войны. ЦК ВКП(б) еще в октябре 1939 г. постановило "расширить иностранный отдел газеты "Труд", используя его для широкого не официального освещения советского общественного мнения по международным вопросам в различных его оттенках"⁵⁹. Но подлинного, то есть независимого от властей общественного мнения не существовало и в тех условиях существовать не могло: не было условий для свободной дискуссии даже в ограниченных рамках. Поэтому правильнее говорить об определенных общественных настроениях.

Общественность, разумеется, не могла не реагировать на происходящее в мире. Этот слой, с довольно расплывчатыми границами, включал в себя большую часть интеллигенции, лишенную доступа к альтернативным источникам информации и практически не участвующей в формировании общественных настроений, а также слой средних и низших партийных, комсомольских, профсоюзных функционеров и различного рода "актив", которые служили своеобразным связующим звеном между политическим руководством и массами, инструментом "массовой мобилизации". Уровень подготовки большинства представителей данного слоя был невисок и, как правило, основной ее вклад в формирование представлений о внешнем мире заключался в дальнейшем упрощении и без того уже упрощенных стереотипов. Массы, которые по своему социальному статусу, уровню образования, образу

жизни и самосознанию не очень отличались от этого, промежуточного, слоя, именно у него заимствовали большую часть своих внешнеполитических представлений.

Одним из самых массовых стереотипов было представление о враждебном "капиталистическом окружении". Оно формировалось и в результате массовой пропаганды, и в результате осмысления реальности, и на опыте времен интервенции и гражданской войны. "Мы были предвоенным поколением, — вспоминал К.М.Симонов, — мы знали, что предстоит война. Сначала она рисовалась как война вообще с капиталистическим миром — в какой форме, в форме какой коалиции, трудно было предсказать; нам угрожали даже непосредственные соседи..."⁶⁰. Известный британский славист Б.Парс, посетивший Москву зимой 1935 г., записал высказывание случайного знакомого: "Я прошел две войны, — сказал мне старый солдат, — и теперь придется пройти еще одну; конечно, это будет Германия и Япония, и, возможно, Польша, и, я бы сказал, очень вероятно, что Италия тоже..."⁶¹.

Представление о постоянной внешней угрозе порой трансформировалось в своеобразную ксенофобию. Тот же Симонов в поэме "Ледовое побоище", написанной в 1937 и опубликованной в начале 1938 г., так (уставами Александра Невского) сформулировал отношение к иностранцам:

Они влезают к нам под кровлю,
За каждым прячутся кустом,
Где не с мечами — там с торговлей,
Где не с торговлей — там с крестом⁶².

Стереотипы, выработанные внешнеполитической пропагандой, укоренялись в массовом сознании. Иностранцы, посещавшие СССР, постоянно отмечали у советских людей преувеличенные представления о масштабе революционных настроений, об остроте социально-экономического кризиса в капиталистических странах⁶³. Так, английский журналист Э.Хьюз, вспоминая о встрече с моряками "Сибирякова" в 1932 г., писал о полном незнании того, что происходило в Англии и Западной Европе: "Все они были убеждены, что

единственным препятствием для революции в Англии является политика лейбористов"⁶⁴. А ведь моряки были представителями одной из самых "интернациональных" профессий.

Отсутствие адекватной и объективной информации, мифологизация сознания, невозможность какой-либо открытой дискуссии приводили, вместе с тем, к тому, что у части населения образ Запада формировался как бы "от противного" — он виделся как счастливый и богатый мир, где решены все проблемы, мир, который может стать — как это было в годы гражданской войны — союзником в борьбе против существующего режима. Трудно даже примерно попытаться определить численность или значимость этих групп, но факт резкой поляризации представлений о внешнем мире сомнений не вызывает. Степень этой поляризации была выше, чем в иных социумах. Можно, однако, предположить, что по мере нарастания официальной пропаганды, "перекрытия" оставшихся каналов информации, наконец, просто естественной смены поколений этот "позитивный" образ Запада постепенно терял свою притягательность. Вновь он стал наполняться содержанием в послевоенные годы, а особенно — после приоткрытия "железного занавеса".

К концу 1930-х гг. не только в официальной пропаганде, но и в общественном сознании появилась опасная "иллюзия превосходства", о которой писал А. Жид. "Еще несколько лет назад Германия и Соединенные Штаты могли нас чему-нибудь научить. Но сейчас нам за границей учиться нечему", — неоднократно слышал он во время пребывания в СССР в 1935 г.⁶⁵

Необходимо добавить, что подавляющее большинство населения страны принимало чисто пассивное участие в формировании внешнеполитических стереотипов — за ним, в сущности, оставалось лишь неосознанное право выбора между различными представлениями. Одни из них укоренялись в массовом сознании, другие не оказывали никакого (или почти никакого) воздействия. Интерес к внешнему миру также не был всеобщим.

Еще в XIX в. отмечалось, что крестьяне, составлявшие большинство населения страны, "к истории других народов относятся равнодушно и не любят слушать про них чтение"⁶⁶. Усилия режима по политизации и просвещению масс приносили свои плоды, но и в 1935-36 гг. значительную часть новобранцев в Красной Армии составляли, по словам командующего Белорусским военным округом И.П.Уборевича, люди, "которые не знают, кто такой Сталин, кто такой Гитлер, где Запад, где Восток, что такое социализм"⁶⁷.

К сожалению, если в США уже в 1935 г., в Великобритании в 1937, во Франции в 1939 г. начали работу Институты Галлапа, проводившие регулярные опросы общественного мнения, в том числе и по вопросам внешнеполитическим, в СССР ничего подобного не было. Сводки, составленные ОГПУ или партийными органами, представляют собой до некоторой степени случайные выборки, не дающие сколько-нибудь убедительной статистики. Да и объективность составителей порой вызывает сомнения. Поэтому сейчас можно говорить лишь об основных тенденциях формирования внешнеполитических стереотипов. Можно лишь повторить, что в целом в 1930-е гг. в общественном сознании СССР формировалась картина мира, далекая от реальности.

-
- 1 Подробнее см.: Голубев А.В. Мифологическое сознание в политической истории XX века // Человек и его время. М., 1991.
 - 2 Чугров С.В. Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 1. С.45.
 - 3 О происхождении подобных особенностей восприятия см.: Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск, 1991; Элиаде М. Космос и история. М., 1987.
 - 4 Цит. по: Васильева Т.Е. Стереотипы в общественном сознании. (Социально-философские аспекты). М., 1989. С.14.
 - 5 Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853 гг. М., 1982. С.7-23.

- 6 Чугров С.В. Этнические стереотипы... С.42.
- 7 См.: Голубев А.В. Мифологическое сознание...
- 8 См.: Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989; Игрицкий Ю.И. Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР. 1990. № 6; Турчин В. Тоталитаризм // Погружение в трясину. М., 1991; Гаджиев К.С. Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии. 1992. № 2; Борисов Ю.С. Голубев А.В. Тоталитаризм и отечественная история // Свободная мысль. 1992. № 14; Голубев А.В. Тоталитаризм и модернизация в отечественной истории // Сталинизм: закономерность, угроза, вызов. Новосибирск, 1992; Головатенко А.Ю. Тоталитаризм XX века. Материалы для изучающих историю и обществоведение. М., 1992; Игрицкий Ю.И. Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993. № 1; Тоталитаризм. Что это такое? (Исследования зарубежных политологов). Ч.1-2. М., 1993; и др.
- 9 Curtis M. Totalitarianism. New Brunswick-London, 1980. P.4.
- 10 Kenz P. The Birth of the propaganda state. Soviet methods of mass mobilisation. 1917-1929. Cambridge, 1985. P.4.
- 11 ХУП съезд Всесоюзной Коммунистической партии(б). Стенографический отчет. М., 1934. С.8.
- 12 См.: Высочина Т.Е. К проблеме диалога культур и роли искусства в этом процессе // Искусство и искусствознание на пути преодоления мифов и стереотипов. М., 1990. С.96-97.
- 13 Kenz P. Op.cit. P.230.
- 14 Валентинов Н. Наследники Ленина. М., 1991. С.170.
- 15 Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 6. С.19.
- 16 ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.358. Л.48.
- 17 Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Кн.3. С.212.
- 18 ЦАОДМ. Ф.3. Оп.11. Д.440. Л.86 об.
- 19 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.85. Д.308. Л.24.
- 20 Чугров С.В. Идеологемы и внешнеполитическое сознание // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 2. С.40.
- 21 Пальгунов Н.Г. Тридцать лет. (Воспоминания журналиста и дипломата). М., 1964. С.6.
- 22 Кузьмин М.С. Деятельность партии и советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР (1917-1932 гг.). Л., 1971. С.103.

- 23 Горяева Т.М. Журналистика и цензура. (По материалам советского радиовещания 20-30-х годов. Источниковедческий аспект) // История СССР. 1990. № 4. С.113-123.
- 24 Haslam J. The Soviet Union and the struggle for collective security in Europe. 1933-1939. London, 1984. P.233.
- 25 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т.6. С.181.
- 26 Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1993. № 5. С.19.
- 27 Там же. № 7. С.5.
- 28 ХУП съезд... С.10.
- 29 Там же. С.11.
- 30 Там же. С.307-308.
- 31 Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С.211.
- 32 См., напр.: История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1945. С.316-318.
- 33 Краминов Д.Ф. В орбите войны. Записки советского корреспондента за рубежом. 1939-1945 гг. М., 1986. С.79.
- 34 Егорова-Гантман Е., Плеваков К. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 12. С.25.
- 35 Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. 1990. С.87, 149.
- 36 Цит. по: Аросева Н.А. След на земле. М., 1987. С.232.
- 37 Цит. по: Соколов В.В. Неизвестный Г.В.Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД РФ // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С.14.
- 38 Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1994. № 8. С.15.
- 39 Борисов Ю.С. Народное образование и обороноспособность страны // Духовный потенциал победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 1990. С.105.
- 40 Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С.31.
- 41 Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 7. С.80; 1994. № 8. С.76.
- 42 Хлевнюк О.В. 1937-й. Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С.234.
- 43 Эренбург И. Собр. соч. Люди, годы, жизнь. Кн.6. М., 1967. Т.9. С.709.

- 44 Цит. по: Соколов В.В. Указ. соч. С.14.
- 45 Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В.Сталине. М., 1988. С.347-348.
- 46 Цит. по: Рязанов Г.Л. Сталин-Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939-1941 гг. М., 1991. С.143.
- 47 Eden A. Facing the dictators. Boston, 1962. P.181.
- 48 Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф.Чуева. М., 1991. С.96.
- 49 Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1993. № 9. С.26-27.
- 50 Вернадский В.И. Дневник 1939 года // Дружба народов. 1992, № II-12. С.21-22.
- 51 Там же. С.32.
- 52 Там же. С.26.
- 53 Этот процесс попыталась, в частности, воспроизвести в своих мемуарах Р.Д.Орлова, но и здесь, помимо воли автора, можно ощутить, насколько устойчивыми оказались стереотипы 30-х гг. См.: Орлова Р.Д. Воспоминания о непростом времени. М., 1993.
- 54 РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Д.2077. Л.30. Речь идет о пресловутом "Кратком курсе истории ВКП(б)".
- 55 Вернадский В.И. Указ. соч. с.25.
- 56 Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон. 1991. С.391.
- 57 Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1992. № 2-3. С.12. Об отношениях И.П.Павлова и Н.И.Бухарина см.: Самойлов В., Виноградов Ю. Иван Павлов и Николай Бухарин. От конфликта к дружбе // Звезда. 1989. № 10. С.94-120; Григорьян Н.А. Общественно-политические взгляды И.П.Павлова // Вестник АН СССР. 1991. № 10. С.74-87.
- 58 Самойлов В., Виноградов Ю. Указ. соч. С.112.
- 59 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.1014. Л.62.
- 60 Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В.Сталине. М., 1988. С.75.
- 61 Pagan V. Moscow admits a critic. London, 1936. P. 36.
- 62 Симонов К.М. Собр. соч. В 10-ти томах. М., 1979. Т.1. С.367.
- 63 Об этом писали, например, А.Лид и Л.Фейхтвангер. См.: Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С.79-81, 172, 221 и др.
- 64 Хьюз Э. Взлет Макмиллана в Советский Союз. М., 1959. С.52.

65 Два взгляда из-за рубежа... С.80.

66 Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992. С.171.

67 Уборевич И.П. Два очага опасности // Военно-исторический журнал. 1988. № 10. С.43.

ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА В СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИКЕ 1930-Х ГОДОВ:
ЖУРНАЛ "ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Взаимное влияние культуры разных народов и стран очевидно. Огромное значение для формирования определенного представления о других народах и их культуре имеет знакомство с литературой, кино, театром, живописью. На это представление оказывает влияние сам характер получаемой информации, зависящей от многих факторов: восприятие того или иного события автором предлагаемого материала, его взгляды, цели, которые он преследует, в том числе и политические соображения.

Как осуществлялся обмен культурными достижениями между Советским Союзом и Европой с конца 20-х годов до начала Великой Отечественной войны и какое представление складывалось друг о друге, можно в определенной мере проследить по материалам журнала "Интернациональная литература" (1928-1930 - "Вестник иностранной литературы", 1931-1932 - "Литература мировой революции").

Цели нового издания были определены в передовой статье первого номера "Вестника иностранной литературы", в которой его ответственный редактор А.В.Луначарский писал, что Советский Союз "не живет на каком-нибудь оторванном от остального мира материке и не желает от этого остального мира отгораживаться. Наоборот, Союз весьма заинтересован в том, чтобы принимать участие в жизни всего мира и воздействовать на ход ее в духе тех основных принципов, которые заложены в самом фундаменте его государственности и общественности. Мы сами желаем оказывать влияние на окружающий мир и отнюдь не отказываемся от влияния со стороны этого окружающего мира"¹.

В 1928 г. журнал выходил тиражом 5 тыс. экз., в 1934 г. - 5500 экз., в 1936 г. - 8000 экз., а с 1937 г. - 15000 экз. Журнал издавался на русском, немецком, французском и английском языках. В редколлегию журнала входили совет-

ские и зарубежные писатели, журналисты и литературные критики.

Постоянно сотрудничали с "Интернациональной литературой" прогрессивные писатели из разных стран — И. Бехер, В. Бредель, Б. Брехт, Э. Вайнерт, Ф. Вольф, Э. Пискатор, Л. Ренн, А. Курелла, А. Зегерс (Германия), Л. Арагон, А. Барбюс, Ж. Р. Блок, П. Вайян-Кутурье, А. Жид, А. Мальро, Р. Роллан, Ж. Сандуль (Франция), Дж. Джерманетто (Италия), Р. Альберти, М. Т. Леон (Испания), Б. Шоу, Г. Хэвлон, Дж. Стрэчи (Англия), ряд американских писателей. В журнале часто перепечатывались статьи, опубликованные в периодической печати разных стран, причем как в изданиях коммунистических, левой ориентации (например, "Коммон", "Эроп"), так и весьма умеренных и даже консервативных газетах и журналах ("Обсервер", "Манчестер Гардиан", "Таймс", "Меркюр де Франс").

В этих заметках и статьях рассказывалось о культурных событиях, выходе новых книг, театральные премьеры, кинофильмах, художественных выставках, о положении культуры в целом в тот или иной период. Таким образом, читатель мог познакомиться с произведениями иностранной литературы и найти сведения о постройке архитектора Ле-Корбюзье, выставке картин, скульптуры и графики в Роттердаме (Голландия), дискуссии по поводу вышедшей в Испании романа — драмы Х. Ардернуа "Преступление", успехов в Мадриде театра марионеток Марии Тересы Леон, 100-летия Бельгийской публичной библиотеки, впервые выставленной в Национальном Музее Греции древнегреческой скульптуре, открытии нового музея в Швеции, музыкальном празднике в Зальцбурге² и о многих других событиях культурной жизни.

Журнал знакомил советского читателя и с классическими, и с современными литературными произведениями, ранее не публиковавшимися в нашей стране. Естественно, что политические мотивы оказывали существенное влияние на отбор произведений.

С этой точки зрения очень интересна программная статья А. И. Лейча³ "Массовая переводная литература", опубли-

кованная в 1929 г. Сетуя на то, что советский рынок загружен переводной литературой, выпускаемой государственными и частными издательствами, 70 процентов которой "представляет собой в большей или меньшей степени враждебную пролетариату идеологию"⁴, автор предлагал определенные принципы перевода произведений иностранных писателей. Отмечая сравнительную бедность пролетарской литературы на Западе, он советовал не "пренебрегать и ее попутчиками, как бы обидительно... ни приходилось относиться к их настроениям, так легко меняющимся в сложной обстановке противоречий капиталистического мира". Основой переводной литературы должна была стать "пролетарская литература Запада и левые группы писателей попутчиков"⁵. А.И.Дейч считал, что при издании произведений левобуржуазных писателей Запада, симпатизирующих Советскому Союзу, а также писателей, "принадлежащих к стану наших врагов", их нужно снабжать "подробными и четко и сильно написанными вводными статьями, в которых необходимо подробно разъяснять пролетарскому читателю, в чем кроется ошибка автора как представителя класса, интересы которого он обслуживает"⁶.

Автор статьи высказывал свои соображения и по поводу переводов классической западной литературы. "Существует большая опасность, - замечал он, - если мало подготовленный читатель, увлеченный художественным стилем классика, настолько поддается влиянию его мастерства, что без всякой внутренней проверки на слово примет его социальные и политические тенденции". Поэтому он советовал в предисловии или послесловии вскрывать социальные корни изображаемых событий, показать отношение автора к ним, "выводя их из социального облика писателя"⁷.

Примечательно утверждение А.И.Дейча, что "применительно к современному читателю... в принципе нельзя возражать против того, что опытный редактор издания классиков в интересах художественных делает сокращения классических произведений за счет непомерных и слишком архаических длиннот... Помимо мотивов чисто художественного свой-

ства нередко доводы политические диктуют нам необходимость прибегать к сокращениям и обработкам⁸. В то же время автор обсуждал сокращение большого произведения "в десять тысяч раз", не оправданное ни художественными, ни идеологическими интересами, так как это значило бы "преподнести доверчивому читателю куда негодный фабрикат, не дающий почти никакого представления о содержании и стиле произведения⁹. По существу об этом же писал и А.В.Луначарский в уже упоминавшейся статье: "мы должны уметь даже у одного и того же писателя, в одном и том же произведении, путем анализа отобрать то, что мы находим полезным или даже поучительно-показательным. Мало того, чисто отрицательное произведение, поставленное в рамки соответственной критики, оборачивается часто против той цели, с которой оно написано, и становится документов, клеймящим, выдающим с особенной яркостью секретные болезни буржуазного общества"¹⁰.

Литературный и публицистический материал, который печатался в "Интернациональной литературе", безусловно отбирался именно по этим принципам.

До 1939 г., т.е. до заключения пакта между СССР и Германией, большинство публикаций было отмечено яркой антифашистской направленностью. Поэтому читатель мог получить достаточно полное представление о роли культуры и ее деятелей в борьбе с фашизмом, об уроне, нанесенном фашизмом культуре и образованию, о его влиянии на жизнь и творчество интеллигенции. В зависимости от позиции, занятой теми или иными деятелями культуры по отношению к фашизму, давалась оценка им и их произведениям. Ярким примером может служить отношение к выдающемуся немецкому писателю и драматургу Г.Гауптману. Если в статье Г.Лукача "Пути творчества Гергардта Гауптмана" в 1928 г. высоко оценивались произведения писателя и отмечалось, что искренность ставит его "как человека и как писателя на голову выше своих современников"¹¹, то в 1934 г. появилась

гневная отповедь Гауптману Альфреда Керра, в которой говорилось, что после прихода фашистов к власти "Гауптман льстит разбойничьей сволочи. Человек, всю жизнь являвшийся поэтом альтруизма, угодничает перед его смертельными врагами. Он не только не нашел... ни слова возражения против самого варварского из всех варварств. Он не пожелал поставить на карту свое личное благополучие. И он не только покоряется: он виляет. Нечто нечеловеческое совершилось перед его глазами. Его ближайшие друзья стали жертвами. Он молчал... При том почете, которым он пользовался в мире, он мог нанести удар значению этих убийц, значению этих дворников, палачей, лжецов, притворных поборников законности, преследующих у него на глазах его "ткачей"¹², преследующих людей, виной которых является их происхождение"¹³.

Керр упрекает Гауптмана в трусости и корысти, т.к. последний "поднял над своим домом тряпку со свастики страха, из-за выгоды, из подлой слабости". У Гауптмана хватило духа противостоять предложению нацистов, когда они заманили его обещаниями поставить одну из пьес с целью возвышения его имени, оплеванного всем миром"¹⁴.

Как уже говорилось, в журнале много места уделялось материалам, освещающим роль деятелей культуры в борьбе с фашизмом. Первый номер "Интернациональной литературы" за 1934 г. извещал своих читателей о создании в Париже по инициативе профессоров Леви-Брюль, Пренона, Валлона и Ланжевена Института изучения фашизма, который "основан для того, чтобы бороться по идеологической линии с опасностью, которой фашизм подвергает цивилизацию. Институт будет систематически изучать и анализировать фашистское движение в разных странах и государствах и регулярно опубликовывать результаты этого изучения. Институт явится центром документации о фашизме и о борьбе с ним"¹⁵.

В том же году журнал сообщал о призыве "Ассоциации революционных писателей и художников Франции" (АЕА "¹⁶) создавать "местные культурные группы" для борьбы с фашизмом в области культуры"¹⁷.

Была опубликована речь известного французского художника Поля Синьяка на митинге, организованном комитетом общительности и антифашистского действия, в которой он призывал художников присоединиться к борьбе против фашистской демагогии. "Никогда еще свобода мысли не находилась в такой опасности, — констатировал Синьяк. — Под предлогом защиты порядка идет борьба против всякой независимой мысли. Никогда еще умственное развитие пресловутого среднего француза, обманутого продажной лакейской прессой, не находилось на таком уровне". Предупреждая об опасности, которую несет фашизм французской интеллигенции, художник призывает "понять, что судьба искусства не связана с судьбой реакционного буржуазного общества", что это общество не обеспечило художникам "ни возможности существовать, ни возможности сохранить свое собственное достоинство". Оно не сумело использовать даже те живые силы, которые они ему предложили. Оно их предало, развратило и бросило на произвол судьбы". Спаситься можно лишь идя к народу. "Товарищи-художники, — призвал Синьяк, — если вы хотите избежать участи немецкой и итальянской интеллигенции, присоединитесь к нашему движению"¹⁸.

Романы, повести и рассказы писателей-антифашистов — И. Бехера, Л. Фейхтвангера, Р. Роллана, А. Барбюса, Ж. Р. Блюка, В. Бределя, А. Зегерс, М. Андерсена-Нексе и многих других почти целиком заполняли страницы издания.

Некоторые сюжеты этих произведений использовались в советском театре и кино. Были сняты, например, такие широко известные фильмы как "Профессор Мамлюк" (по пьесе Ф. Вольфа) и "Семья Оппенгейм" (по роману Л. Фейхтвангера). Свое отражение в журнале нашло и влияние Второй мировой войны на культуру воюющих стран. Так, обзор французских литературных течений давал представление о тенденциях их развития в первый год войны и накануне капитуляции Франции. Отмечалось оживление мистицизма, тема "трансцендентального". Например, Андре Сварес в своей книге "Мечты о потустороннем" писал о "борьбе сатаны против

божества", Пьер Жан Жув создавал "апокалиптические поэмы", в "Псалмах" 1939 г. католического поэта Патриса де ля Тур дю Пэна воспевалась радость от общения с Богом. В этот период во Франции был издан сборник католических поэтов "Антология католического ренессанса". Ряд изданий ("Нувель петра", "Мезюр") публиковал произведения средневековых мистиков. Американский журнал "Ливинг Эйдж" отмечал оживление католицизма, появление основанной Марселем Соважем новой литературной школы "витализма", представители которого предрекали "космические катаклизмы". Несмотря на издательские трудности, даже в самый разгар войны выходят издания, пропагандирующие те же идеи", — констатировалось в нем¹⁹.

Французские журналы, отметив, что "война отодвинула на задний план интеллектуальную жизнь страны", сообщали, что в сентябре 1939 г. закрылось более 225 различных изданий, в том числе "Эроп" — орган Международной ассоциации писателей в защиту культуры, "Ревю де Франс", "Коммюн", "Ле Волонтер" и др. Оставшиеся сильно сократились в объеме, еженедельники превратились в ежемесячники, исчезли литературные приложения и т. п. Ужесточилась цензура. Несмотря на то, что вся пресса поместила ряд хвалебных статей об известном писателе Жане Жироду, занимавшем должность "главного комиссара по информации", лести не помогла. Сильно сократилась издательская деятельность вообще. Новый сезон открыли всего 2-3 театра. Были закрыты библиотеки. Возобновившая свою работу Национальная Библиотека ограничила число читателей до ста человек ежедневно. Причем каждый посетитель должен был объяснить, для каких целей ему необходима та или иная книга и предъявить свидетельство о срочности работы.

В так называемом "Девятом районе", одном из интеллектуальных центров Парижа, где в XIX в. жили Гюго, Берлиоз, Дюма-отец, Шопен, Жорж Санд, Делакура, Тургенев, культурная жизнь пришла в упадок. На улице Лафит одна за другой исчезали художественные галереи, а на их месте

возникали банки, парфюмерные магазины, рестораны и т.п. Газета "Le нувель литерер" писала: "Мы вдруг оказались лишенными всего, что составляло нашу повседневную жизнь: детей, играющих в общественных садах, картин в музеях, книг в библиотеках. Мы почувствовали себя одинокими морально и духовно, покинутыми в этом Париже, утратившем свое лицо"²⁰.

Вообще в патеновской Франции культура была поставлена на службу режиму. Проводилась реформа школы, призванная дрессировать детей и молодежь, учить их "повиноваться и служить" (Пэтен). Для реорганизации кино "вырабатывались наилучшие формы цензуры" и т.п.²¹

Что касается Англии в первые годы Второй мировой войны, то там в литературных журналах обсуждался вопрос, "какое значение имеют книги в условиях войны", велась дискуссия, "что читать во время затемнения". Известные писатели и критики рекомендовали перечитывать лучших мастеров мировой литературы, биографии и автобиографии деятелей прошлого, особенно "Мировой кризис" У.Черчилля в сочетании со стихами поэтов-метафизиков.

В этот период новых книг выходило мало, причем преобладали произведения исторического жанра, т.к. писатели предпочитали писать о давно прошедших временах, а не о современных им событиях. Создавались также фантастические романы, было издано несколько книг о знаменитом международном шпионе Лоуренсе.

Интересно, что солдаты, моряки и летчики, как писала газета "Манчестер Гардиан", получив кратковременный отпуск и попав в Лондон, проводили час-другой в букинистических магазинах, отыскивая среди старых книг и журналов что-то для себя. При всем разнообразии вкусов многие приобретали сборники стихов Шелли, Вордсворта, Китса. Большинство же отдавало предпочтение книгам о путешествиях, главным образом об Арктике и Антарктике²².

Вообще, по отзыву той же "Манчестер Гардиан", война привела к упадку культурной жизни в Англии: сократилась

деятельность лондонской филармонии, симфонического оркестра, сотен хоровых и узыкальных обществ, закрылись многие кинотеатры, из-за высоких налогов под угрозой была поставлена кинопромышленность, "военный" репертуар театров стал беден и убог²³.

Читатель "Интернациональной литературы" мог составить представление о театральной жизни зарубежья. Так, ознакомившись со статьей Ф.Риза-Заде "Театры Парижа", можно было получить определенное впечатление о театральной жизни Франции²⁴. В статье "Заметки об английском театре" (Письмо из Лондона) Ю.Фогерти, опубликованной в 1928 г., отмечалось, что в Англии нет ни одного государственного театра, ни одного национального театра. Цель театров — быть доходным предприятием, и потому на родине Шекспира не очень-то любили ставить пьесы великого драматурга. Здесь, как и во Франции, ставились пьесы, которые могли выдержать большое количество представлений и обеспечить театру полные сборы в течение года или одного театрального сезона²⁵.

Ряд публикаций был посвящен зарубежному кинематографу.

Важное место в журнале отводилось проблемам, связанным с восприятием советской культуры за рубежом, причем приводились как позитивные, так и, реже, критические отзывы.

В 1920—30-е гг. особой популярностью пользовался на Западе советский кинематограф. Следует заметить, что из-за цензуры фильмы доходили до иностранного зрителя часто в искаженном виде. И если в Советском Союзе, как мы знаем, некоторые иностранные фильмы демонстрировались с купюрами или не демонстрировались вообще, то это не было исключением из общего правила. К подобным мерам прибегали и другие страны. Журнал перепечатал любопытные высказывания редактора интернационального кинематографического журнала "Клоуз Ап" Кенесса Макферсона, касающиеся вопроса цензуры. "Те странные люди, которые решают, что русские фильмы ни под каким видом не должны демонстрироваться в Англии, не

могут привести в доказательство ни одной не только что осмысленной, но вообще какой бы то ни было причины", — замечал он, — "ведь английскую публику усердно приучали верить, что все русские фильмы — это скрытый подкоп под колеблющиеся троны европейских монархов".

Отмечая высочайший уровень русского киноискусства, особенно таких мастеров кино, как Эйзенштейн, Пудовкин, Ромм, Преображенская, и считая, "что каждый не знакомый с их картинами уже безнадежно отстал в своей концепции киноискусства", он сожалел о том, что английские зрители не смогут "увидеть их на измененными, не искромсанными и изуродованными, с не переделанными надписями, а такими, какими они вышли из России"²⁶.

В Германии пользующиеся неизменным успехом советские фильмы также подвергались искажениям. Одна немецкая газета писала не без юмора, что "они "слегка" обрабатываются, после чего выходит, например, что красная Татьяна убивает белого Отрока из ревности, а не во исполнение данного ею клятвенного обещания не выдать его в руки белых, но это, конечно, неважно. Ведь факт-то остается. Ведь застрелила"²⁷.

В уже упомянутой статье К. Макферсона вообще очень высоко оценивалось советское киноискусство. "Русские фильмы — великие фильмы, во-первых, потому, что предназначены воспитывать, учить и развивать, а также связывать отдаленные деревни с прогрессом больших городов". Отмечая гуманизм советского кино, автор писал: "Эти фильмы идут от самого сердца и мозгов их творцов, они дышат величию и мощью. Они пробуждают в нас сочувствие не к одной какой-либо героине и ее злоключениям, не к одному герою, но ко всему человечеству и ко всем героям всего света. Они и обращаются ко всему человечеству, и ценны для всего мира, потому что как по идеям, так по выполнению поднимаются до такой огромной высоты, что выходят за пределы национальных границ". И далее: "подобные фильмы могут способствовать, и, без сомнения, способствуют тому, чтобы навсегда исчезли и войны, и ненависть, и разврат"²⁸.

Высокую оценку за рубежом (в Англии, Польше, Чехословакии) получил вышедший в 1931 г. первый советский звуковой фильм "Путевка в жизнь". Например, в Праге фильм вызвал громадный интерес. По отзывам крупнейших буржуазных газет, это "выдающееся художественное произведение", "захватывающая картина", имеющая "большой заслуженный успех"²⁹.

Журнал в хроникальных материалах сообщал о выходе книг русских и советских писателей в странах Европы и откликах на них. Следует отметить, что к I съезду советских писателей (1934 г.) на иностранные языки было переведено 97 советских авторов³⁰.

В 1934 г. публикуются отзывы французской прессы на произведения М.Шолохова "Поднятая целина", Л.Леонова "Скутаревский", П.Павленко "Баррикады" и др., причем цитируются противоположные мнения. Так, если "Меркюр де Франс" оценивал роман "Поднятая целина" как малодоступный и трудночитаемый, то сборник "Л'Эколь эмансипе" считал, что "Шолохов написал прекрасную книгу"³¹.

В журнале приводилась очень высокая оценка "Лондон Таймс" романа М.Шолохова "Тихий Дон": "большое, исключительное по мощности полотно из жизни казаков в мирные, военные и революционные годы"³²; реакция газеты "Манчестер Гардиан" на выход в Англии сборника рассказов М.Горького: "Горький — тонкий художник, и часто его проза приближается к лирической поэзии. Горький умел, как никто другой, показать лучшее, что есть в жизни — глубокую человеческую любовь и нежность, проявляемые людьми, которыми, казалось бы, недоступны эти чувства"³³.

Примеров, подобных этим, можно привести достаточно. Оценка русской и советской культуры в странах Европы, несомненно, менялась в зависимости от общеполитической обстановки. Так, после заключения известного советско-германского пакта 1939 г. в силу конъюнктуры меняется отношение к русской культуре в Германии. "Интернациональная литература" сообщала читателям об издании там

произведений Л.Н.Толстого, постановке на немецкой сцене "Леса" А.Н.Островского, высокой оценке немцами журналом "Дер Танц" советского балета и его представителей - Г.Улановой, О.Лепешинской, М.Семеновой, В.Чабукиани³⁴.

Как уже отмечалось, освещение культуры за рубежом в журнале менялось в связи с политическими изменениями, происходившими в мире, в определенной мере зависело от дипломатических отношений СССР с другими странами. В то же время из журнала на протяжении всего его существования можно было узнать много интересного и полезного о культурных событиях, происходивших в других странах.

Информация, полученная читателями журнала, давала им возможность достаточно полно ознакомиться с событиями культурной жизни за рубежом, в частности - в странах Европы, что, несомненно, способствовало взаимодействию этих культур, а также расширяло представление народов друг о друге.

-
- I Вестник иностранной литературы. 1928. № I. С.1.
 - 2 Там же. 1928. № II. С.149-150; № I2. С.125-126; Интернациональная литература. 1934. № 5. С.152; 1939. № I2. С.271-272; и др.
 - 3 Дейч А.И. (1893-1972), советский писатель и литературовед, переводчик с украинского, французского, английского и немецкого языков.
 - 4 Вестник иностранной литературы. 1929. № 6. С.211.
 - 5 Там же. С.213.
 - 6 Там же. С.216.
 - 7 Там же. С.214.
 - 8 Там же. 1929. № 6. С.214, 215.
 - 9 Там же. С.215.
 - 10 Там же. 1928. № I. С.2.
 - 11 Там же. 1928. № 4. С.138.
 - 12 Речь идет о пьесе Г.Гауптмана "Ткачи", посвященной восстанию силезских ткачей.
 - 13 Интернациональная литература. 1934. № I. С.100.

- 14 Там же. С.101.
- 15 Там же. С.112.
- 16 В АЕАР входили Р.Роллан, А.Барбюс, Ж.-Р.Блок, А.Мальро и др.
- 17 Интернациональная литература. 1934. № 5. С.151.
- 18 Там же. № 6. С.122, 123.
- 19 Там же. 1940. № 11-12. С.360.
- 20 Там же. 1939. № 12. С.269, 270, 271.
- 21 Там же. 1940. № 11-12. С.358-359.
- 22 Там же. С.355-356, 357.
- 23 Там же. 1939. № 12. С.263-264.
- 24 Вестник иностранной литературы. 1928. № 12. С.110-116.
- 25 Там же. № 5. С.160.
- 26 Там же. № 11. С.155.
- 27 Там же. № 6. С.115. Фильм "Сорок первый" шел в Германии под названием "Красная Татьяна".
- 28 Там же. № 11. С.155-156.
- 29 Интернациональная литература. 1933. № 2. С.143.
- 30 Балашова Т.В., Егоров О.В., Николюкин А.Н. Советская литература за рубежом. 1917-1960. М., 1962. С.63.
- 31 Интернациональная литература. 1934. № 2. С.132, 133.
- 32 Там же. № 5. С.157.
- 33 Там же. 1939. № 12. С.267.
- 34 Там же. 1940. № 11-12. С.343-344.

КУЛЬТУРА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОВЕТСКОЙ
ПРОПАГАНДЫ В 1939-1941 ГГ.

В 1942 г. Гитлер признавал, что по крайней мере двум вещам можно отдать должное в культурной политике Сталина: унификации прессы (что и начал делать Фюрер сразу после прихода к власти), а также организации проводной радиосети. Оказавшись под политическим контролем тоталитарного государства, радио и печать могли, по мнению Гитлера, стать огромной пропагандистской силой¹. В этом признании довольно ясно проявилась тенденция использования опыта идеологически враждебного режима для совершенствования собственного пропагандистского аппарата.

В предлагаемом очерке будет рассмотрена данная тенденция на примере деятельности советской стороны в период непродолжительного сближения СССР с Германией после пакта Риббентропа - Молотова. Речь пойдет об изучении и попытках использования германского опыта в области культурной политики в целях совершенствования большевистской пропаганды.

Со времени прихода к власти в Германии национал-социалистов советская пропаганда стала представлять их как гонителей и душителей культуры. В этом была большая доля истины. Широко тиражировался в СССР как акт вандализма реальный факт сожжения десятков тысяч экземпляров книг у здания Берлинского университета, инспирированный Геббельсом. Н. И. Бухарин одним из первых процитировал на XУП съезде ВКП(б) (1934 г.) высказывание немецкого драматурга, апологета Гитлера Г. Йоста: "Когда я слышу слово "культура", я опускаю предохранитель своего браунинга"².

На съезде НСДАП в 1935 г. нацистские лидеры обрушились с открытыми враждебными нападками на СССР и большевизм, которые были подхвачены средствами массовой информации Германии. Глава внешнеполитического ведомства Советского Союза М. М. Литвинов 3 декабря 1935 г. сообщал

Сталину, что подобная враждебная пропаганда ведется изо дня в день. Он предлагал начать систематическую контр-кампанию, направленную "против германского фашизма и фашистов"³.

Любое сообщение о культурной жизни Третьего рейха подавалось средствами массовой информации СССР в 30-е годы, исходя из официальной установки большевистского руководства на бескомпромиссную борьбу с национал-социализмом, который обозначался термином "фашизм". Заголовки статей, публиковавшихся в советских журналах и затрагивавших эту тематику, красноречиво говорят сами за себя: "Шекспир на фашистской сцене"⁴, "Философская культура под сапогом фашизма"⁵, "Драматургия фашизма" и др. Стремление представить чуть ли не всех немецких писателей антифашистами зачастую уводило далеко от истинного положения вещей. Так, под редакцией А.В.Луначарского был осуществлен перевод пьесы Г.Гауптмана "Перед заходом солнца"⁷, в котором сделаны добавления к оригинальному тексту. Редактор пошел на это, чтобы сделать драму антифашистской⁸. Между тем хорошо известно, что Г.Гауптман смирился с гитлеровским режимом, а нацистский министр пропаганды Геббельс неустанно напоминал всем, что крупнейший немецкий драматург остался в Третьем рейхе, писал пьесы, которые ставились на сценах театров⁹.

Немецкий кинематограф второй половины 30-х гг., несомненно, имел большие достижения. В Германии при нацистах в кино снимались звезды мировой величины (Ц.Леандер, П.Негря, В.Фрост и другие). Однако эти достижения игнорировались в СССР. Зато особый интерес вызывали такие факты, как снятие с экранов на Кубе немецкого художественного фильма "Кармен". По этому поводу центральный орган ВКП(б) газета "Правда" не без удовлетворения отмечала: "Публика быстро распознала в фильме фашистскую пропаганду, направленную против испанского народа, и потребовала снятия фильма"¹⁰.

Все же существовала одна точка соприкосновения в культурной политике большевистского и нацистского государств: стремление переосмыслить опыт другой стороны для привлечения культуры на службу потребностям текущей политики. Эта тенденция проявлялась, несмотря на идеологические препоны.

Например, в 1937 г. руководство Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) обсуждало предложение одного из сотрудников о возможности изучения методов фашистской пропаганды, в частности, книгоиздательской деятельности для популяризации большевистских идей за рубежом. Это предложение было принято в штыки. Участники обсуждения говорили о том, что "никогда фашисты не обладали теми знаниями из практики в пропаганде и агитации, какими обладала наша партия". Было прямо заявлено: "методы фашистской пропаганды нам не к лицу". Председатель правления ВОКС А.Я.Аросев, завершая дискуссию, подчеркнул, что, поскольку "фашизм построен на лжи", а большевики стоят "на совершенно новых рельсах", то учиться у нацистов нечему. По его мнению, необходимо было лишь изучать фашизм. Перебирать же у фашистов нечего, подчеркнул еще раз Аросев, "учиться у них нам нечему"¹¹.

Естественно, даже поднимать вопрос об освоении арсенала нацистской пропаганды в условиях крайнего обострения идеологического противоборства СССР и Германии в то время, когда в Москве проходили открытые судебные процессы "троцкистов", которых объявляли сплошь и рядом "агентами гестапо", было весьма опасно.

23 августа 1939 г. в Москве между Советским Союзом и Третьим рейхом был подписан пакт о ненападении, получивший в историографии название "пакт Риббентропа-Молотова". 28 сентября Молотов и Риббентроп поставили свои подписи под пресловутым Договором о дружбе и границе. Глава советского правительства публично заявил о том, что вести войну против гитлеровской идеологии преступно"¹².

В этих условиях активизировались взаимоотношения между двумя странами, в том числе и культурные связи. Предоставлялась возможность, уже не слишком оглядываясь на идеологические расхождения, ближе познакомиться с организацией работы германского радио, прессы, кинематографом Третьего рейха.

Одним из наиболее действенных инструментов влияния на массовое сознание в 30-е гг. было документальное кино нацистской Германии¹³. Некоторые ленты, зафиксировавшие победоносные походы вермахта против армий европейских стран в 1939-1940 гг., демонстрировались на закрытых просмотрах в Москве. И если в начале 1939 г. "Правда" отмечала как позитивный факт запрет общественными организациями США показа серии хроникальных немецких фильмов о вторжении в Судетскую область¹⁴, то уже в 1940 г. вышестоящие органы рекомендовали "Союзэкспортфильму" использовать германский опыт популяризации документальных лент за границей. Указывалось, например, что снятые в Германии хроникально-документальные фильмы выпускались на иностранных языках и реализовывались в других странах как бесплатное приложение к художественным. Это способствовало освоению зарубежного кинорынка¹⁵.

21 июня 1940 г. в Комитете по делам кинематографии при СНК СССР состоялся закрытый просмотр хроникально-документальной ленты "Поход на Польшу". На нем присутствовал известный писатель и драматург, заведующий оборонной комиссией Союза советских писателей редактор журнала "Знамя" Вс.Вишневский¹⁶. Картина "Поход на Польшу" снималась многочисленным коллективом немецких кинооператоров по заказу германского военного командования. Она была посвящена победоносной кампании вермахта осенью 1939 г.

Своими мыслями о ней Вс.Вишневский поделился с участниками творческого совещания писателей и поэтов, созданного оборонной комиссией ССП, редакциями журнала "Знамя" и газеты "Красная звезда" 25 июня 1940 г. На совещании обсуждалось два вопроса: задачи по воспитанию личного

состава Красной Армии, а также формы и методы участия писателей в журнале "Знамя" и газете "Красная звезда". Вс. Вишневский высоко оценил работу немецких кинохроникеров, снимавших "Поход на Польшу"¹⁷. "Фильм насыщен необыкновенной военной точностью, — утверждал он. — Его действительно сделали в генштабе, а не в Союзкинохронике, где не всегда знают, какова же задача"¹⁸. Здесь, видимо, Вс. Вишневский намекал на выпущенную в апреле 1940 г. Союзкинохроникой ленту "Линия Маннергейма" (о боях в Финляндии), в которой, согласно его дневниковым записям, было "вырезано все, что только можно: нет подлинных смертей, раненых, обмороженных, нет трагизма"¹⁹.

Таким образом, советскому писателю и драматургу импонировало мастерство немецких фронтовых кинооператоров, которое он предлагал популяризировать путем демонстрации "Похода на Польшу" на советском экране, написания рецензии на кинофильм в "Красной звезде". Сожадевший о том, что не "мы", а "другие" разгромили польскую армию осенью 1939 г.²⁰, Вс. Вишневский не упомянул одного обстоятельства: немецкие кинохроникеры фиксировали захватнический поход вермахта, приведший к поражению Польши, принесший смерть и разрушение народу этой страны.

"Готовить народ к будущей войне", — такой была основная задача, сформулированная участниками упомянутого совещания. И роль кинематографа в этой подготовке осознавалась вполне адекватно. В информационной сводке Комитета по делам кинематографии при СНК СССР от 15 июля 1940 г. говорилось о большом внимании, которое уделяется производству "нужных фильмов", исходя из "текущих событий войны" в Германии. В частности, пересказывалось содержание статьи из немецкой газеты о работе немецких кинооператоров на передовой во время кампании против Франции, в которой высоко оценивалась роль еженедельных германских военных кинохроник²¹.

К немецкому опыту в этой области апеллировали операторы Едурин и Коган в письме на имя А. А. Хданова

(1941 г.). Они отмечали, что советская кинохроника плохо готовится к работе в условиях надвигающейся войны, подчеркивали сильное отставание данной сферы, в том числе от Германии. "Немецкая кинематография давно уже вся военизирована", - констатировали авторы. Они предлагали немедленно предпринять необходимые меры для преодоления отставания и подготовки к работе в условиях войны. А.А.Еданов в резолюции на это письмо поручал представителям Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Главного управления политической пропаганды Красной Армии и руководству Комитета по делам кинематографии рассмотреть по существу предложение кинооператоров, а свои соображения внести в Секретариат ЦК²².

Важным средством осуществления большевистской пропаганды являлось радио. Осознание этого, очевидно, побудило немецкого писателя-эмигранта А.Куреллу, проживавшего в Москве, обратиться 4 сентября 1939 г. к руководству ССР с докладной запиской, озаглавленной "Развитие и расцвет дружбы между народами Советского Союза и германским народом" (Молотов) на материале литературы". Речь шла о практическом воплощении пропагандистского лозунга, провозглашенного главой Советского правительства в выступлении на внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. В этом выступлении В.М.Молотов лицемерно "признавал": в СССР имелись "некоторые близорукые люди", которые увлекались "упрощенной антифашистской агитацией"²³. Здесь содержался явный намек на свертывание антифашистской пропаганды в условиях начавшегося после пакта о ненападении сближения с Германией.

А.Курелла с готовностью принял данный намек. Поэтому в своей докладной записке он сразу оговаривал, что при отборе материала для радиопередач необходимо "решительно отбросить" всякие "упрощенные антифашистские установки", "исключить открыто антифашистские произведения". Он предлагал изучить возможность ознакомления советских радиослушателей, помимо литературного наследия далекого прош-

лого, с творчеством авторов, работающих в "современной Германии". Речь шла, в частности, об опере Р.Штрауса "День мира" (1938 г.), которая, по мнению А.Куреллы, представляла "значительный художественный интерес", об использовании в радиопередачах произведений "современной немецкой лирики"²⁴.

При проведении советской пропаганды за границей много внимания уделялось радиовещанию на зарубежные страны. В докладной записке на имя А.А.Еданова (27 ноября 1940 г.) секретарь ИККИ Д.З.Мануильский изложил свои суждения по данному вопросу. Он высоко оценивал информативные возможности германских радиостанций, предлагая изучать формы и методы подачи материала, используемые ими для поиска более удачных и эффективных способов деятельности советского радиовещания. Аналогичные предложения об использовании германского опыта ведения пропаганды излагались в аналитических материалах руководства БОКС, ТАСС, Комитета по радиовещанию и радиофикации при СНК СССР, отдела печати НКВД²⁵.

Не могло пройти мимо материалов о Германии такое периодическое издание как "Интернациональная литература". До подписания пакта о ненападении этот журнал, издававшийся на английском, французском, немецком и русском языках, активно участвовал в проведении антифашистской пропаганды. С осени 1939 г. исполнявший обязанности ответственного редактора "Интернациональной литературы" Т.Рокотов неоднократно обращался в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) с просьбой определить задачи, стоящие перед журналом, "в связи с новой международной обстановкой". Эта просьба излагалась в его письмах от 2 ноября 1939, 15 апреля 1940 и 28 декабря 1940 г.²⁶.

Подобные запросы были не случайны. Временное снятие тезиса об идеологическом противоборстве с национал-социализмом, провозглашенное В.М.Молотовым, неизбежно должно было сказаться на содержании материалов "Интернациональной литературы". Кое-что Т.Рокотов предпринимал и сам. Возможно, при этом учитывались пожелания, подобные тому,

которое высказано в письме читателя из Мариуполя, немца по национальности (май 1940 г.). Он отмечал, что с некоторых пор в журнале не было статей о Германии, хотя эту страну "нельзя не заметить"²⁷. В 1940-1941 гг. на страницах "Интернациональной литературы" появлялись небольшие хроникальные заметки о культурной жизни в Третьем рейхе, но материал подавался таким образом, что читатель мог лишь в очередной раз убедиться в популярности за границей, даже в гитлеровской Германии русского классического наследия²⁸. В подобных заметках практически не содержалось сведений о состоянии немецкой литературы и искусства в Третьем рейхе.

Между тем Т. Рокотов так и не дождался от Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) ответа на свои письма. Вместо этого была устроена проверка работы "Интернациональной литературы". 24 декабря 1940 г. комиссия, знакомясь с деятельностью ВОКС по распространению печатной продукции, отметила, в частности, что ни один из пяти издававшихся в СССР для заграницы журналов (в том числе "Интернациональная литература") не имеет утвержденного редактора. Кроме того, ни ЦК ВКП(б), ни Коминтерн, ни НКВД ни разу не обсуждали вопроса о том, как работают упомянутые журналы, "то ли печатают, что требует задача нашей пропаганды для заграницы"²⁹.

Оргвыводы не заставляли себя ждать. В начале 1941 г. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) сформировало комиссию для обследования печатных материалов "Интернациональной литературы". Хорошо представляя характер и направленность журнала до августа 1939 г., члены проверочной комиссии лицемерно констатировали, что для его русскоязычного издания тогда был характерен "ложный уклон", обозначенный В.М. Молотовым в речи при ратификации пакта о ненападении (относительно "близоруких людей", увлекавшихся "упрощенной антифашистской агитацией").

Главным недостатком в работе немецкоязычной редакции "Интернациональной литературы" было признано сокращение

антифашистского духа несмотря на наличие пакта о ненападении с Германией. По мнению членов проверочной комиссии, именно немецкоязычное издание журнала должно было стать органом, пропагандирующим в "нейтрально"-художественной форме советскую культуру", использующим для этой цели все возможности, которые сложились благодаря Договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. Они считали, что позитивное значение имело создание осенью 1940 г. в Кенигсберге Института исследований Востока. Согласно материалам германской прессы, имевшимся в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), главной задачей института являлось изучение во всех проявлениях русского человека и его духовного склада, чтобы сделать его близким немцу. Руководство института согласилось использовать присылаемые из СССР материалы. Таким образом, заключали члены проверочной комиссии, существовала легальная возможность для проникновения информации о Советском Союзе в Германию.

Они скрупулезно подсчитали количество советских и немецких авторов, публиковавшихся в немецкоязычном издании "Интернациональной литературы". За 1940 г. это соотношение составило 30 к 85, что вызвало порицание.

Совершенно неуместным посчитали члены комиссии Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) появление в этом издании информации о праздновании в Германии 500-летия изобретения европейского книгопечатания (у его истоков стоял И. Гуттенберг)³⁰.

Последнее, впрочем, было ничем не обосновано. Юбилей европейского книгопечатания широко отмечался в СССР. По сведениям того же Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в Германии к началу 1941 г. насчитывалось 2800 издательств, работало 27000 книготорговцев, было 11000 писателей (среди которых уже поминавшийся Г. Гауптман, а также Г. Фаллада и многие другие), имелось 40000 библиотекарей, издавалось 30000 наименований книг в год³¹. Немцы, несомненно, также имели все основания отметить годовщину изобретения книгопечатания, у истоков которого стоял их

великий соотечественник, и умалчивать об этом немецкоязычное издание "Интернациональной литературы", естественно, не могло.

В 1940 г. в Германии вышел в свет на немецком языке сборник сатирических произведений М. Зоценко, П. Романова, В. Шишкова, В. Катаева. "Интернациональная литература" поместила заметку об этом, причем была приведена цитата из отзыва на книгу одного из германских журналов: "Новая молодая русская литература продолжает традиции своих великих предшественников"³².

Однако члены комиссии Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) сочли издевательским заголовок, под которым упомянутый сборник был издан в Германии: "Спи скорее, товарищ". Немецкоязычному и англоязычному изданиям "Интернациональной литературы" вменялось в вину, что они не заметили этого³³.

Интересно отметить, как отреагировал на выход в свет на немецком языке сборника юмористических рассказов советских писателей Вс. Вишневский. 26 июля 1940 г. он записал в дневнике: "С отвращением прочел, что у Гитлера издаются Зоценко, Катаев, Шишков, П. Романов и пр. Выбравт по крупицам сатиру, прикрытое мрачное описание быта нашего"³⁴.

Своеобразно освещалась центральной советской прессой работа традиционной Лейпцигской весенней выставки-ярмарки 1941 г. Газета "Правда", сообщая о ее ходе, ни словом не обмолвилась относительно экспозиции, представленной страной-устроительницей - Германией, зато весьма охотно приводила положительные отзывы посетителей о советском павильоне³⁵. Понятно, записи в книге отзывов, которые рассматривали материалы этого павильона как пропагандистские, не приводились³⁶.

Чем дальше распространялась германская агрессия в Европе, тем напряженнее становились взаимоотношения СССР и Третьего рейха. Весной 1941 г. они достигли большого накала. В этой обстановке Сталин счел необходимым разъяснить свое отношение к Германии. Выступая перед выпускни-

ками военных академий в Кремле 5 мая 1941 г., он охарактеризовал действия вермахта как завоевательные и фактически констатировал неизбежность скорого вооруженного конфликта с немцами³⁷.

Во время приема по случаю выпуска слушателей военных академий Сталин заявил следующее: "Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе"³⁸. Это указание стало руководством к действию. Теперь уже можно было открыто переходить к пропагандистскому наступлению против фашизма. 13 мая 1941 г. Вс.Вишневский, который не присутствовал на выпуске слушателей военных академий в Кремле и не мог слышать речи Сталина, конспективно излагал ее содержание в своем дневнике. Очевидно, писатель почерпнул сведения из какого-то не известного нам источника. Вишневский отметил: "Речь огромного значения. Мы начинаем идеологическое и практическое наступление"³⁹.

14-15 мая 1941 г. в ЦК ВКП(б) состоялось совещание, посвященное задачам советских кинематографистов за 1941-1942 гг. С большой речью на нем выступил А.А.Хданов. Вс.Вишневский адресовал в день открытия совещания докладную записку в ЦК, в которой излагал свои соображения о мобилизационных мерах в кинематографе и плане выпуска оборонных фильмов. В записке писатель предлагал, в частности, перемонтировать имеющиеся немецкие хроникально-документальные фильмы "и с новым большевистским текстом, при случае, - обрушить на головы противника", т.е. на немцев. Вс.Вишневский называл в числе картин, которые "можно обработать", и "Поход на Польшу", столь положительно характеризовавшийся им же в июне 1940 г.⁴⁰

Писатель заметил изменение тона советской прессы после речи Сталина 5 мая. Он отмечал в своем дневнике, что в ответ на усиление антисоветских выпадов в германской прессе последовало упомянутое выступление, а затем - публикации "в печати в духе русского советского народа", против "мертвой теории расизма и национализма". Они имели четкий адрес - Берлин⁴¹.

В условиях разворачивавшейся антигерманской пропагандистской кампании становились неуместными печатные материалы, содержавшие позитивные оценки культуры Третьего рейха. 17 мая 1941 г. секретарь ЦК комсомола Н. Михайлов направил в ЦК ВКП(б) письмо, в котором указывал на факт издания очередного сборника из серии "Спорт за рубежом", подготовленного Всесоюзным комитетом по делам физкультуры и спорта при СНК СССР. В письме подчеркивалось, что составители сборника фактически "предоставили советский орган пропаганде германофильских идей, всяческому восхвалению постановки физического воспитания Германии". Н. Михайлов считал, что виновные за выпуск упомянутого издания должны понести строгую партийную ответственность. Дальнейшую публикацию информационных сборников "Спорт за рубежом" секретарь ЦК ВЛКСМ расценил как нецелесообразную⁴².

1 июня 1941 г. постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) редакция сборников было указано на необъективность помещаемой в них информации о состоянии спорта за границей, которая выражалась "в некритическом преувеличении спортивных достижений Германии"⁴³.

В то же время сталинский тезис о переходе к наступательным действиям в сфере пропаганды способствовал активизации изучения германского пропагандистского опыта для использования его против самих нацистов. По поручению секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Шербакова руководству ТАСС в начале июня 1941 г. было дано "секретнейшее и срочное задание" подготовить материалы особого рода. Необходимо было выявить сведения об антисоветской пропаганде, ведущейся крупнейшими державами, в том числе Германией. Руководство ТАСС называло это задание "обязательным мероприятием ЦК ВКП(б)". Кроме того, Телеграфным агентством Советского Союза была представлена в ЦК ВКП(б) докладная записка со сведениями о структуре организаций, в том числе германских, которые ведали вопросами информации и пропаганды⁴⁴.

Агрессия против СССР, развязанная Гитлером 22 июня 1941 г., поставила точку в советско-германском альянсе. Непродожительное сближение двух тоталитарных режимов, как показывают факты, помимо прочего, использовалось советской стороной для пополнения своего пропагандистского арсенала путем анализа немецкого опыта. В этом проявилась глубинная близость двух систем, поставивших достижения культуры на службу пропаганде.

- 1 Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. М., 1993. С.289, 434.
- 2 XУП съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1934. С.129.
- 3 Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С.211.
- 4 Рейх Б. Шекспир на фашистской сцене // Интернациональная литература. 1936. № 7.
- 5 Асмус В. Философская культура под сапогом фашизма // Знамя. 1936. № 3.
- 6 Вольф Ф. Драматургия фашизма // Знамя. 1936. № 8.
- 7 Театр и драматургия. 1933. № 6-7.
- 8 РГАЛИ. Ф.656. Оп.3. Д.599. Л.99.
- 9 Ширер У. Вает и падение третьего рейха. В 2-х т. М., 1991. Т.1. С.281.
- 10 Правда. 1938. 13 янв.
- 11 ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.357. Л.51, 70, 71.
- 12 Правда. 1939. 1 сент.; 1 нояб.
- 13 См.: Ханюгин Д. Кинематограф - нацизм - пропаганда // Киноведческие записки. М.: 1989. Вып.2: Кино тоталитарной эпохи // Искусство кино. 1990. № 1-3; и др.
- 14 Правда. 1939. 13 янв.
- 15 Невекин В.А. Советская политика и культурные связи с Германией // Отечественная история. 1993. № 1. С.26.
- 16 РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Д.2182. Л.91.
- 17 Невекин В.А. Указ. соч. С.24.
- 18 РИХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.10. Л.39.
- 19 РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Д.2077. Л.46.
- 20 Там же. Л.4.

- 21 Там же. Ф.2918. Оп.2. Д.15. Л.7, 8.
22 РИХИДНИ. Ф.77. Оп.1. Д.895. Л.111.
23 Правда. 1939. 1 сент.
24 РГАЛИ. Ф.631. Оп.11. Д.425. Л.7-9.
25 Неvejeин В.А. Указ. соч. С.24-25.
26 РГАЛИ. Ф.1397. Оп.5. Д.69. Л.8-8 об.; 11-11 об.
27 Там же. Оп.1. Д.26а. Л.28.
28 Неvejeин В.А. Указ. соч. С.28.
29 РИХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.11. Л.122.
30 Там же. Д.32. Л.89, 107, 112, 113; Д.38. Л.6.
31 Там же. Д.38. Л.56-57.
32 Интернациональная литература. 1940. № 3-4. С.345.
33 РИХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.32. Л.81, 97.
34 РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Д.2077. Л.75.
35 Правда. 1941. 2, 7, 9 марта.
36 Неvejeин В.А. Указ. соч. С.30.
37 Искусство кино. 1990. № 5.
38 РИХИДНИ. Ф.558. Оп.1. Д.3808. Л.12.
39 РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Д.2079. Л.31-31 об.
40 Там же. Д.1459. Л.4.
41 Там же. Д.2079. Л.32, 32 об.
42 РИХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.63. Л.143-147.
43 Там же. Оп.116. Д.92. Л.6.
44 Там же. Оп.125. Д.38. Л.17-22; Д.57. Л.132.

Ш. ДВА ПОЛЮСА ЕВРОПЫ: РОССИЯ И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ ГЛАЗАМИ ДРУГ ДРУГА

А. В. Павловская

ПОРЕФОРМЕННАЯ РОССИЯ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ-АНГЛИЧАН

Англичан издавна манила и пугала Россия. Интерес к России определялся, в первую очередь, политическими и экономическими причинами. Однако нельзя забывать, что для иностранцев Россия всегда была окружена мистическим и загадочным ореолом. Стремление постичь "тайну" России было важным моментом.

Начавшийся в конце XVIII— начале XIX в. процесс расширения и углубления информации о России за счет увеличения числа иностранцев, прибывавших в страну с целью ознакомления с ее жизнью и бытом, был искусственно прерван в эпоху Николая I, отгородившегося от Европы "железным занавесом". Называя Николая "последним европейским ханом" или "азиатским императором", английский путешественник, посетивший Россию после его смерти, отмечает, что "пока он был на троне, его страна была тайной. С тайной пришло недоверие, так как неизвестное всегда пугает"¹.

В середине XIX в. в отношении иностранцев к России произошли серьезные перемены. Преобразования Александра II и, в первую очередь, реформа 1861 г. произвели своего рода переворот в восприятии России иностранцами. В Россию устремляется поток путешественников, стремящихся раскрыть "тайну России, страны, "которая действительно знакома своим западным соседям меньше других цивилизованных наций"².

Пореформенная Россия оказалась "открытой" для иностранцев, но по-прежнему загадочной и непостижимой для их понимания. Многие согласились бы с высказыванием английской дамы, пробывшей десять лет в России: "прожив долгие годы в России, вполне возможно так и не узнать русских"³.

Восприятие русской культуры — культуры в широком смысле: политической, духовной, художественной — на Западе

было чрезвычайно сложным и неоднозначным. В данной работе сделана попытка обобщить взгляды англичан на Россию второй половины XIX в., проследить как воспринималась Россия и русские западными современниками. Основой послужили дневники, воспоминания и путевые заметки англичан, посетивших пореформенную Россию, а также исследовательские работы, написанные в тот же период на их основе.

При изучении дневников и воспоминаний XIX в. западного происхождения возникает важный вопрос об источниках информации, которыми пользовались английские авторы.

Наибольший интерес для понимания восприятия русской культуры и русских иностранцами представляют работы, написанные на базе личных впечатлений. Необходимо отметить, что англичане редко добирались до российской глубинки, ограничивая знакомство с Россией столичными городами, что объяснялось и плохим состоянием дорог в стране, и незнанием русского языка, и страхом перед неизвестной "дикой" страной. Описания русской пореформенной деревни оставили англичане Д. Уоллес-Маккензи, В. Диксон, Б. Ходжест и некоторые другие. Неоднозначные по степени достоверности — например, писатель В. Диксон порой увлекался чрезмерной живописностью — они базируются на личных впечатлениях и дают богатый материал для последующих исследователей пореформенной России. Как исторические источники, подобные воспоминания являются наиболее значительными. Однако, при использовании личных наблюдений иностранцев необходимо учитывать следующие моменты: знание языка, степень подготовленности к восприятию русской жизни, места путешествия, склонность русских к "показухе". Наиболее распространенными источниками информации для западных современников отмены крепостного права и первых последствий реформы были свидетельства очевидцев — как русских, так и своих соотечественников. Среди иностранцев, как правило, преобладали люди, жившие в России в течение нескольких лет и занимавшиеся торговлей, распространением в России западной сельскохозяйственной и промышленной техники, а также

дипломаты. Не без иронии один из англичан-туристов писал: "Говорят, что половина населения Санкт-Петербурга - иностранцы"⁴. Необходимо отметить, что жили они, в основном, обособленной колонией, часто не знали языка, по стране практически не путешествовали и пользовались, главным образом, разнообразными слухами. Характерно, что здесь имела место своего рода двусторонняя связь: слухи, родившиеся на русской почве, немедленно появлялись в западной прессе, в то время как сплетни из западной прессы широко распространялись в русском обществе⁵.

Работы, посвященные русской жизни, пестрят фразами типа: "один человек, многие годы живший в России, мне рассказывал...", а далее следует, как правило, крайне сомнительная информация. Да и те из англичан, которые видели "настоящую" русскую жизнь, знали лишь часть ее, ибо "русские обожают показуху, они очень нервозно относятся к тому впечатлению, которое их страна производит на иностранцев"⁶.

Гораздо большее значение имеют рассказы русских, записанные иностранцами, и выводы, сделанные на их основе. Практически все англичане, посетившие Россию, отмечают гостеприимство, доброжелательность и редкую откровенность русских: "Русские во время путешествия становятся очень словоохотливы, и так как они так же любопытны, как шотландцы, - они также и сообщительны о своих собственных делах, даже самых интимных, до такой степени, что на трудно вообразить"⁷.

Встречи с русскими государственными деятелями, помещиками, писателями, лицами духовного звания, простыми крестьянами дают богатый материал для серьезных наблюдений и обобщений в работах англичан. Вместе с тем, надо учитывать мнение русской прессы, писавшей, что "...значительная часть вздора, печатаемого за границей о России, сочиняется в ней самой"⁸.

С большим вниманием прислушивались иностранцы к мнению русских, живших за границей. Имея опыт общения и ши-

рокий круг знакомств в стране проживания, русские эмигранты оказывали сильное влияние на отношение иностранцев к русской жизни. Среди таких русских в Лондоне выделяются две крайне противоположные фигуры: А.И.Герцен и О.А.Новикова. Влиянию демократических идей Герцена на западное общественное мнение о России посвящен ряд советских и современных английских исследований. Значительно меньше известно об Ольге Александровне Новиковой (урожденной Киреевой) — журналистке, писательнице, общественном деятеле, до последнего времени представлявшей только воинствующей реакционеркой. Славянофилка, сторонница абсолютной неограниченной монархии, крестница Николая I, лондонская корреспондентка "Московской газеты" и славянофильской прессы, имевшая огромный круг знакомств как в России, так и в Англии, О.Новикова была личностью яркой и противоречивой. Ее статьи, посвященные русско-английским отношениям, реформам Александра II, политике Александра III написаны эмоционально и страстно. "Боже! Спаси нас от конституции!"⁹, — восклицала она, вызывая неодобрение либерально настроенных англичан. Вместе с тем, ее влияние на отношение англичан к России и происходящим в ней событиям несомненно. "Членом парламента от России" ("Депутатом от России" в русском переводе) называет ее английский биограф, подчеркивая ее значение как "представителя русского народа", отстаивавшего интересы России в Англии¹⁰.

Вместе с тем надо отметить, что все сказанное русскими ("настоящими русскими") независимо от их образования, политических интересов и личного опыта сразу воспринималось англичанами как непреложная истина. В связи с этим хотелось бы вспомнить слова Ф.И.Тютчева: "Что еще больше вводит их в заблуждение, так это западная колония образованных русских, которая вторит им их же голосом. Насмешка уха"¹¹.

Чрезвычайно живучими оказываются стереотипы восприятия русской жизни, и даже самым объективным исследователям не удается, как правило, от них избавиться. Различия

исторические, политические, экономические, социальные, а главное национальные являлись огромным препятствием в достижении понимания между двумя народами (имеется в виду, безусловно, "бытовой" уровень, а не политический или дипломатический). Английский предприниматель Дж. Хьюм, тридцать пять лет проживший в России, в конце жизни писал: "Россия — не Англия и не должна быть рассматриваема "английскими" глазами"¹².

Несмотря на сложность, а порой и недостоверность, западные дневники и воспоминания представляют огромный интерес для историков. И прежде всего потому, что они дают возможность взглянуть на себя со стороны. Безусловно тенденциозные, они тем не менее выражают свои тенденции, отличные от русских источников и подчас дают факты, сознательно или не сознательно не замеченные русскими авторами. Да и в национальных стереотипах, как показывают новейшие исследования, особенно зарубежные, есть большая доля правды.

Что же писали англичане о России, русских и русской культуре во второй половине XIX в.?

Круг вопросов, поднимаемых в работах западных современников, чрезвычайно широк. Однако, безусловно, главное место в этот период отводится Великим реформам в России, особенно крестьянской. По-разному оценивали авторы значение и последствия крестьянской реформы, однако все они единодушно сходились на том, что крепостное право необходимо было отменить. Этот вопрос не вызывал сомнения ни у кого. Причины же отмены назывались разные. Интересно отметить, что новейшая западная историография главной причиной отмены крепостного права считает влияние Запада, современники же реформы подчеркивали в первую очередь внутренние причины преобразований. Большинство авторов рассматривало отмену крепостного права как закономерное завершение длительного процесса, начавшегося с правления Екатерины II. Крепостное право они расценивали как естественное, идущее из глубин народной жизни, не навязанное

сверху (в отличие от Западной Европы), а сформировавшееся в процессе освобождения от иноземных захватчиков. Такими же естественными представлялись и попытки предшественников Александра II отменить крепостное право, ставшее тормозом для включения России в круг свободных европейских стран.

Достаточно распространенной является и другая точка зрения, близкая к этой. Отмена крепостного права — целиком заслуга Александра II, его воли и мудрости. Впитавший европейские идеи, стоявший при этом на глубоко национальной основе, вдохновленный свыше, поддерживаемый или (в некоторых вариантах) преодолевавший сопротивление дворянства, Александр II предстает как благодетель России. По мнению английских путешественников, большинство из которых лично встречалось с императором, это "король королей"¹³, первый европейский император в России¹⁴, освободитель народа. Даже критически и антимоноархически настроенный Томпсон из общества "Друзей русской свободы", считал, что, несомненно, Александр руководствовался благородными намерениями, отменяя крепостное право¹⁵.

Конкретных причин отмены крепостного права в работах английских современников мало. Часть их считала причиной отмены крепостного права борьбу Александра II с засильем продажного чиновничества — главной бедой России, причиной всех ее неприятностей.

Немецкий исследователь, работавший в Англии, Дж. Эккарт, создал своеобразную концепцию отмены крепостного права. Все императоры до Александра II (Петр I, Екатерина II и др.) пытались дотянуть Россию до европейского уровня. Перед Александром II стояла задача "русификации" России. Так как крестьянин один оставался незатронутым европейским влиянием и воплощал в себе национальное начало, его освобождение, считает Эккарт, должно было дать импульс укреплению и развитию национальной идеи. Отмену крепостного права он объяснял стремлением придать государству "оттенок специфически русский"¹⁶.

Схожей точки зрения придерживался английский путешественник В. Диксон. По его мнению, когда-то Россия была "так же свободна, как Франция и Германия"¹⁷, затем она была покорена дикими ордами, и русский народ впитал от них страсть к бродяжничеству. Поэтому государство было вынуждено прикрепить его к земле, чтобы избежать разрухи. В результате сложилась ненормальная, с точки зрения Диксона, ситуация — Россия стала страной сугубо "деревенской". Реформа Александра II должна изменить создавшееся положение. Россия вновь стала свободной и создались предпосылки для одновременного развития и города, и деревни по европейскому образцу.

Ни один из авторов не считал причиной отмены крепостного права разорение и тяжелое положение крестьянства. Наоборот, они отмечали, что, во-первых, среди русских крестьян они не встречали до реформы нищих и бедствующих, а во-вторых, "как и следует из русского национального характера, отношения между помещиками и крепостными крестьянами были вполне доброжелательными"¹⁸. По их мнению, помещик для крестьянина до реформы был чуть ли не "отец родной". Так что в этом отношении реформа только повредила. Важно отметить, что в работах нет упоминаний и о крестьянских восстаниях, предшествовавших реформе. Однако боязнь крестьянского бунта, стремление предотвратить его упоминались рядом авторов в качестве дополнительных стимулов для проведения крестьянской реформы. Еще в 1855 г. в дневнике англичанки отмечается, что "русские боятся крестьянской революции"¹⁹.

Большое место в английских работах второй половины XIX века занимает вопрос о русской общине, не имеющей, по словам одного из исследователей, аналогии в странах Западной Европы²⁰. Впервые в русском официальном законодательстве термин "община" появился именно в 1861 г., что способствовало привлечению к ней особого внимания. Во многих работах община сравнивается с различными подобно-го рода мировыми институтами, и в результате делается

вывод об особенном, ни с чем не сравнимом характере русской общины. Так, очень интересное сравнение проводит Диксон: "В Западной Европе и Соединенных Штатах деревня ничто иное, как маленький городок, в котором проживают различные ремесленники, фермеры, торговцы и их родные. Люди, которые могут так же свободно уйти, как и пришли. Русская деревня, ... это собрание хижин, занимаемых людьми одного класса; людьми, которые не имеют права покинуть поля, которые они обрабатывают; которые должны богатеть и разоряться вместе; которые сообща владеют своими землями и сообща платят налоги; которые сообща отдают своих детей в солдаты"²¹.

Однако, именно в сохранении общины кроется, по мнению преобладающего числа авторов, главная причина неудач проведенных преобразований, "ибо недостатки общинного владения землей значительно превышают его достоинства"²². Реформа 1861 г. фактически сменила власть помещика на власть общины. Крестьянин же в результате этих перемен ничего не получил. Он не может разбогатеть - излишки денег изымаются в пользу общины. Не может свободно уйти работать в город - община в любой момент может отозвать его обратно, малейшее неповиновение общинным порядкам может повлечь за собой возмездие - от штрафа до телесного наказания²³.

"До тех пор, пока члены сельской общины сохраняют прокрустово ложе периодического перераспределения земли и лишены возможности индивидуального развития, ... не может быть и речи о прогрессе, который стал возможен благодаря отмене крепостного права"²⁴.

По-разному оценивали авторы последствия реформы. Среди положительных результатов отмечаются рост городского населения, развитие торговли, замена подневольного труда свободным, развитие фабричного производства. Однако уже через 20 лет после реформы практически ни у кого не осталось сомнения - Россия находится в глубочайшем кризисе, как экономическом (голод и упадок сельского хозяйства), так и политическом (появление таких политических

течений, как "нигилизм", "терроризм", "коммунизм") и причина этого кризиса - неудача реформы 1861 г.

По мнению большинства английских авторов, реформы и либерализация России оказали огромное влияние на развитие русской культуры. Расцвет русской литературы во второй половине XIX в. она связывали с политическими, социальными и экономическими переменами в стране. Вот что писал английский журналист М. Беринг, в образной форме выражая широко распространенное в Англии мнение о русской культуре пореформенной России: "Эпохе Великих Реформ в России суждено было принести богатые плоды не только в политической жизни России, но и в интеллектуальной и культурной жизни Европы. Она (эпоха) пронзала русскую душу и из зияющей раны вырвался огромной силы взрыв литературного творчества, обогативший мировую литературу. Три великих сына своей эпохи - Толстой, Достоевский, Тургенев"²⁵.

Оценивая в целом положительно реформу 1861 г. как этап закономерный и необходимый для России, западные авторы отмечали ее недостатки, приведшие впоследствии Россию к кризису. Главным недостатком, по их мнению, являлось сохранение общины, тиранически сдерживавшей развитие индивидуальной деятельности. К числу факторов, тормозивших проведение реформы, они относили также чрезмерные государственные налоги, засилье чиновников, отсутствие у крестьянина образования и внутренней свободы, распад больших крестьянских семей.

Большое место в дневниках англичан уделено русскому самодержавию. Если демократы-американцы, писавшие в тот же период о России, достаточно единодушны в своих оценках самодержавной власти, называя ее тиранией и деспотизмом, то мнения либералов-англичан по этому вопросу разделялись. С одной стороны, английский корреспондент Ходжетс с горечью писал в 1891 г. во время голода: "В России нет закона вне власти самодержца, нет независимости и самоуважения"²⁶. Вместе с тем, большинство работ оценивало русское самодержавие достаточно положительно, много пишется

о любви ("детской", "искренней", "наивно-восторженной" и пр.) крестьян к своему императору и наоборот. Некоторые даже пришли к выводу, что "Россия в те дни (1870-е - А.П.) было нужно только жесткое правление, твердая рука и ничего больше, что бы там ни возражали профессора-либералы, студенты, интеллигенция вообще"²⁷.

Как правило, крайне доброжелательно описывали англичане русское дворянство. Образование, культура, воспитание, европейская одежда и манеры, по их мнению, сочетаются в русском дворянстве с чисто национальными чертами. Крупнейший путешественник второй половины XIX в. Уоллес-Маккензи писал об отсутствии аристократии в русском обществе (за ним эту мысль повторили многие другие), подчеркивая отсутствие снобизма, кастовой замкнутости русского дворянства: "В России много русских, которые гордятся своим богатством, своей культурой или государственным положением, но редко можно встретить русского, гордящегося своим происхождением и воображающего, что длинная родословная дает ему какие-нибудь политические права или социальные привилегии"²⁸.

Еще более идеализировали англичане русское крестьянство. Отмена крепостного права привлекла внимание иностранцев к русской деревне, поэтому "русский мужик" и его судьба занимали центральное место в работах современников-англичан. "Русский крестьянин - очаровательный, славный, добродушный парень, не имеющий дурных наклонностей, кроме некоторой склонности к питью - что вполне понятно в холодном климате..."²⁹. Судьба русского крестьянина - судьба России и именно он, по мнению иностранцев, воплощает в себе типичные черты русского национального характера.

Ограничимся простым перечислением наиболее часто упоминаемых черт русского национального характера: гостеприимство ("царское гостеприимство"), привязанность к дому, родной деревне (практически невозможно заставить их эмигрировать)³⁰, лживость, изворотливость ("несмотря на его внешнюю простоватость и наивность, я бы не посовето-

Ведь никому доверять русскому... любого звания")³¹, религиозность внутренняя, не связанная порой с внешними, формальными проявлениями ("религия в Россия... независимо от существования или отсутствия веры, всегда будет частью патриотизма; коль скоро будет существовать русская нация, будет существовать и русская религия как ее основа")³², доброта, открытость и, вместе с тем, крайняя подозрительность ("студент прикрывает свет от лампы портретом императора Николая, Англичанин или француз, зашедшие к нему в гости, видят только портрет императора на абажуре, но русский, войдя в комнату, сразу же понимает, что молодой человек считает Николая I препятствием на пути к просвещению")³³, чувство братства, солидарности, общественное сознание, отсутствие индивидуализма ("русские не могут жить отдельно, в удаленных фермах, как это принято в современной Англии, им обязательно нужно присутствие людей")³⁴.

Английский журналист Морис Бэринг составил даже сводную таблицу положительных и отрицательных черт русского характера и, подводя итоги, писал: "Три типа в истории и литературе наиболее полно выражают национальный характер: Петр Великий, князь Мышкин и Хлестаков... Почти в каждом русском вы найдете черты всех трех персонажей"³⁵.

-
- 1 Dixon W.H. Free Russia. London, 1870. Vol.2. P.334.
 - 2 Arnaud Ch.A. The new era in Russia. Wash., 1890. P.6.
 - 3 The Englishwoman in Russia. London, 1855. P.VI.
 - 4 Dicey E. A month in Russia. London, 1867. P.22.
 - 5 Заграничная печать о России в 1882 г. // Исторический вестник. 1883. № I. С.189.
 - 6 Dicey E. Op.cit. P.240.
 - 7 Скайлер Е. Граф Лев Николаевич Толстой // Русская старина. 1890. № 9. С.634-635.
 - 8 Заграничная печать о России в 1882 г. С.189.
 - 9 The M.P. for Russia. London, 1909. Vol.2. P.12.
 - 10 Ibid.

- 11 Тютчев Ф.И. Россия и Запад // Россия и Европа. М., 1992. С.54.
- 12 Hume G. Thirty five years in Russia. London, 1914. P.XI.
- 13 Dicey E. Op.cit. P.47.
- 14 Dixon W.H. Op.cit. Vol.1. P.340.
- 15 Thompson H.M. Russian Politics. London, 1895. P.28.
- 16 Eckardt J. Modern Russia. Leipzig, 1870. P.65.
- 17 Dixon W.H. Op.cit.
- 18 Geddie J. The Russian Empire. London, 1882. P.213.
- 19 The Englishwoman in Russia... P.271.
- 20 Eckardt J. Op.cit. P.94.
- 21 Dixon W.H. Op.cit. Vol.2. P.44.
- 22 Hodgetts E.A.B. In the Track of the Russian famine. London, 1892. P.83.
- 23 Geddie J. Op.cit. P.201.
- 24 Eckardt J. Op.cit. P.185.
- 25 Barring M. The Russian People. London, 1911. P.272.
- 26 Hodgetts E.A.B. Op.cit. P.92.
- 27 Baddeley J.F. Russia in the "Eighties". Sport & Politics. London, 1921. P.108.
- 28 Wallace D.M. Russia on the eve of war & revolution. London, 1961. P.113.
- 29 Hodgetts E.A.B. Op.cit. P.5.
- 30 Barry H. Russia in 1870. London, 1871. P.VI.
- 31 Geddie J. Op.cit. P.207.
- 32 Barring M. Op.cit. P.358.
- 33 Geddie J. Op.cit. P.200.
- 34 Edwards H.S. The Russians at Home & the Russians Abroad. London, 1879. Vol.1. P.138.
- 35 Barring M. Op.cit. P.55.

АНГЛИЯ КОНЦА 60-Х - НАЧАЛА 70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА ГЛАЗАМИ РУССКИХ

Англия и Россия - две великие державы XIX в. Взаимный интерес русских и англичан к истории, социально-политической жизни каждой из стран был обусловлен их сложными, подчас драматическими взаимоотношениями на международной арене. Внимание русских политических и общественных кругов в Англии в 60 - начале 70-х гг. XIX в. во многом объяснялось тем, что Россия, только вступающая на путь пореформенного преобразования, нуждалась в определенном примере экономического и политического развития. Англия как раз и могла выступить в качестве такого эталона. В ее экономическом, общественно-политическом и социальном устройстве было много привлекательного для русских сторонников реформ. С одной стороны, это крупнейшая промышленная держава мира, достигшая своего расцвета в середине века, с другой стороны - монархическая страна, с сильными олигархическими традициями и принципами, одновременно имеющая двухпалатный парламент, полномочия которого расширялись в ходе проведения реформ. Не менее важным в определении интереса русских к англичанам был характер русско-английских дипломатических отношений, которые в рассматриваемый период концентрировались на вопросах об отмене невыгодных для России статей Парижского трактата 1856 г. о Черноморских проливах и на средневосточных и среднеазиатских проблемах. Безусловно, все нюансы русско-английских взаимоотношений находили отражение на страницах русской периодической печати, что в свою очередь влияло на формирование общественного мнения относительно Англии и англичан.

В конце 60 - начале 70-х гг. XIX в. в Англии у власти находилось либеральное правительство во главе с У.Гладстоном. Годы правления либералов (1868-1874) отмечены принятием ряда законов, направленных на устранение устаревших, не оправдывавших себя политических и социальных

переходов и на дальнейшую демократизацию английской избирательной системы. К числу наиболее значимых реформ У. Гладстона и его кабинета можно отнести законы об отделении церкви от государства в Ирландии, земельный закон для Ирландии, билли о школьной реформе, о тайной баллотировке, о реформе армии. Внешняя политика либералов носила несколько сдержанный, осторожный характер: Англия придерживалась нейтралитета во франко-прусской войне, пошла на созыв арбитражного суда для разрешения конфликта с США (дело "Алабамы"), заключила с Россией соглашение о создании "нейтральной зоны" в Афганистане. Все стороны внутри- и внешнеполитической деятельности либералов находили освещение на страницах русских периодических изданий, но политическая ориентация последних накладывала отпечаток на интерпретацию тех или иных фактов английской жизни.

Довольно критически освещалось государственное устройство Англии на страницах журнала-газеты "Гражданин" (издатель-редактор Г. К. Грановский). Журнал, хотя в нем и сотрудничал Ф. М. Достоевский, являлся органом редакционных слесей русского дворянства, вел борьбу за ликвидацию реформ, выступая против всего прогрессивного как в России, так и на Западе. По мнению журнала, в Англии монархическая власть была сравнительно слаба, поэтому большое значение придавалось борьбе партий. "...В этой родине парламентаризма борьба партий имеет такое большое значение для страны, что все управление страной зависит от того или иного исхода борьбы партий в данный момент. Какая партия одержала в известное время перевес — за такой партией следует и королевская власть", — отмечалось в нем¹. "Гражданин" не дал развернутой характеристики либеральной и консервативной партий, не раскрывал их идеологических принципов. Характеристика этих двух основных политических сил на страницах журнала отличалась определенной примитивностью: консерваторы "придерживаются исторических преданий, которыми так богата Англия, и отстаивают начала, выработанные давно минувшей английской социальной жизнью", а либералы "пола-

гавт в основе своей политики массу потребностей нового времени, и стоят за необходимость постоянных реформ во всем строе английской социальной жизни"². "Гражданин" не высокого мнения о политической принципиальности английских государственных деятелей. "Ни в одной стране в мире нет столько перебежчиков из одной партии в другую, сколько в Англии..." - утверждалось на его страницах. В качестве примера приводилась политическая карьера У. Гладстона, перешедшего из консервативной партии в либеральный лагерь, и Б. Дизраэли, который "начал с либерализма, а кончил консерватизмом"³.

Законодательная деятельность либералов не нашла широкого освещения в журнале. Основной акцент делался на анализе внешней политики Англии, причем "заслугами", которые "красноречиво" говорят в пользу кабинета Гладстона, журнал считал "разрешение таких сложных и запутанных старичьих вопросов..., как элбемского и сенхуанского, по взаимным претензиям Англии и Америки, Черноморского и среднеазиатского вопросов относительно России, полное невмешательство в франко-прусскую войну"⁴. Что же касается причин падения кабинета Гладстона в 1874 г., то "Гражданин" ограничился приведением только высказываний консерваторов, критикующих именно внешнюю политику либералов, и не дал глубокого анализа внутривластных и социальных причин отставки либерального правительства⁵.

"Гражданин" не мог оставить в стороне вопрос о мировом могуществе Англии, но объяснял его не экономическими и политическими преобразованиями, которые имели место в этой стране в первой половине и в середине XIX в., а ее географическим положением и особенностями внешней политики. Могущество Англии, по мнению журнала, основывается, "во-первых", на ее великолепном географическом положении, во-вторых, на том, что она отлично пользуется этим положением, в-третьих, - на ее политике... Чуткое внимание к своей непрякосновенности дало Англии возможность свободно развиваться всеми нитями своего национального существа...", -

включает автор одной из статей. Суть же английской политики он видит в том, "чтобы эксплуатировать дикие или мало образованные народы, и потом, выжатыми из них соками, обращаемыми в капитал, - эксплуатировать, в свою очередь, нации цивилизованные..."⁶.

В "Гражданине" за 1874 г. была напечатана целая серия очерков о жизни и быте англичан, в которых раскрывались характерные черты английской нации. По мнению их автора, англичане - люди очень практичные, их нравственная философия состоит в том, "чтобы применяться к обстоятельствам с выгодой для себя". Порядочность англичанина определяется наличием денег. Характер англичан - сварливый, и в то же время они - народ молчаливый, у них нет "никаких принципов или идеалов", они поступают так, как им выгодно; у английской нации отсутствуют "высокие возвышенные интересы", и хотя англичане религиозны, но "глубина религиозных чувств" у русского человека "гораздо глубже", чем у британцев. Религия в Англии "стала какой-то ходячей монетой"⁷. Таким образом, на страницах журнала "Гражданин" рисуется образ в целом малопривлекательной нации, отличающейся практицизмом, грубостью, безнравственностью и беспринципностью, а отсюда следовал вывод, что искать в Англии пример для подражания не следует.

Вопросы государственного устройства Англии, законодательной деятельности либерального правительства У. Гладстона широко освещались историко-политическим, научным журналом "Вестник Европы" (издатель-редактор М. М. Стасюлевич). Журнал придерживался умеренно-буржуазной либеральной ориентации, выступал за осуществление системы реформ конституционно-монархического направления. В связи с этим Англия, представлявшая удачный пример сочетания монархии и парламентаризма, привлекала пристальное внимание русских буржуазных либералов.

В "Иностранных обозрениях" и в специальных статьях журнала довольно подробно анализировались конституционное устройство Англии и проводимые в ней парламентские реформы.

Русским либералам импонировала деятельность нижней палаты английского парламента — палаты общин. Журнал писал по этому поводу: "Лорды — форма, и всякое решение их только формальные условия. Общины — государь в Соединенном королевстве... Палата общин есть представительство правящих судьбами Англия классов"⁸. Суть политических процессов, происходивших в Англия на рубеже 60-70-х гг., "Вестник Европы" видел в расширении представительства в парламенте, в принципах самоуправления. Автор статьи о законодательной деятельности либералов Л.Полонский писал: "Постепенная уступка политических классов Англия всему ее народу, постепенное расширение этих классов, распространение политических привилегий на все большее и большее число людей в государстве, одним словом умножение класса полноправных, самоуправляющихся граждан... — вот характерная черта внутренних политических успехов или приобретений Великобритания"⁹. Он с одобрением говорил о том, что приобретенная эти прочны уже тем, что они "не состоят в какой-либо новой теории свободы, новой импровизации о правах и обязанностях граждан и государства". Л.Полонского в английских политических процессах привлекало то, что "расширяются грани" уже существующего самоуправления страны "для действия в нем новых, более многочисленных групп граждан" и одновременно отменяются "остатки исключительной привилегии и исключительного влияния"¹⁰. Таким образом, расширение парламентского представительства при сохранении монархической власти представлялось русским либералам наиболее значимым в государственно-политическом развитии Англия.

В целом "Вестник Европы" высоко оценивал законодательную деятельность либерального правительства У.Гладстона. По своей сути оно являлось не просто "новым изданием администрации Пальмерстона, Росселя и др.". "В сущности это случай, не имеющий прецедента, — писал автор "Иностранного обозрения", — радикальная партия в первый раз достигла власти, хотя и не абсолютной, но достаточно сильной,

чтобы давать перевес по своему усмотрению...¹² II. Журнал уделял внимание анализу законов, выдвинутых и принятых либеральным правительством и парламентом, в частности - реформе армии и закону о тайной баллотировке, и отзывался о них как о "чрезвычайно важных", как о "великой победе", одержанной либеральной партией¹².

Русских либералов интересовала сама фигура У. Гладстона. "Вестник Европы" писал: "Доверие страны к Гладстону и его громадный ораторский дар делали его почти всемогущим в палате общин, а затем всемогущим в министерстве". В отличие от Дизраэли, "красноречие" которого "блещет красками и остроумными эпитетами", но отличается отсутствием "искренности" и "великодушия", сила ораторского таланта Гладстона заключалась "в строгой логичности мысли, в ее трезвости, в добросовестности, с какой он обращался к противнику и в особенности - в том несомненном убеждении, которым запечатаны его слова"¹³.

Однако ни большой политический авторитет, ни ораторский дар не спасли Гладстона и либералов от поражения на парламентских выборах в начале 1874 г. "Вестник Европы" видел несколько довольно серьезных причин их поражения. Во-первых, выдвинутый радикалами, Гладстон "не смог спеться с этой группой", лишился ее "важной поддержки"; во-вторых, уже в конце 1873 г. журнал указывал на тот факт, что министерство либералов, "исполнив всю свою программу, больше ее не имеет", и на наличие в партии различных фракций, а так как Гладстон исчерпал свою программу, переродившие члены партии покидали его; в-третьих, особенность правления либералов, по мнению обозревателей журнала, заключалась в том, что "оно было не только правлением партии, но в весьма значительной степени правлением личным, правлением самого Гладстона, чем-то весьма похожим на диктатуру, вполне законную, конечно, но тем не менее диктатуру человека с авторитетом почти всемогущим". Но как только оказалось, что вождь, которому доверяли, может ошибаться, доверие к нему падает. "Ореол его беззаботности

рассеялся. Страна усомнилась в нем, и он сам в себе усомнился". Следующую причину поражения либералов журнал видел в том, что проводимые ими реформы дали повод для опасения, что они хотят нарушить "важные сословные привилегии". И наконец последней причиной отставки кабинета У.Гладстона "Вестник Европы" считал непопулярность его внешней политики среди англичан¹⁴.

В целом в оценках "Вестника Европы" У.Гладстон и английские либералы предстают поборниками "прогрессивного" развития страны, хотя им, по мнению авторов статей и политических обозрений, явно не хватало внутренней дисциплины, смелости в приобретении поддержки радикально настроенных кругов общества, последовательности в выдвижении и защите своих программ. Уступчивость либералов оппозиционным силам в вопросах школьной реформы, земельном законе для ирландцев, военной реформе сокращало число их сторонников. И самым важным, на взгляд журнала, было то, что парламентские выборы 1874 г. показали, что "большинство избирателей склонно пока отложить дальнейшие сколько-нибудь крупные реформы"¹⁵.

Русская демократическая печать также проявляла интерес к государственно-политическому устройству Англии, к законодательной политике либералов. В целом Англия, в оценке русских демократов, мало чем отличалась от восприятия ее русскими либералами, правда, при освещении тех или иных английских политических процессов журналисты и публицисты демократической ориентации акцентировали свое внимание больше на аграрном и ирландском вопросах.

Проблемы конституционного и социально-политического развития Англии нашли свое отражение на страницах "Отечественных записок" (с 1868 г. издатель - А.А.Краевский, редактор - Н.А.Шекрасов). Придерживаясь революционно-демократического направления, журнал знакомил своих читателей с историей политической борьбы в Англии, с проведением либеральных реформ, с той ролью, которую сыграл английский народ в их принятии. "Отечественные записки"

не идеализируют конституционное устройство Англии, напротив, по его мнению, "...конституционная система Англии далеко не составляет такой панацеи от политических и в особенности — социальных недугов, при которых взгляды более радикальные казались бы лишними"¹⁶. Характерной особенностью всего хода событий во внутривнутриполитической жизни Англии в XIX столетии журнал считал "несомненное возрастание радикального духа и стремление страны к полному преобразованию в либеральном смысле". Цель же совершающихся в Англии либеральных реформ, по мнению журнала, состояла "в полном освобождении личности от всех, сохранившихся до сих пор, средневековых традиционных стеснений"¹⁷. В статье "Характер политического движения в Англии за последние десятилетия и министры Гладстон и Брайт", помещенной в августовском и декабрьском номерах журнала за 1869 г., дается подробный анализ политической борьбы за парламентские реформы, участия в ней радикальных слоев английского общества, народных масс, характеризующихся как "грозная сила". В целом автор статьи пытался нарисовать картину постепенной трансформации английского общества в сторону либеральных преобразований, которые должны завершиться "признанием полной политической и гражданской правоспособности всего народа".

Большое внимание в статье уделялось ирландскому вопросу, который автор называл "больным местом в государственном организме Соединенного королевства". Причину неурядиц в Ирландии он видел в "ненормальном общественном устройстве", "ненормальном положении земледелия". Но что интересно, автор статьи, явно сочувствуя ирландскому народу его борьбе за национальное развитие, приветствуя церковные и аграрные реформы в Ирландии, все же считал, что для нее самостоятельное развитие, вне рамок Великобритании, неприемлемо. "Самостоятельное политическое существование Ирландии, при малом развитии жизненных и сильных элементов, при бедности ее населения, совершенно невозможно: в это едва ли кто серьезно верит"¹⁸. Не остается без

внимания автора и аграрный вопрос в самой Англии. Для его решения необходима "решительная поземельная реформа" и "энергичные люди". Но автор не обольщался на счет либералов. Он считал, что "настоящее министерство - самое либеральное из всех, когда-либо существовавших в Англии, едва ли возьмется за это дело"¹⁹.

В целом "Отечественные записки" положительно оценивали политические процессы в Англии, так как цель, к которой стремится английское общество - это "правительство всего народа, а не некоторых привилегированных его классов"²⁰. С этих же позиций оценивалась политическая деятельность У.Гладстона и радикала Дж.Брайта.

Журнал "Дело" (издатель и фактический редактор Г.Е. Благосветов), являвшийся одним из прогрессивных органов своего времени, программа которого сочетала в себе революционно-просветительские тенденции с народничеством, неоднозначно оценивал деятельность кабинета У.Гладстона. С одной стороны, журнал одобрительно отзывался о реформаторской политике либералов. "Полезные реформы, быстро следующие одна за другой, и строгая экономия в расходах характеризуют управление Гладстона, бесспорно одного из самых замечательных и талантливых государственных людей XIX столетия". Годы правления либералов, по мнению журнала, "принадлежат к числу лучших годов английской истории". В момент своего избрания, в 1868 г., Гладстон был "одним из главнейших руководителей народной... партии"²¹. С другой стороны, давая высокую оценку правлению либералов, "Дело" все же критически относится к мероприятиям правительства. Оно считало, что "наиболее знаменитой реформой" правительства Гладстона являлся закон об отделении церкви от государства в Ирландии. После его принятия Гладстон начинает проявлять "слабость, колебания и сомнения", поэтому последующие его реформы осуществляются "наполовину". Об аграрном законе для Ирландии журнал отзывался следующим образом: "Этот пресловутый билль оказался не более, не менее, как жалкой полумерой, не удовлетворяющей

никого...". Невысоко оценивает "Дело" и школьную реформу либералов, которая "страдает отсутствием всякой системы"²².

В центре внимания "Дела" — ирландский вопрос. Анализируя его, журнал рисует перед русским читателем картину крайне тяжелой экономической и социально-политической жизни ирландцев в середине XIX в. и реалистично оценивает происходящие в Ирландии процессы. Так, в статье, посвященной Ирландии, С.Шашков писал, что "всеобщее недовольство ирландского народа давно уже значительно изменило свой прежний характер религиозно-национальной борьбы католических кельтов с саксонцами протестантского вероисповедания. Ирландский вопрос уже перешел в социально-политический и религиозные отношения занимает в нем второстепенное место". Главным мотивом народных движений в Ирландии он считал "злополучный аграрный вопрос", а также требование уничтожения государственной церкви в этой стране²³.

Причины поражения либералов на парламентских выборах 1874 г. журнал видел, во-первых, в потере популярности среди английских избирателей самого Гладстона. "Гладстон, — писал журнал, — потерял уже прежнее обаяние и управление его стало заметно отличаться колебаниями и нерешительностью". Во-вторых, причина падения его кабинета заключалась в том, что либералы "успели надоесть Англии, наскучили ей", а, в-третьих, недалновидная политика Гладстона (его намерение отменить подоходный налог) оттолкнула от него часть членов "его собственной партии"²⁴.

В заключение можно отметить, что на страницах периодической печати перед русским читателем возникали подчас противоречивые картины английской политической жизни. Но это не мешало видеть в Англии, развивавшейся по пути либерального преобразования общества, своеобразный пример для по-реформенной России.

1 Гражданин. 1874. № 5. С.154.

2 Там же.

- 3 Там же. № 23. С.625-626.
- 4 Там же. № 5. С.155.
- 5 Там же.
- 6 Там же. № 29. С.752.
- 7 Там же. № 23, 26, 29, 33, 37.
- 8 Вестник Европы. 1871. № 9. С.459.
- 9 Там же. С.457.
- 10 Там же.
- 11 Там же. 1873. № 12. С.831.
- 12 Там же. 1871. № 9. С.459.
- 13 Там же. С.472; 1874. № 3. С.395.
- 14 Там же. 1873. № 11. С.382; № 12. С.831, 833; 1874. № 3. С.395-397.
- 15 Там же. 1875. № 2. С.820.
- 16 Отечественные записки. 1869. № 8. С.328.
- 17 Там же. С.330; № 12. С.340.
- 18 Там же. № 12. С.348.
- 19 Там же. С.350.
- 20 Там же. № 8. С.365.
- 21 Дело. 1874. № 3. С.121, 123.
- 22 Там же. 1873. № 11. С.295; 1874. № 3. С.129, 134.
- 23 Там же. 1873. № 11. С.290-291.
- 24 Там же. 1874. № 3. С.136-137.

ОБРАЗ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОССИЙСКИХ
ДИПЛОМАТОВ И ВОЕННЫХ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Российско-британские контакты на рубеже XIX-XX вв. были весьма оживленными. Они охватывали практически все сферы общественной жизни: политику, экономику и культуру. Многие россияне побывали в этот период на берегах туманного Альбиона, составив свое собственное представление об Англии. Крупнейшие периодические издания царской России регулярно публиковали разнообразные материалы о жизни в Великобритании. Достаточно, например, упомянуть серию очерков известного в то время журналиста Ю.Шкловского (писавшего под псевдонимом Дионео) в журнале "Русское богатство" за 1897-1899 гг., основанных на личных впечатлениях автора от пребывания на Британских островах¹.

Источники свидетельствуют, что интерес к реалиям английской действительности среди представителей российской общественности был очень велик, хотя серьезные различия в социальном строе, языке и культуре народов обеих стран препятствовали формированию объективного образа Великобритании в России.

Определенную негативную роль при этом играло общее обострение международной обстановки, связанное с усилением соперничества великих держав, включая Российскую и Британскую империи, напряженность в отношениях которых в конце XIX - начале XX в. достигла опасной черты.

Подтверждением такому суждению служит запись в дневнике военного министра царского правительства генерала А.Н.Куропаткина. Она датирована 12 (24) ноября 1898 г. и раскрывает содержание беседы главы военного ведомства с министром иностранных дел М.Н.Муравьевым: "Я советовался с графом Муравьевым, - записал Куропаткин, - что нам надо ожидать в виду непрекращающихся вооружений Англии. Муравьев ответил, что он уверен: ныне Англия до войны дела не доведет, но она получила со всех сторон столько щелчков

(Куропаткин подразумевает здесь промахи британской дипломатии на Ближнем и Дальнем Востоке, а также на юге Африки - Е.С.), мы имели так много успехов, что и по какому-нибудь неважному вопросу дело поставит ребром и пойдет на войну².

Цель настоящего очерка - реконструировать наиболее характерные аспекты восприятия Англии и англичан хорошо осведомленными российскими дипломатами и военными, которые внимательно анализировали действия находящегося с 1895 по 1906 г. у власти консервативного правительства Солсбери-Балфура.

Выбор темы обусловлен значением правильного, непредвзятого взгляда на другую страну для развития международных связей и контактов, культурного обмена государств, то есть всех тех факторов, которые создают "живую ткань" общения наций.

Ценные сведения по этому вопросу содержат дипломатические депеши и донесения военных агентов (атташе) из Лондона, аналитические записки, подготовленные экспертами внешнеполитического и военного министерств России, дневниковые записки, аналогичные приведенному выше отрывку, а также материалы периодической печати.

При изучении корпуса документов, раскрывающих проблему, прежде всего обращает на себя внимание одна особенность, постоянно подчеркиваемая российскими наблюдателями. Она касается противоречия между блестящим фасадом могущественной Британской империи, где "никогда не заходит солнце", и скрытыми за ним трудностями, конфликтами, коллизиями, которые грозили подорвать "Рак Britannica". Отсюда неоднозначное, двойственное восприятие английских реалий в России: с одной стороны, традиционное для всего XIX в. восхищение "успехами мастерской мира" с ее обширными колониями, великим флотом и накопленными за столетия богатствами, а с другой - констатация начавшегося процесса ослабления позиций Великобритании в мире, серьезных сдвигов в самом английском обществе, ведущих, по мнению российских представителей, к разрушению государственных устоев,

наконец, к столкновению интересов метрополии и доминионов в рамках империи³.

От российских дипломатов и военных агентов не могло укрыться то, что главный вопрос, волновавший правительство, парламент и общественность Соединенного Королевства, состоял в поиске путей и методов консолидации Британской империи⁴. Как образно высказался на страницах своей книги, посвященной ситуации в азиатско-тихоокеанском регионе, известный английский политический деятель Д. Керзон, перед страной стояла задача "сохранить на этапе конкуренции все приобретенное в период монополии"⁵.

Характерной в этой связи представляется точка зрения военного атташе в Великобритании полковника Н.С. Ермолова, изложенная им в донесении от 28 января (9 февраля) 1898 г.: "Должно заметить, что за последнее время под влиянием воинственной речи канцлера казначейства Хикс-Бича, под влиянием возбуждаемой прессы, ... общественное мнение Англии настроилось, так сказать, на высокий лад: все ожидали успехов, каких именно, никто в точности сказать не мог, но ожидали чего-нибудь приятного, льстящего для национального самолюбия ... И вот этого-то кабинет пока не дал общественному мнению: общее впечатление здесь в толках, разговорах, газетах, - одно: полнейшее разочарование"⁶.

"Смена веков" в идеологии и политике британского истеблишмента оказывало влияние на трансформацию образа Англии у россиян. Традиционное представление о ней как главным образом о торговой державе, для которой цель № I - продвижение на мировые рынки своих изделий, постепенно сменялось тревогой, связанной с появлением "имперского духа", великодержавных гегемонистских устремлений, внедряемых в массовое сознание через выступления популярных политических фигур, вроде Д. Чемберлена, "желтую прессу", пропагандистские брошюры и даже художественные произведения (вспомним сочинения Р. Кипплинга или А. Конан-Дойля)⁷.

В пользу того, что подобные опасения имели под собой реальную основу, говорит, например, следующий пассаж из

вполне respectable, близкой к правительству лорда Солсбери газеты "Таймс": "Никогда со времен Крымской войны англичане не были настолько расположены отстаивать свои права; если долг этого потребует, английский народ, как один человек, встанет на защиту прав Британии"⁸.

Кризис ценностей либерализма, вступивших в противоречие с формирующейся идеологией британского империализма, нашел отражение, по мнению российских представителей, в новом для социальной психологии Англии – джингоизме. Люди, которые выступали под флагом джингоизма, открыто критиковали правительство за нерешительность, уступки конкурентам Великобритании в различных регионах планеты. Агрессивный национализм, ксенофобия, культ насилия и милитаризма – все эти прежде не характерные для англичан явления общественной жизни, с точки зрения посла в Лондоне Е.Е. Стааля, грозили подорвать политический строй Соединенного Королевства и вместо консолидации империи привести в конечном итоге к ее крушению⁹.

Особенно заметный всплеск джингоизма произошел, как известно, в период англо-бурской войны 1899–1902 гг. "Наблюдатель, научившийся ценить даровитую, энергичную, свободолобивую, высоко ставящую принцип законности англосаксонскую расу, – отмечал в своих "Очерках современной Англии" Дионео, – с сердечной болью видит теперь, как эта безумная война вынесла на первое место наиболее грубые, дикие и ограниченные элементы, которые до того времени притались, стыдясь своей культурной "неумности"¹⁰.

Старая викторианская эпоха экономического господства Великобритании в мире уходила в прошлое; в британском обществе все явственнее ощущалось влияние нового духа империализма, провозвестниками которого выступали такие известные писатели, как А. Конан-Дойль и Р. Киплинг. Характерно в этом смысле отношение А.И. Куприна к произведениям последнего: "И как бы ни был читатель очарован этим волшебником, он видит из-за его строчек настоящего культурного сына жестокой, алчной, купеческой, современной Англии,

джингоиста, беспощадно травившего буров ради возвеличивания британского престижа во всех странах и морях, "над которыми никогда не заходит солнце", поэта, вдохновлявшего английских наемных солдат на грабеж..., кровопролитие и насилие своими патриотическими песнями. Кровь так и хлещет во всех произведениях Киплингa, но что значат несколько тысяч человеческих жизней, если ими покупается величие и мощь гордой Англии?"¹¹

В представлениях русских дипломатов и военных отрицательные черты образа Великобритании становились резче, заметнее, а положительные моменты уходили как бы на второй план под натиском национального эгоизма и милитаризма. Даже проявления патриотизма трактовались как ксенофобия и шовинистический угар.

Что же касается государственных деятелей Соединенного Королевства, то, быть может, за исключением Солсбери, все остальные политики не вызвали симпатий россиян. Ведь их никак нельзя было поставить на один уровень с прежними руководителями страны — Дизраэли или Гладстоном. "Новые лидеры британской политики, такие как Бэлфур или Чемберлен "не в состоянии подняться на высоту самоотверженного государственного служения независимо от каких бы то ни было "партийных", то есть в конце концов личных соображений, интересов и целей", — писал уже знакомый нам полковник Н.С.Ермолов. Анализируя дискуссии о путях выхода из сложного внешнеполитического положения, в котором оказалась Англия на рубеже XIX—XX вв., русский военный агент полагал, что терпела неудачу "та себялюбивая и алчная политика, каковую она до сих пор всегда преследовала и которая ныне довела ее чуть ли не на край военной гибели". И далее Ермолов пытался аргументировать свою точку зрения, отмечая, что "проваливалась политика национального эгоизма, преследующая только практические и материальные цели минуты, ... политика материального оппортунизма, не способная воплотить собою высшие стремления человеколюбия и великодушия, уважения к чувствам, стремлениям, обычаям, нуждам других народов"¹².

Другой заинтересованный наблюдатель, также уже известный нам Е.Е.Стааль, сообщал на берега Невы, что "дух империализма" проник в ведущие и авторитетнейшие экономические организации Великобритании. Примером служил меморандум Комитета, основанного еще в 1866 г. так называемого Кобденского клуба, куда входила большая часть известных английских экономистов. В этом документе излагались претензии правящих кругов Англии на сохранение за ней доминирующих позиций в торгово-экономической сфере на территории колоний и зависимых стран в новый период жесткой конкуренции и борьбы Лондона за сферы влияния с великими державами - Россией, Германией, Францией, США и Японией. Примечателен в этой связи вывод Е.Е.Стааля: "Доктрина Кобденского клуба совершенно новая и непризнанная международным правом, может все же, наподобие доктрины Монро, сделаться основанием политики страны и делает необходимой еще большую чем прежде осторожность в каких бы то ни было соглашениях с Англией..."¹³.

Таким образом, традиционные англофобские настроения, существовавшие в России со времен Крымской войны, получали дальнейшее развитие. Царские дипломаты и военные находили все новые и новые доказательства "коварства Альбиона", обвиняли Лондон в нечестной, двойной игре, в постоянном стремлении "загрести жар чужими руками", игнорируя интересы России. Гибкая, прагматическая тактика правительства Солсбери на международной арене в период трансформации стратегического курса Великобритании, отказа от "блестящей изоляции" и перехода к блоковой политике расценивалась в Петербурге как свидетельство стремления использовать улучшение англо-русских отношений для укрепления позиций Соединенного Королевства в ущерб Российской империи. "За последнее время Вы неоднократно сообщали о выражаемой Вам английскими государственными деятелями готовности Сент-Джеймского кабинета дружественно обсудить совместно с императорским правительством все политические вопросы, касающиеся интересов обеих держав с тем, чтобы

устранить на будущее время всяческие поводы к весьма прискорбным между ними недоразумениям, — инструктировал министр иностранных дел России В.Н.Ламздорф, сменивший на этом посту летом 1900 г. скончавшегося от сердечного приступа М.Н.Муравьева, вновь назначенного посла в Лондоне А.К.Бенкендорфа. — Великобританские министры, по Вашим словам, глубоко верят в возможность и плодотворность такого дружественного соглашения с Россией. Знаменательно, что подобные платонические заверения по времени совпадают с проявлениями со стороны Англии совершенно иного характера чувств по отношению к России. Особливо резко сказывается это в минуты каких-либо политических затруднений¹⁴.

Документы показывают, что в высших эшелонах царской бюрократии к началу XX в. было достаточно широко распространено убеждение о принципиальной возможности добиться смягчения англо-русских противоречий. "Многолетний опыт свидетельствует, что всякая уступка Англии, малейшая готовность оказать удовлетворение ее домогательствам, — подчеркивал в одной из телеграмм российскому послу в Лондоне В.Н.Ламздорф, — неминуемо вызывает в ней стремление предъявлять все большие и большие притязания. Она (Великобритания — Е.С.) делается податливой и скорее всего склоняется перед непоколебимой решимостью своего соперника. Лучший способ воздействовать на Англию в примирительном духе заключается именно в возможности поддерживать ее беспокойство в той области, где интересы англичан наиболее уязвимы"¹⁵.

Только осознание правящими кругами России необходимости урегулирования всего комплекса англо-русских противоречий в Азии после поражения в войне с Японией и событий революции 1905 г. положило начало изменению оценок и восприятия Великобританией российской общественностью, особенно той ее частью, которая выступала за конституционную реформу монархического режима. Определенную роль сыграл в этом процессе переосмысления образа Англии рост германской мощи в Европе, одинаково опасный для Петербурга

и Лондона. Как сообщал из британской столицы Ермолов, "в Англии никакого особенного русофобства или возбуждения против России ... незаметно, или очень мало, между тем как ненависть к Германии здесь принимает все более и более яркий характер национального чувства антипатии и вражды"¹⁶.

Подводя итоги рассмотрению проблемы формирования и эволюции образа Великобритании у российских дипломатов и военных, мнение которых оказывало заметное влияние на политику правительства Николая II, а также настроения широкой общественности, получавшей информацию из контролируемых официальным Петербургом периодических изданий, подчеркнем, что ими (дипломатами и военными атташе) были верно схвачены некоторые важные особенности английской действительности рубежа XIX–XX столетий, например, кризис ценностей викторианского либерализма, распространение идеологии империализма, проявление джингоизма, пропаганда политиками и некоторыми деятелями культуры мессианской роли англосаксонской расы в мире.

В то же время такие положительные черты английского народа как энергия, предприимчивость, свободолюбие, уважение к закону, о которых ранее писали А.И.Герцен, Т.Н.Грановский и другие видные россияне, теперь затушевывались или интерпретировались в качестве проявлений слабости, рыхлости государственного строя, раскола в обществе, неспособности правящей элиты осуществлять эффективное управление огромной империей.

Преобладание негативных оценок российских представителей на Британских островах о внутри- и внешнеполитическом положении Соединенного Королевства, без сомнения, отражалось на характере экономических, политических и культурных связей двух стран, перелом к лучшему в которых наступил уже на последующем историческом этапе – в период создания и укрепления Антанты (1907–1914 гг.).

- I Позднее, уже в 1903 г. в Санкт-Петербурге была опубликована книга Дионео "Очерки современной Англии", а еще через два года, в 1905 г., появилась новая работа талантливой журналистки о Великобритании под названием "Английские силуэты".
- 2 РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.1871. Л.31 об.
- 3 Там же. Д.397. Л.225-289. Всеподданнейшая записка Муравьева, 22 декабря 1898 г. (3 января 1899 г.).
- 4 Review of Reviews 1898. Vol.XVII. № 9^е P.595.
- 5 Curson G. Problems of the Far East. London, 1896. P.419.
- 6 РГВИА. Ф.431. Оп.1. Д.61. Л.54 об.
- 7 Там же. Ф.401. Оп.5. Д.7 (1895). Л.76-80. Донесение Ермолова, Лондон, 9(21) апреля 1895 г.; ГА РФ. Ф.568. Оп.1. Д.596. Л.1-2, Донесение временного поверенного Лессара, Лондон, 5(17) августа 1898 г.
- 8 Times. 9 марта 1898 г.
- 9 АВПРИ. Ф.133. Оп.470. Д.69 (1898). Л.85 об.-86. Донесение Стааля, Лондон, 26 марта (7 апреля) 1898 г.
- 10 Дионео. Очерки современной Англии. СПб., 1903. С.У1.
- 11 Цит. по: Керман Л.Е. История культуры стран Европы и Америки (1870-1917). М., 1987. С.204-205.
- 12 Англо-бурская война в донесениях русского военного агента // Красный архив. 1940. № 6 (103). С.141. Донесение Ермолова, Лондон, 23 января (4 февраля) 1900 г.
- 13 АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1498. Л.101-105. Донесение Стааля, Лондон, 3(15) февраля 1899 г.
- 14 РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.983. Л.10-11 об. Ламздорф-Бенкендорфу, Санкт-Петербург, 30 декабря 1903 г. (12 января 1904 г.).
- 15 АВПРИ. Ф.133. Оп.470. Д.69(1903). Л.558-559 об. Ламздорф-Бенкендорфу, Санкт-Петербург, 10(23) июля 1903 г.
- 16 РГВИА. Ф.400. Оп.4. Д.282. Л.65 об.-66. Донесение Ермолова, Лондон, 29 июня (12 июля) 1903 г.

СОЮЗНИКИ—ВРАГИ: РОССИЯ И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ ГЛАЗАМИ ДРУГ ДРУГА В 1907—1917 ГОДАХ

В XX в. Россия вступила со стойким убеждением, что ее основным соперником на международной арене является Великобритания. Эта точка зрения была широко распространена и в правительственных кругах, и в общественном мнении. Неприязнь была взаимной: в английском обществе в это время также считали, что если Великобритании суждено воевать в ближайшее время, то, вероятнее всего, с Россией.

Причиной взаимной враждебности было соперничество двух империй на огромной территории от Средиземного моря до Тихого океана. Сфера столкновения интересов России и Британии охватывала Средний Восток, Центральную Азию, Индию, Китай.

О парадоксальном повороте во внешней политике России и Британии, начало которому положили подготовка и заключение англо-русского соглашения 1907 г., написано немало. В данном очерке речь пойдет о формировании образа союзника в российском и британском обществе.

"Отцами" англо-русского сотрудничества в начале XX в. были министр иностранных дел Великобритании Эдуард Грей и его российский коллега Александр Петрович Извольский, а также преемник А. П. Извольского на посту министра иностранных дел России Сергей Дмитриевич Сазонов. Это они, каждый в своей стране, первыми начинали искать ключи к возможному взаимопониманию с традиционным соперником.

Э. Грей выдвигал заключение соглашения с Россией в качестве условия своего назначения на пост министра иностранных дел¹.

А. П. Извольскому понадобилось все его искусство царедворца, чтобы поставить вопрос о поисках точек соприкосновения с непримиримым врагом, который к тому же был еще и образцом конституционного режима — пугалом для самодержавной России².

Для достижения поставленной цели и Э.Грею, и А.П.Извольскому приходилось ломать стереотипы, господствовавшие в общественно-политическом сознании правящих кругов и определенных социальных групп своих стран. Они использовали различные методы, в том числе — обработку общественного мнения в Британии, и России. Но если в Англии работа с общественным мнением к началу века являлась уже обычным делом, то в России именно в период борьбы за заключение англо-русской конвенции в 1906—1907 гг. А.П.Извольский фактически впервые в истории страны стал широко использовать прессу для того, чтобы получить общественную поддержку своим идеям. Именно с него началась планомерная работа российского МИДа с прессой³.

Подписанная летом 1907 г. англо-русская конвенция о разграничении сфер влияния двух стран в Персии в свое время рассматривалась В.И.Лениным, как и любое международное событие начала XX в., сквозь призму формирования двух империалистических блоков, цели которых были одинаково враждебны интересам рабочего класса. В дальнейшем в нашей литературе утвердилась мысль об этом соглашении как о документе, заложившем фундамент в становление Тройственного соглашения.

Признавая, что заключение англо-русского соглашения означало кардинальные перемены для внешней политики двух стран, объективно имевшие далеко идущие последствия для расстановки сил на международной арене накануне и в ходе первой мировой войны, хотелось бы подчеркнуть, что это соглашение заключалось не для сотрудничества в Европе. Несмотря на серьезную обеспокоенность Великобритании германской угрозой, что накладывало отпечаток на всю внешнеполитическую деятельность Англии в начале нынешнего столетия, британская сторона не была готова привлечь Россию к решению европейских проблем. В свою очередь Россия в этот период стремилась максимально дистанцироваться как от Англии, так и от Германии. Потребовались годы, чтобы сближение двух стран распространилось на сферу европейской

политики и приобрело антигерманскую направленность. Подписанием же соглашения 1907 г. британская сторона пыталась решить свои азиатские проблемы, ограничив русское проникновение в эту часть мира. О преобладании этого направления в отношениях между Россией и Великобританией в тот момент прямо говорилось в письме Э.Грея военному атташе в Персии от 6 августа 1907 г.⁴

С заключением соглашения, которое должно было стать элементом взаимного контроля, в отношениях между Россией и Великобританией практически не произошло никаких изменений. До начала первой мировой войны стороны в глазах друг друга оставались соперниками. Именно поэтому у англо-русской конвенции было много критиков с обеих сторон. В российском обществе наиболее распространено было мнение, что это соглашение лишает Россию свободы действий на международной арене⁵. Сохранению пропасти, которая существовала между двумя обществами, способствовали и различия тех внутренних закономерностей, по которым развивалась политическая жизнь двух стран: Британия с ее развитыми парламентскими традициями и Россия, находившаяся в стадии реформирования, во внутриполитической жизни которой только зарождались элементы парламентаризма в борьбе с отжившими формами государственного управления.

Патриотический подъем, объединивший все социальные слои российского (за исключением большевиков) и британского общества, в 1914 г. сблизил население двух стран, повернул их лицом друг к другу. Факт борьбы по одну сторону баррикад ненадолго отодвинул на второй план те противоречия и различия, которые существовали между двумя странами. Совместная борьба с общим врагом способствовала сплочению больше, чем какая-либо "писанная формула", которая отмечала бы факт англо-русского сотрудничества в Европе⁶. Трансформация образа союзника из образа недавнего противника стала заметной частью общественно-политической и общественно-культурной жизни двух стран.

С началом войны активизировались связи английских и российских деловых кругов, которые начинали складываться еще на рубеже XIX—XX вв. и в начале XX в. в рамках международного разделения труда. Так как значение Германии как экономического и торгового партнера резко упало, деловые круги России, которые были связаны с Великобританией, усилили свою экономическую мощь и влияние на экономическую, политическую и культурную жизнь страны, возраставшее по мере углубления войны и превращения Англии в ведущую силу Тройственного союза — Антанты.

Английская сторона стремилась всемерно укрепить эти связи, сделать их необратимыми. Великобритания прикладывала максимум усилий для того, чтобы стать основным покупателем русского льна, леса, ведущим разработчиком российских сырьевых ресурсов, энергично готовилась реализовать полученные во время войны преимущества на российском рынке в послевоенный период².

Активное взаимодействие российских и английских деловых кругов, основанное на взаимозависимости и общей заинтересованности, намного опережало по сути и искренности формирование союза правительств двух стран, несмотря на все подписанные документы и официальный антураж вокруг Сердечного согласия. Это сотрудничество составляло социальную основу союзнических отношений между двумя странами. Степень понимания неразрывности судеб двух стран в текущей войне и после нее в общественном сознании России и Великобритании зависела от степени влияния и активности именно этой части общества. Особенно это было важно для России, которая несла основную тяжесть войны на европейском театре военных действий и без которой Англия считала невозможным успешное продолжение военных кампаний, а главное, успешное завершение войны⁸.

По мере того как Россия все больше погружалась в трясину войны, становившейся все менее популярной в российском обществе, те круги, которые олицетворяли собой русско-английское экономическое и политическое сотрудни-

чество, стремились оказывать все большее влияние на политическую и общественную жизнь России. Чем тяжелее становилось положение России, чем тяжелее была военная и экономическая ситуация, тем больше общественную, культурную и бытовую жизнь страны пронизывали идеи союзничества и общей борьбы до победы, которые всеми мерами поддерживали правительства обоих государств.

Своего пика распространение этих идей в российском обществе достигло в 1915-1916 гг., после того, как Англия признала притязания царского правительства на Константинополь и черноморские проливы.

В мае 1916 г. в Лондоне во время визита делегации Государственной Думы и Государственного Совета английской стороны было впервые публично объявлено, что "Англия признает наличие жизненных интересов России на берегах Босфора и не только не препятствует их осуществлению, но готова этому содействовать"⁹.

Летом 1916 г. посол Великобритании в России Дж. Бьюкенен был приглашен в Москву, где московская общественность провозгласила его почетным гражданином города, оказав ему честь, которой до него удостоился только один иностранец. Дж. Бьюкенену вручают икону XIV в. Св. Георгия Победоносца - покровителя и Москвы, и Англии. Информация о московской встрече изобиловала словами о глубинных истоках англо-русской дружбы, начало которой относили ко временам Ивана IV Грозного¹⁰.

Уровень представительства на общественно-культурных мероприятиях, посвященных союзническим отношениям, становится чрезвычайно высоким. Так, например, деятельность Общества англо-русского флага, которое было создано после начала войны и объединяло те силы, которые были заинтересованы в сотрудничестве между Россией и Англией, начинает приобретать все большую общественно-политическую значимость. На очередном заседании общества осенью 1916 г. присутствовали посол Великобритании в России Дж. Бьюкенен и председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, сам

факт собрания общества широко освещался в прессе¹¹.

Однако объективно война не только способствовала складыванию союзнических отношений, но и одновременно порождала кризис доверия между двумя странами, которое возникло и усиленно подогревалось в обществе с началом боевых действий. Это было связано с развитием революционного кризиса в России.

Неуклонно развивавшаяся русская революция ставила под сомнение возможность активного участия России в военных действиях. Англию могла бы устроить только такая революция в России, которая заставила бы Россию воевать. Все события в политической и экономической жизни российского общества рассматривались английской стороной под этих углом зрения.

Правительство, которое теряло контроль над ситуацией в стране, развал и хаос в экономике и политике, лишавшие Россию боеспособности, создавали образ ненадежности России и ее правительства, который постепенно становился доминирующим в английском обществе, особенно его правящих кругах. Справедливости ради надо заметить, что неспособность России воевать никогда не связывалась в английском общественном мнении с нежеланием выполнять союзнический долг.

Общественное мнение в России не могло оставаться равнодушным к тому, какое впечатление на союзников производит внутреннее положение в стране, "погибающей", по выражению одного из чиновников министерства финансов России, "от своего внутреннего настроения"¹². Но исправить положение можно было только эффективными действиями на фронте, для чего у страны не было ни сил, ни возможности.

Пришедшее к власти в результате февральской революции Временное правительство, активно демонстрировавшее свою проанглийскую направленность и стремление выполнять союзнические обязательства, не могло изменить ситуацию, и английская сторона прекрасно понимала, что для того, чтобы результативно провести военную кампанию 1917 г. одного желания Временного правительства мало. Дж.Букенен с сожалением констатировал, что оно "не было хозяином в собственном доме"¹³.

Отвращение всех слоев российского общества к войне было настолько сильным, а экономическое положение страны настолько слабым, что это ставило под сомнение способность России играть даже пассивную роль в дальнейших военных операциях. Однако инерция мышления, обусловленная продолжавшимися боевыми действиями, заставляла Англию пытаться препятствовать выходу России из войны, чтобы ее обширные ресурсы не были использованы Германией¹⁴.

Необходимость прекращения войны для России понимали как все политические силы российского общества, так и союзники, в первую очередь Англия. Однако ни у кого из них не было политических и психологических сил и средств, которые позволили бы решить эту проблему вовремя. Никто из них не обладал тем максимализмом, который был присущ большевикам и который позволял им опередить всех в решении этого вопроса.

Приход к власти в России большевиков и объявленная ими программа заключения демократического мира была воспринята общественным мнением Англии как декларация, представляющая чисто теоретический интерес. Английское общество в основном справедливо полагало, что война не может закончиться только оттого, что будет провозглашен ее конец. Обсуждая выдвинутую советом рабочих и солдатских депутатов России программу мира, английская пресса тех дней была полна рассуждений о том, что главной задачей России по-прежнему должно остаться стремление обеспечить безопасность своего государства, предполагающее успешное завершение войны, а безопасность Британии, как и раньше, напрямую связывалась с безопасностью России. "Боже, спаси Россию!" — рефреном звучало со страниц газет тех дней¹⁵.

Общественная мысль Великобритании не сразу осознала, что к власти в России пришли силы, которые воспринимали 25 октября, по образному выражению поэта, как "первый день". Отныне Англии приходилось иметь дело с кардинально новой реальностью, в которой слова об отречении от старого мира понимались буквально и с наибольшей полнотой.

Это общество, в свою очередь, формировало свои представления об окружающем мире.

Английскому правительству и английскому обществу в целом понадобилось время, чтобы понять, что нигилизм новой российской власти распространяется и на них как на составную часть того мира, который рассматривался как отживший и подлежащий уничтожению.

И недавние молитвы сменились проклятиями. Англии пришлось признать, что заканчивать войну и формировать послевоенное устройство мира она будет без России.

-
- 1 См. письмо Э.Грея личному секретарю короля Британии от марта 1906 г., а также прямое предупреждение Э.Грея о том, что его первыми шагами на посту министра иностранных дел будут поиски соглашения с Россией, процитированные: Wilson H. *British Power in the European Balance 1904-1914 // Retreat from Power. Vol. I. 1906-1939. L., 1911. P. 34.*
 - 2 Подробнее о личных усилиях А.П.Извольского в деле заключения соглашения с Англией в 1906-1907 годах см.: Емец В.А., А.П.Извольский и перестройка внешней политики России // *Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 340-355.*
 - 3 А.П.Извольский изучал сведения о главнейших органах печати, данные о руководящем составе этих органов; он преобразовал газетную экспедицию МИД в бюро печати и увеличил число его сотрудников, ввел в практику МИД инструктажи редакторов иностранных отделов ведущих газет, инспирировал газетные выступления. См.: Емец В.А. Указ. соч. С. 347-348.
 - 4 Письмо опубликовано: Wilson H. *Op.cit.* P. 36.
 - 5 Бьюкенен Дж. *Моя миссия в России. Воспоминания дипломата. Берлин, 1924. Т. I. С. 36.*
 - 6 Это слова Николая II, употребленные им при обсуждении с Дж.Бьюкененом необходимости англо-русского сотрудничества в Европе в свете подготовки войны с Германией. См.: Дж.Бьюкенен. Указ. соч. С. 137.
 - 7 Подробнее см.: Игнатъев А.В. *Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966. С. 79-84.*
 - 8 Ллойд Джордж. *Военные мемуары. М., 1935. Т. 3. С. 348.*
 - 9 Цит. по: Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 93.

- 10 Бьёкенен Дж. Указ. соч. Т.2. С.11.
11 См., например: Речь. 1916. 29 окт: С.4.
12 Цит. по: Московские новости. 1991. 24 февр. С.15.
13 Бьёкенен Дж. Указ. соч. Т.2. С.77.
14 Там же. С.140.
15 См.: Leeds Mercury. 1917. 23 October; Primitive Methodist Leader. 1917. 25 October; etc.

А. Ю. Саран

ВЗАИМОВОСПРИЯТИЕ КУЛЬТУР В ИНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ:
РУССКИЕ И АНГЛИЧАНЕ В КИТАЕ

Культура — одна из качественных характеристик этноса. Важной составной частью любой культуры является способ восприятия чужого этноса и его культуры. В условиях периодических локальных контактов этносов за длительное время вырабатываются стереотипы восприятия, при этом появляется слой профессиональных толкователей иной культуры. Достаточно часто по разным причинам (негативный характер контактов, удаленность и т.п.) этот процесс ведет к неполной адекватности восприятия (так называемые "национальные предрассудки"), которая закрепляется традициями и препятствует полноценному межнациональному общению.

Но существуют условия, при которых процесс взаимовосприятия протекает за короткий срок и подвергается постоянной корректировке практикой общения, что создает более благоприятные условия для адекватного восприятия. Такие условия складываются при встрече представителей двух культур в среде третьей культуры.

Русские и англичане на протяжении последних трех столетий имели такие контакты на территории Китая. Попытаемся рассмотреть процесс культурного взаимовосприятия в условиях последнего столетия, поскольку именно о событиях этого периода сохранилось большое количество источников — официальных документов, воспоминаний, материалов прессы.

Уровень взаимовосприятия часто обуславливается профессиональной средой, поэтому рассмотрим взаимоотношения представителей именно профессиональных групп — дипломатов, чиновников, военных, миссионеров, купцов. Вместе с тем после 1920 г. в Китае оказалось множество эмигрантов из России, профессионально никак не устроенных. Необходимо рассмотреть и их опыт восприятия, который накапливался в процессе межнационального общения в инокультурной среде.

Дипломаты

Дипломатические представительства Российской империи и Великобритании в китайской столице находились по соседству — заборки посольств разделяла лишь небольшая стена. Это обстоятельство создавало условия для чисто бытового сближения граждан двух стран. И когда посольский квартал оказался в осаде во время восстания ихэтуаней 1899—1901 гг., русские и англичане организовали его совместную оборону. Одним из очевидцев и деятельных участников этих событий стал российский востоковед Д. М. Позднеев, который издал свои воспоминания о пережитом¹.

В менее драматичных условиях отношения дипломатов определялись межгосударственными отношениями, а у России с Великобританией они были традиционно холодны. Российский дипломат Ю. Я. Соловьев, работавший в Пекине с 1895 г., свидетельствует, что сотрудники русского посольства поддерживали чрезвычайно слабые контакты не только с посольством Великобритании, но и с одним из культурных центров всей иностранной колонии — Пекинским клубом². Клуб общения российских дипломатов зачастую ограничивался представителями союзных держав — Франции, Бельгии и Нидерландов.

Англичане в свою очередь при каждом удобном случае подчеркивали свое прохладное отношение к русским. Они, в частности, в 1897 г. подвергли дипломатическому бойкоту миссию князя Э. Э. Ухтомского³. А после коронации Николая II английский посол К. Макдональд передал российскому послу А. П. Кассину не поздравления, которые тот ожидал принять, а соболезнование по поводу Ходынской катастрофы, что, по мнению последнего, оскорбляло достоинство России⁴.

Вместе с тем сравнительная малочисленность колонии европейцев в Китае делала контакты неизбежными. Одним из видов неформальных контактов были спортивные состязания. И русские, и англичане принимали активное участие в проводившихся скачках, а обеды в клубе, сопровождавшие соревнования, приводили к установлению неформальных отношений.

Чисто человеческие связи далеко не всегда зависели от государственных, например, жена английского посланника леди О'Коннор поддерживала близкие отношения со многими членами русской миссии⁵.

Проблемы контакта культур тесно связаны с вопросами языка. В конце XIX в. официальным дипломатическим языком становился английский, который приходил на смену французскому. Представляет интерес своеобразная борьба, которую вел российский посол А. П. Кассиня против использования английского в качестве языка межнационального общения в Китае. Хорошо зная английский, он тем не менее при всяком удобном случае подчеркнуто требовал перевода слов собеседника на французский⁶.

Вместе с тем молодое поколение дипломатов конца XIX в., к которому принадлежал и Ю. Я. Соловьев, старалось освоить английский язык, признавая за этим элементом британской культуры несомненный авторитет в Китае. Широко использовались ими научная литература и пресса на английском языке.

Революция 1917 г. в России вызвала у российских дипломатов естественное чувство растерянности, а у английских — стремление воспользоваться благоприятной ситуацией. В частности, английский консул потребовал в 1920 г. передачи прав собственности на КВЖД международному консорциуму⁷. А когда атаман Г. Семенов угнал из России в Китай эшелон с хлопком, английский консул в Харбине потребовал передать 50—60 тыс. пудов хлопка для нужд Великобритании⁸.

Когда первые советские дипломаты появились в Китае, англичане всячески подчеркивали свою враждебность к ним, демонстративно поддерживая, например, царских дипломатов. А британский консул в Кашгаре предпринимал серьезные усилия для нейтрализации влияния на губернатора провинции советского генерального консульства, открывшегося в 1925 г. Консул Джиллан организовал даже поставки оружия и боеприпасов из соседней Индии для Ян Пэсиня, но губернатор, принимая оружие, продолжал поддерживать теплые отношения с советским генеральным консулом, извлекая из вражды дипломатов большие выгоды для себя⁹.

В Пекине между советскими и английскими дипломатами также царил враждебность. Английский посол М. Лэмпсон был одним из главных инициаторов налета полиции на здание советского посольства в апреле 1927 г. В свою очередь усилия советских граждан в Китае были в то время направлены на разжигание ненависти китайского населения к "иностранным империалистам" в целом и к английским - в особенности.

Подобные усилия сторон часто увенчивались успехом. Симпатизировавший советским дипломатам губернатор Синьцзяна был убит, в Кашгаре было арестовано несколько советских граждан. Одновременно по всему Китаю прокатились волны антибританских погромов, и англичане понесли не только материальные, но и людские потери. В условиях, когда в расколотом гражданской войной Китае англичане и россияне заняли позиции по разные стороны фронта, не было и речи о каких-либо неформальных контактах дипломатов. Это создавало благоприятные условия для появления стереотипов типа "британский империализм" и "коммунистическая опасность", которые становились обязательным элементом восприятия противоположной стороны.

Чиновники

В административном аппарате Китайской империи конца XIX - начала XX в. служили иностранцы, которые контролировали доходы государства, выплачивавшего иностранным державам огромные суммы контрибуций. Одним из главных источников поступления средств были таможенные сборы. Управление Китайских морских таможен возглавлял англичанин Р. Харт, значительная часть административных должностей также была занята англичанами. Вместе с ними работали и русские чиновники. Выпускник факультета восточных языков Петербургского университета В. Ю. Грот был одним из 43 таможенных комиссаров¹⁰. До этого В. Ю. Грот занимал должность китайского секретаря (то есть - переводчика) морских таможен. А выпускник другого российского востоковедного центра - владивостокского Восточного института - Коновалов стал

личным секретарем генерального инспектора Р.Харта¹¹. В Пекинском управлении морских таможен служил еще один российский гражданин – Таннер¹². Тесные связи русских и английских чиновников продолжались и в свободное время. В.Д.Грот был избран секретарем скакового клуба, что говорило об уважении и доверии к нему англичан, составлявших основу клуба¹³.

Впрочем, знания и опыт россиян, давно живших в Китае, в общении с британскими подданными далеко не всегда становились достоянием даже ответственных визитеров из России. Так, глава специальной дипломатической миссии князь Э.Э.Ухтомский, директор Русско-Китайского банка, даже не был осведомлен о том, что пост Генерального инспектора Китайских морских таможен занимает англичанин. Князь по прибытии в Китай в 1895 г. распорядился послать ему совершенно неподобающий подарок – несколько отрезков материи, что выглядело для европейца просто оскорблением, и только стараниями местных русских дипломатов, заменивших подарки, скандал был предотвращен¹⁴.

Военные

Интересным аспектом проблемы является взаимовосприятие военной культуры России и Британии в Китае. Контакты военных происходили и в течение XIX в., но подробнее остановимся на событиях начала XX в.

Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Англия являлась союзником Японии, однако в качестве официальных военных наблюдателей британские офицеры присутствовали в русской армии, находящейся в Маньчжурии. Российский офицер А.А.Игнатъев, отвечавший за их обеспечение, вспоминал о взаимоуважительных отношениях, которые сложились у него с англичанами – полковником Уотерсом и майором Хьюмом¹⁵.

В послереволюционный период о подобной терпимости речи уже не было. Хотя ни Великобритания, ни Советская Россия не вели самостоятельных полномасштабных военных действий в Китае, в период гражданской войны 1925–1927 гг.

они активно выступали как союзники противоборствующих политических сил.

Английские военные советники готовили в 1920-е гг. армию У Пейфу¹⁶, поставляли оружие войскам маршала Чжан Цаолина¹⁷. Кроме того, англичане должны были защищать от постоянных покушений свои многочисленные владения в Китае — более 30 селтльментов, 6 концессий, 2 арендованные территории, не считая колонии Гонконг. А военные советники из СССР, пользуясь своим опытом участия в российской гражданской войне, создавали армии для их противников — Сунь Ятсена и Фэн Юйсяна, готовили для них командиров, снабжали оружием, а случалось, что и руководили войсками в боях¹⁸.

Происходила и передача революционного опыта. Созданная при участии Коминтерна Коммунистическая партия Китая стала основным каналом его восприятия. Этот опыт передавался не только в виде теории — через учебу тысяч китайских коммунистов в СССР, но и на практике, путем планирования и подготовки конкретных революционных выступлений, в частности, восстание 1927 г. в Кантоне (Гуанчжоу) осуществлялось с участием представителей Коминтерна¹⁹.

Англичане, в свою очередь, кроме военного опыта, передаваемого китайским союзникам, использовали и обогащали опыт антиповстанческой борьбы, наработанный не только в Китае прежних лет, но и в Индии, Южной Африке.

Таким образом в Китае 1920-х гг. противостояли друг другу английская и советская военно-политические культуры, используемые в основном в рамках применения революционного опыта Советской России и контрреволюционного опыта Великобритании.

Чем же закончилось это противостояние? Революционные выступления были подавлены, а большая часть китайских коммунистов уничтожена, советники из СССР высланы с территории Китая. Но, с другой стороны, подготовленная и вооруженная советскими специалистами армия Чан Кайши победила всех своих соперников и подчинила себе Китай.

Китайские союзники англичан потерпели поражение, однако их противник Чан Кайши в 1927 г. стал партнером США и Великобритании. Великобритания была вынуждена через год отказаться от прежних неравноправных договоров с Китаем, однако смогла сохранить значительные экономические позиции и колонию Гонконг.

Таким образом столкновение политических культур Советской России и Великобритании, составными частями которых явились военные культуры, революционный и контрреволюционный опыт, привело к их взаимообогащению, но национальные интересы сторон в результате этого противостояния пострадали.

Миссионеры

Особый интерес представляет взаимовосприятие носителей религиозной культуры — русских и английских миссионеров в Китае. Миссионеры создали целые организации в этой стране. Русская православная миссия в Пекине действовала с 1715 по 1864 г., причем в ее составе находились не только иеромонахи, иеродиаконы и причетники, но и врачи, художники, студенты. В задачу миссии входило помимо религиозного проповедничества распространение русской культуры. Для достижения этой цели члены миссии преподавали русский язык, сами изучали китайский и маньчжурский языки, описывали различные стороны жизни китайцев.

В своей работе русские миссионеры использовали опыт исследователей из других стран. Так, иеродиакон 12-й миссии Гурий Карпов в своей работе о китайском буддизме обнаруживает хорошее знакомство с английской буддологической литературой. Он также рекомендует своим читателям ряд английских изданий для последующего использования²⁰. А отец Палладий (П.И.Кафаров) вел переписку с английскими учеными С.В.Бушеллом и Т.Ф.Вадом по различным вопросам синологии.

Русские миссионеры стремились и к личным контактам

с англичанами. Отец Иакинф (Н.Я.Бичурин) с несколькими членами миссии в 1816 г. специально выезжал из Пекина, чтобы встретиться с английским послом лордом У.Амхерстом²¹. Позднее отец Иакинф перевел с английского языка и издал в России тексты документов этого посольства²². А.В.Морачевич написал специальную работу "Записка об европейских миссиях в Китае", часть которой была посвящена английским миссионерам (опубликована работа была уже после смерти автора)²³. Англичане составляли значительную часть протестантских миссионеров, число которых к началу XX в. превысило 5.000²⁴. Правда, после мощных антианглийских выступлений китайцев в 1924-1927 гг. несколько тысяч английских миссионеров было эвакуировано и численный перевес в восьмьютысячной протестантской миссионерской общине перешел к американцам²⁵.

Межконфессиональные связи осуществлялись и через Британское библейское общество. Студент восьмой православной миссии С.В.Липовцев по заданию этого общества в 1830-е гг. выполнял перевод части Библии на маньчжурский язык и издал его в Петербурге²⁶. В 1880-е гг. с этим обществом сотрудничал востоковед А.М.Позднеев, который редактировал издания Британского библейского общества на китайском, монгольском и маньчжурском языках²⁷. Уже в советское время издания общества изучал брат Алексея Матвеевича - Д.М.Позднеев во время своей командировки в Китай в 1926 г.²⁸

Таким образом русские представители православного христианства и британские протестанты в Китае интересовались положением дел и успехами друг друга, а в ряде случаев (изучение Китая, распространение религиозной литературы) сотрудничали. Это позволяет сделать вывод о позитивном взаимовосприятии миссионеров, доброжелательном, а иногда и продуктивном, взаимообогащающем характере контактов носителей религиозной культуры из России и Англии на территории Китая.

Купцы

Русские и английские бизнесмены несколько столетий осваивали Китай, и к началу ХХ в. они обосновались во многих китайских городах. В частности, даже в небольшом Инкоу было несколько русских и английских фирм²⁹. Деятельность фирм финансово обеспечивали Русско-Китайский банк и английские Гонконг-Шанхайский, Привилегированный банк Индии, Австралии и Китая, Торговый банк Индии. В отдельных районах установился определенный баланс русских и британских интересов в экономической сфере. Например, в Сянцзине, который граничил с Россией и британской Индией, русские торговцы занимались поставками товаров широкого потребления, в то время как англичане ввозили предметы роскоши³⁰.

Представляет интерес характер взаимоотношений русских купцов с англичанами. Типичен для российского менталитета эпизод 1895 г., описанный Ю.Я. Соловьевым. В англо-американском клубе Шанхая завсегдатаями были русские купцы, при одном из них в качестве собутельника и слушателя состоял англичанин, в задачу которого входило выслушивание мнения купца об англичанах, причем "в выражениях он не стеснялся, поносил всяческим образом английскую нацию, ее королеву и т.д."³¹. При этом автор воспоминаний отмечал, что "попадая в Среднем и Южном Китае в среду иностранцев, главным образом англичан, они (купцы) очень легко ассимилировались с этой новой, не столько китайской, сколько международной средой"³². Он привел несколько примеров: однажды он помог попасть на юг Китая "двум молодым людям, одетым в полушубки и смазные сапоги; из-под полушубков у них виднелись выпущенные кумачевые рубашки". Одного из них дипломат встретил через год в Шанхайском клубе и сразу его не узнал, "настолько он был похож на англичанина"³³.

После 1917 г. конкуренция российской и английской торговли в Китае обострилась из-за политических противоречий. В экономической борьбе использовались очень разнообразные средства. В 1925 г. полиция Шанхая аресто-

вала представителя советского Нефтеиндиката, старого большевика А.А.Доссера, который на английском пароходе решил поехать из Шанхая в Кантон. Основанием послужили документы о ведении революционной работы в Китае, обнаруженные при нем. А.А.Доссер предстал перед смешанным судом международного септлмента, но после ноты советского полномочного представителя Л.М.Карахана он был лишь выслан из Шанхая в Пекин, что ослабило экономические позиции СССР на юге Китая³⁴.

Поскольку русское купечество в Китае перестало пользоваться дипломатической защитой русского государства, англичане решили расширять свои позиции. К концу 1920-х гг. огромная русская фирма "Чурин и К" перешла под контроль английского Гонконг-Шанхайского банка, который выпустил на 5 млн. акций фирмы и поднял над многочисленными магазинами компании, которые были расположены по всему Китаю, британские флаги³⁵.

Взаимовосприятие русских и британских купцов определялось не только национальными особенностями культур, но и интернациональными законами рынка. В условиях постоянной практической деятельности быстро разрушались имеющиеся национальные стереотипы восприятия другой нации. Русские купцы усваивали элементы британской культуры — язык, одежду, некоторые бытовые привычки. В свою очередь они приносили в международную предпринимательскую среду Китая ряд черт российского менталитета — размахистость в делах и досуге, контролируруемую открытость и т.д. После победы сторонников социализма в России ускорился процесс поглощения русского купечества британским.

Эмигранты

Особенно сложные условия сложились в Китае для русских, которые с 1920 г. лишились гражданства, имея паспорта окончательно исчезнувшей царской России. Наиболее состоятельные из них отдыхали под охраной английских боевых кораблей на морских курортах Циндао, Чифу или Тянь-

цзиня. А бедняки послали своих дочерей торговать собой к английским морякам, вызывая презрение европейской диаспоры³⁶. Ухудшал положение русских эмигрантов и демонстративный отказ от них Советской России. В частности, когда в 1925 г. забастовали китайские служащие одной из английских паросудовых компаний, хозяева стали заменять забастовщиков бедствующими русскими эмигрантами. Советские профсоюзы в ответ оказали финансовую поддержку китайцам, еще раз указав на классовые, а не на национальные приоритеты советской внешней политики³⁷.

Часть русских эмигрантов решила связать свою жизнь с Британской империей. Они добивались выезда в Канаду, Австралию, а генерал-лейтенант Семиреченского казачьего войска Ионов сумел выехать в британскую Новую Зеландию³⁸. Только из Харбина в 1925—1926 гг. в Канаду выехали 625 русских³⁹. Устроившись в заокеанских владениях Британии, русские не теряли связей с общиной в Китае. Их старались использовать в качестве базы для дальнейшей эмиграции в новую страну пребывания. Председатель шанхайского Казачьего союза И. Н. Шендриков вел активную переписку по этому поводу с Д. Окуличем, который выехал из Китая и обосновался в Канаде⁴⁰. В Шанхае было организовано Бюро по переселению русских в Канаду. А в Харбине было создано общество по переправке хороших русских семей в Канаду. Причем оно рассматривалось эмигрантами как промежуточный пункт перед возвращением в Россию⁴¹.

Однако канадские власти не горели желанием распахнуть двери перед всеми желающими. Британской Канаде нужны были дееспособные граждане, способные самостоятельно создать земледельческое хозяйство. Поэтому в 1925 г. для русских была выделена квота в 400 семей, которые могли приобрести землю в Канаде и располагали начальным капиталом в 400—700 \$⁴². Однако к концу года канадские власти согласились принять еще 3.500 русских беженцев из Китая и Германии⁴³. Финансовые ограничения для въезжающих не позволили полностью выбрать эту квоту русским из Китая.

Оставшиеся устраивались по-разному. Для координации деятельности в Шанхае, где к 1926 г. осталось 4.000 русских, был создан Эмигрантский русский комитет под председательством И.К.Кеслера⁴⁴. Для тех же целей существовал и Казачий союз. Британский скаковой клуб оказал ему финансовую поддержку, передав в апреле 1926 г. 500 \$ что, конечно же, не решило проблем 245 членов Казачьего союза, но стало знаком моральной поддержки англичан русским эмигрантам⁴⁵. Знаменательно, что союз организовал для своих членов курсы английского языка, что должно было помочь адаптации эмигрантов в иностранной колонии Китая⁴⁶.

Еще одной организацией стал Комитет защиты прав и интересов русских в Шанхае. Его председателем летом 1925 г. был Н.А.Иванов, а к осени того же года – В.Ф.Буссе. Комитет содействовал трудоустройству эмигрантов, в частности, помог сорвать забастовку китайских моряков английской паровой компании "Чайна навигейшн" осенью 1925 г.⁴⁷. В благодарность за это руководство английской фирмы передало Комитету 5.000 \$ для помощи безработным⁴⁸. Правда, эта акция вызвала возмущение китайцев, и китайская Ассоциация помощи национальной промышленности потребовала от городских властей выслать русских штрейкбрехеров из Шанхая⁴⁹, но английские предприниматели активно поддерживали Комитет, в который в период антианглийской забастовки направлялись запросы от британских предприятий на рабочую силу. Организованное при Комитете бюро труда только в июне 1925 г. трудоустроило 970 русских эмигрантов⁵⁰.

Бедственное положение русских эмигрантов вынуждало их ехать для временных заработков в качестве штрейкбрехеров через весь Китай из маньчжурского Харбина в южный Шанхай⁵¹. Не для всех такие походы заканчивались счастливо. В 1925 г. на шанхайской электростанции током убило 4 временных русских рабочих, остальные разбежались⁵². После прекращения антианглийского бойкота и забастовки русские эмигранты вновь оказались не у дел.

Для самозащиты в период междоусобных войн в Китае

британская колония создавала отряды добровольцев. В некоторых отрядах были и наемные части, основной костяк которых составляли русские. В Тяньцзине летом 1925 г. английский муниципалитет попросил генерал-майора Оренбургского казачьего войска Карнаухова помочь в охране английской концессии, и он направил 70 казаков для несения охраны⁵³. В Шанхае в 1925 г. в состав британского отряда волонтеров входили 2 полка русских эмигрантов под командованием генерала Золотарева и полковника Сахарова. Они квартировали в собственных казармах и проводили регулярные смотры на беговом поле ипподрома, причем службу они проходили под российским бело-сине-красным флагом⁵⁴. К 1927 г. в волонтерском корпусе служили 300 русских эмигрантов⁵⁵ под командованием капитана I ранга Н.Ю.Фомина и с инспектором генералом Ф.Л.Глебовым⁵⁶. У отряда было не только свое оружие, форма, кони, но и транспортный корабль "Охотск"⁵⁷.

В Кантоне русские солдаты из частей Каппеля 23 июня 1925 г. спасли британскую концессию во время ее штурма китайцами⁵⁸. А международная колония города, в которой главную роль играли англичане, в июле 1925 г. доверила пост главы полиции русскому генералу Тирбаху⁵⁹.

Русские эмигранты в Китае жили колонией, сохраняя язык, обычаи и другие элементы русской культуры. Взаимодействовать с англичанами – в роли работников, эмигрантов в Британскую империю или наемников – они также предпочитали коллективно. Это условие способствовало длительному сохранению национальных стереотипов восприятия других наций, которые размывались в процессе межнационального общения. А условия жизни русских эмигрантов в Китае подталкивали их ко взаимодействию именно с англичанами, что благоприятно сказывалось на выработке адекватного взаимовосприятия.

Авантюристы

В Китае часто можно было наблюдать англо-русский симбиоз в разных сферах. В 1920-е гг. в полиции международного квартала Шанхая, которая находилась в полном веде-

нии англичан, русский эмигрант Пик (капитан Кедровляванский, Кожевников) работал в качестве переводчика и полицейского агента. При его содействии руководство муниципальной полиции открыло игорный дом. Пик воспользовался этим для шантажа своего английского начальника — полицейского инспектора Робинсона, вымогая 50 тыс. долларов. Но силы оказались слишком неравны, и Пик в конце концов сам был осужден за растрату 12 тыс. долларов⁶⁰.

По воспоминаниям военных советников СССР в Китае, Пик специализировался на работе с советскими гражданами. Он умело входил в доверие совслужащих, свободно посещал советское генеральное консульство в Шанхае, узнавая много секретных сведений. Более того, Пик сумел поступить на работу в аппарат группы главного советского советника в Китае М.М.Бородина и был вхож в штаб группы военных советников⁶¹.

В Пике сочетались профессиональные качества полицейского агента с задатками авантюриста и использовались они для подрыва позиций СССР в Китае. Результатами своей работы он делился не только со своим непосредственным начальством, но и предавал широкой огласке. В частности, он опубликовал серию разоблачительных статей о прокоммунистическом международном Тихоокеанском конгрессе профсоюзов 1927 г. в Ханькоу, на котором Пик присутствовал под видом журналиста из СССР⁶². Сумел он войти и в группу просоветски настроенных белоэмигрантов, которая вместе с финансовыми советниками из СССР эвакуировалась весной 1927 г. из Китая. Эпизоды этой эвакуации также были описаны Пиком в шанхайской прессе⁶³. Расправа с Пиком была суровой — его утопили в водах реки Вампу недалеко от военной школы Гоминьдана, в которой преподавали советники из Советского Союза. Так британская полиция шанхайского селтльмента лишилась своего русского сотрудника.

Часть русских эмигрантов организовывала бандитские шайки. Одна из них сыграла политическую роль в событиях 1925—1927 гг. в Китае. Русские эмигранты ограбили и убили несколько англичан в Нанкине у складов компании "Стандарт

ойл" в 1926 г. Английская и американская стороны обвинили в этом жителей Нанкина, и несколько боевых кораблей Великобритании и США подвергли город страшному артиллерийскому обстрелу, который вызвал бурю негодования как в Китае, так и во всем мире⁶⁴.

Кроме профессиональных авантюристов, в русской общине было много людей, привыкших за годы непрерывных войн проливать свою и чужую кровь. На их похождения в Китае английская администрация Шанхайского селтльмента смотрела снисходительно. Например, на паску 1926 г. казак Бурнатов порубил своей пашкой II китайцев, двое из которых вскоре умерли. Смешанный суд, находившийся в ведении англичан, осудил казака в июле на полтора года тюремного заключения⁶⁵. Ситуация для русских правонарушителей изменялась, когда британский генеральный консул в Шанхае С.Бартон в конце августа 1926 г. подписал соглашение о передаче смешанного суда китайским городским властям⁶⁶.

Рассмотренные примеры контактов и соответственно взаимовосприятия носителей российской и британской культур в Китае показывают, что инокультурное окружение ускоряет процесс восприятия чужой культуры, переводит контакты из пассивной формы восприятия в активную, то есть сотрудничество. В свою очередь, характер этого сотрудничества определяет и знак восприятия. В случае продуктивного сотрудничества он позитивен, и чужая культура воспринимается адекватнее, в другом случае формируется негативный образ, требующий появления соответствующих ему стереотипов, которые должны показать полную противоположность иной культуры. А это порождает искаженное восприятие.

1. Позднеев Н.М. 56 дней нанкинского сидения в связи с ближайшими к нему событиями пеккинской жизни. Рассказ очевидца. СПб., 1901.
2. Соловьев Ю.А. Воспоминания дипломата. М., 1959. С.60.
3. Там же. С.97.
4. Там же. С.68.
5. Там же. С.53.

- 6 См.: Там же. С.70-71.
- 7 Вперед (Харбин). 1920. 7 октября.
- 8 Там же. 27 октября.
- 9 Niman L.-E. *Great Britain and Chinese, Russian and Japan interests in Sinkiang, 1918-1934.* Malme, 1977.
- 10 Feuerwerker A. *The Foreign establishment in China in the early twentieth century.* Ann Arbor, 1976. P.69.
Позднеев А.М. Монголия и монголы. СПб., 1896. С.ХХІХ.
- 11 Архив РАН. Ф.208. Оп.3. Д.731. Л.3.
- 12 Соловьев Д.Я. Указ. соч. С.66.
- 13 Там же. С.63.
- 14 Там же.
- 15 Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1951. Т.1. С.218.
- 16 Manscall M. *China at the center.* N.Y.-L., 1984. P.229.
- 17 ГА РФ. Ф.4459. Оп.2. Д.89. Л.42.
- 18 См.: Шанхайская зоря. 1926. 20 июля; Вишнякова-Акимова В.В. Два года в восставшем Китае. М., 1982.
- 19 Ответ т.Троцкого китайским оппозиционерам // Бюллетень оппозиция. 1930. № 9. С.30.
- 20 Карпов Г. Обеты буддистов и обряд возложения их у китайцев // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1853. Т.2. С.212.
- 21 Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С.93.
- 22 Северный архив. 1825. № 14. С.134-151; 1829. № 4. С.196-218; № 7. С.3-39.
- 23 Китайский благовестник. 1911. Вып.8. С.18-24.
- 24 Hayward V. *Christians and China.* Belfast, 1974. P.17.
- 25 Ibid. P.24.
- 26 Скачков П.Е. Указ. соч. С.93.
- 27 Биографический словарь профессоров и преподавателей Санктпетербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869-1894. СПб., 1898. Т.2. М - Я. С.113.
- 28 Позднеев Д.М. Китайская литература революции // Язык и литература. М., б.г. Т.11. Вып.2. С.15.
- 29 Козьмин Г. Дальний Восток. СПб., 1904. С.256.
- 30 См.: Niman L.-E. *Op.cit.*
- 31 Соловьев Д.Я. Указ. соч. С.50.
- 32 Там же. С.102.
- 33 Там же. С.103.

- 34 Вишнякова-Акимова В.В. Указ. соч. С.30.
- 35 Веспя А. Тайный агент Японии. М., 1939. С.90.
- 36 Стефан Дж. Русские фашисты. М., 1992. С.57-58.
- 37 Воронежская коммуна. 1925. 21 июня; 1 июля.
- 38 ГА РФ. Ф.5963. Оп.1. Д.15. Л.13, 44.
- 39 Balawyder A. Russian Refugees from Constantinopol and Harbin, Manchuria enter Canada (1923-1926) // Canadian Slavonic Papers. Vol.XIV. 1972. № 1. Spring. P.27.
- 40 ГА РФ. Ф.5963. Оп.1. Д.25. Л.87, 90 об.
- 41 Там же. Д.91. Л.5, 9.
- 42 Там же. Л.32-34.
- 43 Там же. Л.118.
- 44 Благодатов А.В. Записки о китайской революции 1925-1927 гг. М., 1979. С.239.
- 45 ГА РФ. Ф.5963. Оп.1. Д.15. Л.79.
- 46 Там же. Л.80.
- 47 Там же. Л.63.
- 48 Шанхайская зоря. 1925. 24 ноября.
- 49 ГА РФ. Ф.391. Оп.1. Д.82. Л.191.
- 50 Там же. Ф.5963. Оп.1. Д.15. Л.40, 42.
- 51 Там же. Л.30.
- 52 ГА РФ. Ф.391. Оп.1. Д.82. Л.67.
- 53 Там же. Оп.2. Д.82. Л.185, 189.
- 54 Благодатов А.В. Указ. соч. С.239.
- 55 ГА РФ. Ф.5829. Оп.1. Д.11. Л.139.
- 56 Возрождение (Париж). 1927. 16 февраля.
- 57 ГА РФ. Ф.5963. Оп.1. Д.24. Л.48.
- 58 Там же. Ф.391. Оп.2. Д.82. Л.80.
- 59 Там же.
- 60 Вяткин Р.В. Англо-китайские отношения в период от Вашингтонской конференции до захвата японцами Маньчжурии. 1922-1931. М., 1948. С.258.
- 61 Вишнякова-Акимова В.В. Указ. соч. С.262.
- 62 Сладковский М.И. Знакомство с Китаем и китайцами. М., 1984. С.99.
- 63 Благодатов А.В. Указ. соч. С.233.
- 64 ГА РФ. Ф.4459. Оп.2. Д.755. Л.742.
- 65 Новая шанхайская жизнь. 1926. 29 июля.
- 66 Там же. 26 августа.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АНГЛИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Совместная борьба советского и английского народов против фашизма в годы Второй мировой войны способствовала активному развитию их общественных и культурных связей и тем самым углублению взаимопонимания и дружбы между ними. Однако эта борьба и продиктованный ею военно-политический альянс не привели ни к радикальному изменению тоталитарного сталинского режима, сохранившего в сфере международных отношений приверженность духовной автаркии и идеологической нетерпимости, ни к восприятию сущности этого режима как правящими кругами Великобритании, так и основной частью британской общественности. Это существенно ограничивало масштабы и возможности развития советско-британских духовных контактов, тем самым осложняя процесс познания советской культуры в Англии.

Корни взаимного недоверия и враждебности между двумя странами уходят в предвоенные десятилетия. Политизация и идеологизация общественной и духовной жизни в СССР достигли в 30-е гг. огромных масштабов, означавших, по существу, их превращение в некую ритуальную часть сталинской политики. Советская наука и культура, переставая служить своей высшей цели — идеалам гуманизма, истины и свободы, оказались послушным орудием бесчеловечной системы. Ее деформирующее влияние сказалось на характере гуманитарного сотрудничества с Западом, в том числе с Англией. Английская интеллигенция не могла испытывать симпатии к режиму, поправшему сами основы справедливости и подлинной культуры. Советский посол в Лондоне И. М. Майский, рассказывая о своих встречах с Г. Уэллсом, вспоминает, сколь тягостное впечатление произвели на выдающегося английского писателя и на всю британскую интеллигенцию трагические события в Советском Союзе в 1937–1938 гг., причем "... больше всего были потрясены те ее представители, которые

относились с симпатией к СССР¹. Об этом же свидетельствует и английский писатель Дж. Олдридж: "Перегибы коллективизации, судебные процессы 30-х годов, германо-советский пакт — эти спорные моменты отпугнули многих английских интеллигентов"². Впрочем, позиция британской интеллигенции в отношении советского строя не была единодушной. Таких английских писателей и мыслителей, как Б. Шоу, Д. Б. Пристли, в чьих произведениях давались апологетические оценки сталинской модели "социализма", можно сегодня с полным основанием рассматривать как "пропагандистов советского эксперимента на Западе", а их позицию, как пусть невольное, до конца не осознанное, но все же пособничество сталинизму³.

Тем не менее, вопреки пропагандистским усилиям просоветски настроенных мыслителей Запада, информация об истинном лице "сталинской демократии" становилась достоянием британской общественности. Поэтому, как свидетельствовали сотрудники всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) Ю. Левинсон и Г. Кнабе, которых никак не упрекнешь ни в антисоветизме, ни в неосведомленности, "даже во время наибольшей популярности и признания советской культуры она захватывала только высшие слои интеллигенции. Нужно было быть... крупнейшим мыслителем типа Хьюлетта Джонсона, чтобы дать развернутую и благожелательную характеристику советского строя"⁴. Многочисленные факты и документы свидетельствуют о решительном неприятии накануне и в начальный период Второй мировой войны подавляющей частью британской общественности сталинского тоталитарного режима и служившей его пропагандистским орудием официальной советской культуры.

Нападение гитлеровцев на Советский Союз, положив начало формированию военно-политического альянса между Москвой и Лондоном, создало предпосылки для налаживания и развития двусторонних гуманитарных контактов. Осознание британской общественностью того факта, что отныне период борьбы в одиночку для Англии закончился и в лице СССР она обретает могущественного союзника, отодвигало на второй план

идеологические предубеждения, создавая базу для развертывания общеанглийской кампании солидарности с нашей страной. Иллюстрацией указанных сдвигов в общественном сознании англичан может служить опубликованное "Дейли Телеграф энд Морнинг Пост" письмо молодого консерватора с призывом к соотечественникам "отказаться... от своего враждебного отношения к Советскому Союзу и протянуть русскому народу братскую руку помощи"⁵. А член комитета "Наука в помощь войне" проф. А.Б.Хилл писал в приветствии советским ученым: "Какие бы глупости раньше ни были произнесены, они должны быть забыты, потому что теперь мы вместе боремся против тирании, за свободу"⁶.

Период формирования антигитлеровской коалиции прошел под знаком своего рода "Тркумфального шествия" советской культуры в Великобритании. "Все "русское" сейчас чрезвычайно в моде, - русские книги, советские фильмы, книги об СССР и т.д.", - сообщал в октябре 1941 г. из Лондона И.М.Майский⁷. Об этом же говорилось и в опубликованной "Британским союзником" статье "Советская литература в Британии": "Война коренным образом изменила отношение к советским писателям. С первых дней вероломного нападения гитлеровцев на СССР возник огромный интерес к Советскому Союзу, а следовательно, и к советской литературе"⁸. Как отмечает современный исследователь, "к чести английских издательств (Хатчинсон, Макмиллан, Фабер) надо сказать, что в период 40-х годов они сумели отобрать и издать из современной советской литературы все наиболее ценное во всех жанрах"⁹. Значительный интерес и оживленную полемику в британской прессе вызвали произведения И.Эренбурга "Падение Парижа", В.Гроссмана "Народ бессмертен", А.Игнатьева "50 лет в остров", Е.Тарле "Нашествие Наполеона в Россию". Засияла новым светом и русская классика: английское издание "Войны и мира" Л.Толстого вместе с книгой академика Е.Тарле Майский характеризовал как тяжелую артиллерию в борьбе с неверием англичан в непобедимость Советского Союза. Широкой известностью пользовалось творчество В.Маяковского.

Однако не меньшее место среди издаваемой в Англии советской литературы занимали книги политико-агитационного содержания, и прежде всего "Краткий курс истории ВКП(б)" и "Вехи жизни Сталина", в распространении которых ВОКС проявил завидную оперативность. В письме директора ТАСС К.А. Уманского в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) указывалось в данной связи, что вопреки запросам читательской аудитории и издателей в Англии, "...руководство ВОКСа занялось подготовкой буклетов, агитирующих сплошь да рядом неумело, "в лоб", и издавать которые ни одно солидное буржуазное издательство не огласится"¹⁰. А между тем литературное приложение "Таймс" за 1942 г. выражало сожаление, что в то время, как надежды и восхищения англичан обращаются к России, существует так мало книг об этой стране и о ее народе. "Мы насыщены, - писала газета, - томами о советской политике, коммунизме, 5-летних планах и т.д., но мы нуждаемся в более обстоятельных рассказах и комментариях о русских людях, их стране, привычках, обычаях и их истории больше, чем в возбужденных и пристрастных политических писаниях"¹¹.

Крайне тенденциозный подход чиновников НКВД и ВОКСа к отбору пьес для британской сцены привел к тому, что вопреки живейшему интересу театральной общественности Англии к советской драматургии, английский театр, по мнению ВОКСа, был "и по своей своеобразной социальной конструкции, и по своей политической отсталости (!) пока еще на 3/4 для нас закрыт...", поскольку "...основная масса больших театров советского материала определенно болтается"¹².

Заслуженной популярностью пользовались у английского зрителя советские хроникальные киноленты военных лет. Однако именно в области кинематографии раньше, чем в других областях культуры, стала проявляться тенденция к демилитаризации общественного сознания, стремление многих деятелей кино Великобритании вернуться к проблемам и идеалам, не имевшим отношения к грозным событиям войны, что вызывало неизменное раздражение у советских чиновников

от пропаганды. Это оказало определенное влияние на характер и содержание советско-британских культурных связей в целом на завершающем этапе войны. Полемика в британской прессе по поводу советских фильмов "Битва за Советскую Украину" - в Англии шел под названием "Украина в огне" (1943 г.) и "Зоя" (1945 г.) особенно наглядно продемонстрировала как стремление английских зрителей и деятелей кино сохранить и развивать связи с кинематографистами СССР, так и их твердое намерение противостоять активизировавшимся к концу войны попыткам советского руководства использовать кино в качестве канала пропагандистской экспансии на Запад.

Эта же тенденция характеризовала и отношение британской общественности к советским тематическим фотовыставкам в Англии, пользовавшимся как источником информации о жизни в СССР неизменным успехом, но, как правило, отмеченным печатью политической тенденциозности.

Однако ареной наиболее острого идеологического противостояния между сталинским режимом и западными демократиями, в том числе Великобританией, на протяжении всей войны являлась сфера обмена информацией. Уже с первых дней гитлеровской агрессии против СССР британская пресса играла большую роль в усилении интереса английской общественности к нашей стране, популяризации ее духовных ценностей. Многие английские газеты и журналы охотно предоставляли свои страницы советским ученым и деятелям культуры, публиковали материалы, присылаемые Совинформбюро и ВОКСом. По мере укрепления позиций СССР в антигитлеровской коалиции масштабы советского пропагандистского выступления в Англии неуклонно росли: если в 1941 г. Совинформбюро отправляло в британские газеты 119 статей, то в 1942 - уже 2209, а в 1943 - 8812¹³. В большинстве своем эти материалы вызвали благожелательный отклик, но со временем стали подвергаться все более решительной критике за многословие и откровенно пропагандистский характер, хотя именно четкая политическая направленность была главным тре-

бованием, предъявляемым руководством Совинформбюро и ВОКСа к материалам, рождавшимся в стенах их учреждения¹⁴.

Задачам советской политической пропаганды в Великобритании служили и издававшиеся посольством СССР в Лондоне ежедневный бюллетень "Совет Уор Ньюс" и еженедельник "Совет Уор Уикли". Об их популярности у британского читателя свидетельствует хотя бы тот факт, что только за первые два года существования "Совет Уор Ньюс" английская пресса напечатала 5300 его материалов¹⁵. Однако эта статистика отнюдь не означала единодушно положительного отношения британской общественности к советскому изданию. Уже "...в первый год существования бюллетеня он встречал в некоторых английских кругах...известные опасения и кое-кем именовался даже "завуалированной большевистской пропагандой"¹⁶. А в 1943 г. помощник министра информации Великобритании Грабб заявил, что "это издание читают в основном коммунисты и сочувствующие им, и оно не имеет особо большого влияния"¹⁷.

Летом 1943 г. в сфере взаимного обмена информацией произошел "перелом": конфликт с Британской Радиовещательной корпорацией (Би-Би-Си), отказавшейся от ряда пропагандистских материалов Совинформбюро, показал, что политически тенденциозный характер советской культурной пропаганды на Западе начинал встречать все более активное сопротивление со стороны британских средств массовой информации, стремившихся к объективному освещению событий в СССР. И тем не менее, конъюнктура советско-британских межсоюзнических отношений фактически до конца войны побуждала официальный Лондон, а следовательно, и английскую прессу к сдержанности и осторожности в вопросах контрпропаганды, к компромиссу, предполагавшему возможность поступить определенной долей объективности во имя сохранения единства антигитлеровской коалиции. Примером может служить освещение в британских средствах массовой информации "Катынского дела".

Указанная тенденция проявилась и в деятельности английского Общества культурной связи с СССР (ОКС), в част-

ности, при проведении Недель англо-советской дружбы. Искреннее желание их участников продемонстрировать свое восхищение героизмом советских людей и готовность содействовать распространению информации о нашей стране довольно часто приводили к некритическому использованию предоставляемого им соответствующими советскими органами (главным образом ВОКСом) пропагандистского материала, к тенденциозной интерпретации многих явлений советской действительности, субъективным оценкам и выводам. Это давало английской интеллигенции основание рассматривать ОКС как чересчур левую организацию, находящуюся под усиленным влиянием советского пропагандистского аппарата. Как свидетельствовал член правления ОКСа У. Робертс, многие представители интеллигенции отошли от этой организации "не потому, что настроены антисоветски, а потому, что считают, что ОКС занимает коммунистические позиции..."¹⁸. Тем не менее, говоря о причинах указанной тенденции, следует, наряду с конъюнктурными политическими соображениями, учитывать и искреннее неведение многих англичан, явившееся результатом "закрытости", на которую сталинизм обрек в 30-е гг. советское общество.

Открытие западными союзниками второго фронта в 1944 г., казалось, придало советско-британскому культурному сотрудничеству новый импульс. Английская интеллигенция все настойчивее стала поднимать вопрос о послевоенных перспективах гуманитарных контрактов с СССР. Многочисленные выступления британских ученых и деятелей культуры в поддержку таких контактов¹⁹, Меморандум Дж. Нидхэма о создании Международной службы научного сотрудничества Объединенных Наций²⁰, наконец, образование при Форин Оффис комиссии по изучению России, в сферу деятельности которой входило содействие исследованиям английскими специалистами материальной и духовной культуры нашей страны, организация обмена студентами, профессорско-преподавательскими и научными кадрами²¹ - эти и другие факты свидетельствовали о глубокой заинтересованности и готовности британских деятелей

науки и культуры к сохранению и развитию связей с советской интеллигенцией после окончания войны. Однако ни одна из указанных инициатив не нашла поддержки у советской стороны.

Многочисленные документы этого периода наглядно демонстрируют отход сталинского руководства от принципов равноправного сотрудничества с британским союзником в духовной сфере и вступление его на путь открытой "войны идей" с ним. Стремление сталинского режима превратить международные гуманитарные связи в орудие своей идеологической экспансии на Запад, встречая естественное противодействие британских властей и демократической общественности, делало их послевоенные перспективы малообнадеживающими. Годы "холодной войны" стали логическим завершением этой тенденции.

-
- 1 Майский И.М. Б.Шоу и другие: Воспоминания. М., 1967. С.82.
 - 2 Олдридж Дж. Англичане и Советский Союз // Иностранная литература. 1987. № II. С.164.
 - 3 Иностранная литература. 1989. № 8. С.215.
 - 4 ГАРФ. Ф.5283. Оп.15. Д.13. Л.1.
 - 5 Правда. 1941. 4 июля.
 - 6 ГАРФ. Ф.5283. Оп.19. Д.9. Л.4.
 - 7 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т.1. С.160.
 - 8 Британский союзник. 1945. 18 февраля.
 - 9 Жмаев А.М. Советская литература в Англии, 1917-1945: Пути культурного сближения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1968. С.16.
 - 10 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.157. Л.28.
 - 11 ГАРФ. Ф.5283. Оп.15. Д.38. Л.16.
 - 12 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.157. Л.53-54.
 - 13 ГАРФ. Ф.8581. Оп.1. Д.97. Л.21.
 - 14 См., например: Там же. Д.10. Л.20.

- 15 Там же. Д.97. Л.5.
- 16 Там же. Д.103. Л.11.
- 17 РИХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.157. Л.120.
- 18 АВНРФ. Ф.069. Оп.29. Д.83. Папка 98. Л.21-22.
- 19 ГАРФ. Ф.5283. Оп.15. Д.248. Л.8; Вестник АН СССР. 1945. № 7-8. С.42; Там же. 1945. № 4. С.153.
- 20 АВНРФ. Ф.69. Оп.36. Д.30. Папка 118. Л.100-176.
- 21 Там же. Л.177-179, 190; Ф.069. Оп.28. Д.94. Папка 93. Л.23-24, 76-77.

ФЕНОМЕН РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА В БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Феномен русского менталитета стал предметом особенно пристального внимания в последние, переломные годы — в период самораспада и ломки прежней идеологической системы, задававшей в свою очередь систему ценностей, идейных ориентиров и категорий мышления, но существовавшей, однако, одновременно со стихийным саморазвитием национальной жизни, в том числе и жизни мыслей и чувств. Впрочем, как известно из опыта французской школы "Анналов", представители которой, Марк Блок и Люсьен Февр, ввели в историческую науку XX в. само понятие *mentalité*¹ и рассматривали историческое развитие как последовательную смену ментальностей (менталитетов), идеологии и менталитет есть ипостаси разные, хотя и взаимозависимые. Изучение последнего предполагает рассмотрение органически присущих народу установок сознания, образа мышления и чувствования — того самого обыденного уровня мировосприятия, который очень трудно поддается какому-либо упорядочиванию и рациональному анализу, но, между тем, составляет решающую силу исторического процесса.

На страницах нашей периодики порой появляется полу-осознанное признание причины неудач нынешних реформ и исторических преобразований — корень ее видят в отсутствии практики, а значит и основных навыков, приемов и методов ментального самопознания и самоанализа, которые составляют неотъемлемую часть жизни в цивилизованных странах. Нельзя сказать, однако, что подобная практика напроочь исключена из российской научной жизни. В дореволюционной России, а затем в среде эмиграции проводились исследования таких основных ментальных составляющих, как "русская идея" (Н. Бердяев, В. Соловьев и др.), "характер русского народа" (Н. Лосский), "душа России" (Н. Бердяев)² и т. п. Традиция, оборванная в России революцией и начавшая возрождение лишь

в период посткоммунистический. Между тем западноевропейская исследовательская мысль, наряду с русской эмиграционной, до некоторой степени компенсировала возникший в советской России вакуум, сделав важный шаг в сфере приложения западных методов к русской специфике и, главное, показав возможность этого приложения, несмотря на крайнее сопротивление материала. Хотя, с другой стороны, русско-западноевропейские ментальные сращения отнюдь не являются неожиданностью.

Общезвестны две взаимоисключающие тенденции в ментальном развитии России: первая – "приращение" западноевропейских понятий и категорий мышления к русской "почве" (к примеру, в эпоху Петра I или послеоктябрьский период), которые составляют как бы верхний пласт по отношению к органическому, стихийно развивающемуся национальному менталитету; и вторая – сопротивление иррационального, стихийно развивающегося русского менталитета всякой рационализации и аналитичности. Собственно, из сосуществования этих разнонаправленных тенденций и появляется известная реакция отторжения "устаревшего", "чуждого" понятийного слоя, сопровождающаяся в России, как правило, сменой политического строя с присущей ему идеологией и/или ориентаций верховной власти (например, эпоха Петра, период большевистской революции и, наконец, реформистский период конца 1980–начала 1990 гг.). В нынешней критической ситуации ментального самоотторжения и самоотрицания не счесть противоречий. Одно из них заключается в существовании самих носителей отрицаемого понятийного ряда, усилиями своей жизни его формировавших и ныне отнюдь не репрессированных и не экспропрированных, а продолжающих жить – внешне – вместе со всеми, своей обычной жизнью, но... как бы входую. Тот же холостой ход, как показывает отнюдь не радужная практика, наблюдается и в деятельности "изменивших самим себе" реформаторов. Идущие еще недавно "на ура" заимствования западного толка оказались на поверку опять же чем-то внешним – в лучшем случае, красивым жестом,

за эффективность которого пришлось платить, и изрядно. Нынешнее же брожение умов можно охарактеризовать как поиск удобоваримой модели развития.

Итак, о модели развития и одновременно о ближайших и насущных задачах. Уже выбор темы настоящего очерка говорит о намерении автора включиться в этот поиск. Обращение к опыту британского восприятия обусловлено основными задачами не только исследования, но и современного момента, который требует, на наш взгляд (и это, увы, многократно доказано практикой), не правого или левого выбора, не разбивки на лагеря или борьбы идеологий, но достаточно опробованной уже в России модели "скрещения" западного и русского опыта — или, если брать проблему уже, "приращения" уже имеющихся форм и методов в западном освоении русских форм жизнедеятельности, в т.ч. и ментальных. Интересующий же нас в данном случае вопрос имеет более практический (при сохранении теоретико-методологического аспекта) характер и следующую формулировку: каковы наиболее продуктивные пути изучения русского менталитета? Или, конкретнее, основная задача состоит в определении — на основе британского восприятия — основных возможных направлений исследования, учитывая главную цель: ментальное самопознание через опыт инопрочтения и иновосприятия. Максимально сужая, за неимением иных возможностей, после своего исследования, обратимся к опыту, главным образом, лишь одного британского ученого, труды которого весьма типичны для западных туристов по методу освоения и подачи материала: типичная обзорность и информативно-просветительский характер сочетаются с остроумным исследовательским стилем.

В российской печати имя оксфордского ученого, профессора Рональда Хингли, появляется нечасто. И совершенно напрасно, особенно в сложившейся поисковой ментальной ситуации. Действительно, незаслуженно малоизвестный в России, заполненной (или полоненной?) сонмами версификаторов от интеллекта, опыт британского прочтения российского

опыта может быть не только интересен, но и продуктивен. Кроме того, своеобразие творчества Хингли заключается, в первую очередь, в достаточно непривычном для российских специалистов сочетании литературоведческого и исторического аспектов: история литературы XIX и XX вв. представлена им в социальном аспекте, равно как история России с древних времен до наших дней — в тесной взаимосвязи с литературной жизнью и литературными героями. Одно практически неотделимо от другого, и самостоятельные литературные типы сосуществуют с реальными историческими лицами.

Кому из российских исследователей придет на ум встречающееся у Хингли, скажем, сравнение Никиты Сергеевича Хрущева с Федором Павловичем Карамазовым из романа Достоевского, да еще обобщение обоих персонажей — исторического и литературного — в тип злобного шута или клоуна (русский скорее бы сказал — протдствующего), равно способного и на доброжелательность, и на враждебность, поражающего легкостью перехода из одной ипостаси в другую, прямо противоположную, и в российской действительности существующего на уровне скверного, сугубо реального анекдота? Да и нужны ли такого рода обобщения и сравнения, довольно резкие, обличительные и для русского ума, может быть, даже оскорбительные?

Тем не менее, речь сейчас не о том. В Хингли нас привлекает то, что он один из немногих русистов посвятил исследованию русского менталитета специальную монографию. Однако здесь позволим себе небольшое отступление, чуть позже вернувшись к основному предмету нашего разбора.

Как показывает отечественная журнально-газетная практика последнего времени, в России проблеме русского менталитета в ее различных ипостасях уделяется много внимания, но характер исследований довольно-таки подражателен и стихлен (пример тому — одно из наиболее значительных явлений в этом плане, выделяющееся по составу участников и широкому спектру затронутых проблем: круглый год в журнале "Вопросы философии", 1994, № I). Современный момент

в российском изучении можно охарактеризовать как "на подступах к вершине" – все имеющиеся изыскания его предварительны. В основном они являются в лучшем случае интересным продолжением плодотворной традиции исследования России и русского менталитета, созданной некогда Н.Лосским, Н.Бердяевым, В.Соловьевым, В.Розановым и другими отечественными мыслителями начала века. Появившиеся в последние годы работы современных исследователей, укладывающиеся в русло данной традиции³, показывают как реальность такого продолжения силами современных ученых, так и сложности на этом пути. На мой взгляд – хотя на эту тему можно спорить – о недостаточном уровне современных исследований в России свидетельствует, к примеру, рецензия Р.Эйзлвуда в одном из славяноведческих журналов Великобритании "Возвращение "русской идеи" в публикациях 1988–91 гг."⁴. Казалось бы, название взывает к всеохватности появившихся на эту тему публикаций – как прежних лет, так и современных: речь идет не о возвращении текстов, а о возвращении темы. Однако автор сосредоточивает внимание лишь на первом, классическом моменте – обзоре таких изданий, как "Из истории отечественной философской мысли" и т.п. – и оставляет втуне существование второго.

Очевидно, одна из главных причин неприятия (или невосприятия) имеющихся в России изысканий состоит в известной "запрограммированности" российского понятийно-аналитического строя мышления, в отвлеченности суждений и их "независимости" от конкретно-практической жизни – отсюда возможность самых произвольных построений. Попытки преодолеть эти "каноны", как правило, подобны бумерангу. Так происходит, к примеру, в статье Б.Гройса "Россия как подсознание Запада", автор которой, в стремлении "освежить" исследования феномена России и русской идеи использованием психоаналитической лексики по западной модели, как само собой разумеющееся, называет "зазеркалье" России "пространством мистико-эротического экстаза, затянутаго сексуального акта"⁵. Одним из выходов из

создавшегося "отвлеченного" положения, на мой взгляд, может быть исследование и решение проблем русского менталитета на конкретном историко-литературном материале, через рассмотрение как личностей писателей, участников историко-литературного процесса, так и их героев и персонажей в качестве определенных культурно-исторических типов, отражающих ментальные ориентации той или иной эпохи и общенациональное "лица необщье выраженье".

По этому пути - к общему через частное - развивается исследовательская мысль Хингли, автора книги "Русский ум"⁶, представляющей своего рода подведение итогов в сфере западноевропейского восприятия России и русского менталитета в XVI-XX вв. У читателя, однако, сразу может возникнуть вопрос: имеет ли смысл в 1990-х гг. браться за анализ книги конца 70-х? Очевидно, имеет, если принять во внимание ее универсальность, мало поддающуюся временному воздействию. Учтем тот парадоксальный факт, что многие сугубо российские проблемы после революции 1917 г. исследовались только за пределами страны. Многие понятия, сущностно необходимые для решения вопросов национальной жизни, долгие годы взращивались и культивировались вне России и лишь недавно стали употребляться в калькированном русскоязычном варианте. Так случилось и с самим термином "менталитет", и с такой специфически русской ментальной категорией, весьма распространенной на Западе, как "Russianness" (дословно - русскость), употребляемой в одном ряду с Englishness, Americanness, Frenchness для качественного определения национальной специфики и ее сравнительных отличий. Или с термином "National identity" ("самоидентификация"), употребляемым сейчас на страницах русской периодики в этом калькированном варианте и стоящим в одном ряду с English identity, etc.

В книге "Русский ум" Хингли задает возможный спектр терминологии, используя упомянутые термины (Russianness, Russian identity) включая и Russian mentality (русский менталитет). Нас привлекает и фундаментальность исследо-

вания, и феноменологический подход (изучение основных феноменов русскости), и неожиданные для русского самовосприятия повороты мысли. Хотя нельзя не отметить и "предупредительный" характер исследования, упреждающего возможные студенческие и вообще читательские оболъщения и иллюзии. Сосредоточимся, однако, лишь на основных, наиболее интересных для нас сейчас моментах исследования. Один из них состоит в признании полярной противоречивости русского менталитета, в любом самоутверждении которого заложено самоотрицание. Оригинален ли здесь Хингли, вся книга которого построена по антиномическому принципу, отражающему, по мнению ученого, суть ментальной природы русских и вынесенному даже в названии глав: "Тезис или антитезис?", "Царизм и антицаризм", "Тоталитаризм и антитоталитаризм" и т.д.? Очевидно, подобная антиномичность присуща как человеческой мысли вообще, так и специфично оценкам русского строя мышления, отражающим его основную структуру, в трудах Н. Бердяева, Н. Лосского, В. Ключевского и многих других русских историков и философов. "Подойти к разгадке тайны, сокрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость, — писал в статье "Душа России" Николай Бердяев. — Тогда русское самосознание освобождается от лживых и фальшивых идеализаций, от отталкивающего бахвальства, равно как и от бесхарактерного космополитического отрицания и иноземного рабства"⁸. Так что в этом подходе, самом по себе, нет ни инновации, ни особой оригинальности — суть состоит в дальнейшем развитии. И развитие это чрезвычайно важно и оригинально само по себе, т.к. при всей аксиоматичности и известности факта полярности "русской души", исследовательскому анализу этот факт подвергался крайне мало и поверхностно.

О возможности сосуществования диаметрально противоположных — не только проявлений национального характера, но и мнений об этих проявлениях — свидетельствуют приведенные Хингли полярные суждения о доброте и одновременно жестокости русского крестьянства: американского ученого Ричарда

Пайпса в книге "Россия при старом режиме" - об исконной щедрости и доброте русской души и русского пролетарского писателя Максима Горького в очерке "О русском крестьянстве" - о природной крестьянской дикости и жестокости. Важный вопрос, если принять во внимание совершенно справедливое суждение Хингли о сугубой укорененности русского менталитета в крестьянской традиции⁹. В каждом из своих историко-литературных обзоров - "Русские писатели и общество в XIX веке" и "Русские писатели и советское общество в 1917-1978 гг."¹⁰ - Хингли уделяет крестьянству в литературе о крестьянстве особое место и особую главу: "Нет более фундаментальной черты в вековом развитии России, нежели огромное преобладание крестьянства в населении страны"¹¹. С одной стороны, истина для русского ума прописная, но тем не менее в индустриальном угаре повсеместно забывалась, а с другой стороны, в самой своей усиленной констатации показывавшая определенную тенденцию британского восприятия. Если, однако, пользоваться установками Хингли, то загадка исторического феномена российского раскрестьянивания коренится в самой природе русского менталитета с его сильнейшими тенденциями самоотрицания и самоотталкивания: революционные преобразования начала века, "опрокинув" исконный общинный¹² крестьянский способ самоорганизации на политическую систему в целом привели к постепенному вырождению первоисточника, признанного "неперспективным".

Особая, доминирующе-формирующая роль крестьянского менталитета в общенациональном, очевидно, обусловила многие черты последнего. Выскажу спорный, учитывая вековое закрепощение русских крестьян тезис, во многом идущий вразрез с мнением о неизгладимом влиянии крепостничества на русский менталитет. Так, к примеру, относительная воляность русского крестьянства по сравнению с западноевропейским, относительная независимость от правительства проистекала из исконной неприкрепленности, непривязанности первых к земле, из свободы перемещения по вольным широким пространствам. Заметим: на протяжении веков,

вплоть до конца XVI столетия, крестьяне признавались свободными членами русского общества и обладали правом свободного перехода с одной земли на другую, о чем свидетельствуют многие исторические источники¹³. Тем не менее, следуя логике английского исследователя, подспудно подводящей читателя к определенным выводам, и огромные территориальные масштабы России, большие незанятые в прошлом пространства (исток русского максимализма по Н. Бердяеву), и подвижность неприкрепленных крестьян может быть причиной удивительной гибкости и подвижности русского характера — способности сменять одну крайность другой или (более умеренный вариант) сменять одно состояние прямо противоположным. А упоминаемое и Хингли этимологическое единство (на русском языке) слова "крестьянин" и "христианин" с исторической точки зрения не только обусловлено функциональной принадлежностью, но и сущностно-содержательно: оно является свидетельством глубинной религиозности как одной из основ русского менталитета.

Как бы то ни было, Хингли уделяет крестьянскому вопросу довольно много внимания, и в монографии "Русский ум", многократно к нему возвращаясь, оспаривает калининский радикализм и односторонность горьковского отрицания, прибегая, к примеру, к мнениям Пушкина и французских путешественников, журналиста Виктора Тиссо и маркиза де Кюстин. Постоянно осмысляя в своих историко-литературных обзорах XIX и XX вв. в главах "Крестьяне" на русскую литературу о крестьянстве, начиная с Пушкина и заканчивая деревенской прозой последних десятилетий как наиболее плодотворным и политически нейтральным, даже оппозиционным направлением "советской постсталинской прозы", Хингли усматривает основное противоречие и в исконно оппозиционной роли русской литературы по отношению к властям, и в исконной оппозиции крестьянства и государства, т.е. крестьянской ментальности и идеологической системы. Парадоксальным фактом русской жизни,

если конкретизировать приведенный выше антитезис (послереволюционное государственное присвоение общинной системы в России), по свидетельству того же Ричарда Пайпса, на которого нередко ссылается Хингли, стало присвоение коммунистической элитой крестьянской – а точнее хозяйской – модели развития, пришедшей на смену европеизированному стилю дворянства. "Как ни парадоксально, хотя революция 1917 г. свершилась во имя создания городской цивилизации и была направлена против "идиотизма деревенской жизни", на самом деле она усилила влияние деревни на русскую жизнь. После свержения и разгона старой европеизированной элиты занявший ее место новый правящий класс в массе своей состоял из крестьян в разных обликах – земледельцев, лавочников и фабрично-заводских рабочих. Поскольку настоящей буржуазии в качестве образца для подражания не было, новая элита инстинктивно строила себя по образцу и подобию деревенского верховода – кулака. И по сей день ей не удалось избавиться от следов своего деревенского происхождения"¹⁴.

Сходные рассуждения и замечания мы находим у Хингли, по-видимому, они отражают достаточно распространенную западную установку в этом вопросе и, насколько мы можем судить по нашему российскому опыту, достаточно здравы: "Даже в городах – скажем, в Москве или в Туле – толпа русских в своих реакциях выказывает более крестьянский характер, нежели, к примеру, толпа в Риме, Мюнхене или Питтсбурге. Ни в коей мере и значение современного крестьянства (в России – А.Б.) не сводится к деятельности миллионов тех, кто официально зарегистрирован как крестьянин. Американский обозреватель Николас Вакар в книге "Истоки советского общества" (1961) высказывает мнение, что советские лидеры смоделировали свою политику на основе не столько марксизма-ленинизма, сколько узкоместнической ментальности, приобретенной ими или их отцами в родных деревнях"¹⁵. Таково лишь одно из свидетельств о парадоксальной противоречивости русской жизни; не просто сосуществования

в ней полярных начал, но — осуществления в самых неожиданных и причудливых формах.

Формы эти достаточно скрупулезно исследуются в монографии Хингли — ее развитие, в соответствии с развитием основного противоречия, он выстраивает по феноменологическому принципу и при этом использует свою основную рецептивную установку, позволяющую западноевропейскому реципиенту, как и всякому другому, сталкивающемуся с постижением инонационального менталитета, преодолеть растерянность перед противоречиями и парадоксами чуждого строя мышления: искать в незнакомом обшье, знакомые черты, т.е. в инонациональном — общечеловеческое¹⁶. Этим принципом обусловлен и феноменологический подход Хингли к решению и объяснению проблемы русской дихотомии: вся книга пестрит графически выделенными и несколько неожиданными для русского читателя обращениями к таким феноменам российской жизни, как "скандал", "вранье" ("ложь"), "произвол", "умиление" и т.п., из которых, в свою очередь, складывается общий феномен русского менталитета. При всей живости такого подхода, нам кажется более продуктивным проникновение в секреты русского менталитета через национальную личность, взятую, как уже говорилось, в типологическом аспекте.

В определении основных типологем русского менталитета, отвечающих его дихотомической природе, мы придерживаемся основных установок отечественных мыслителей — таких как Н.Данилевский, А.Григорьев и др., считавших само понятие "тип" основополагающим и неразрывно связанным с понятием "коренных", "органических" основ культурно-исторической жизни и быта. Рассматривая развитие русского менталитета и жизни общества в целом по принципу оппозиции (конфликтности и ее разрешения), мы вполне можем выявить основные типологические модели, воплощающие основные силы сопротивления идеолого-политической, государственной системе — это исконный традиционализм крестьянства (явление, впрочем, характерное не только для России и соответствующее

щее такому распространенному в Европе, к примеру, ментальному направлению, как консерватизм) и столь же исконная тенденция вольнолюбия, присущая всем слоям русского общества и выражающаяся в самых разных ипостасях — от концептуальной, радикальной революционности до вымороченного шутовства, "вранья" и стихийной странности.

Осмелюсь, однако, заметить, что если у читателя сложилось впечатление о Хингли как о яром приверженце крестьянства и русского традиционализма, это заблуждение будет лежать на совести у автора настоящей работы, цель которой не всеохватность, но выделение некоторых существенных аспектов и методов британского исследования, которые наиболее интересны для решения очерченных в начале статьи задач. Поэтому мы несколько отклоняемся от многих направлений, представленных у Хингли, и теперь уже достаточно освоенных и прошедших, как мода, в России — таких как разоблачение тоталитаризма, сталинизма и т.д., анализ русского царизма, терроризма, развития нигилистических настроений у русской интеллигенции и другие. Отметим, однако, что в своих разоблачительных откровениях и инновациях в последние годы русская мысль во многом шла давно уже пройденным западными русистами и советологами путем. Впрочем, и эта мысль отнюдь не нова и не требует дальнейших пояснений.

Одной из главных и наиболее злободневных для нас, — уже, правда, в продолженном, "оборотном" варианте — является обостренная в книге Хингли проблема взаимосвязи советского и традиционного русского менталитетов. Хотя, надо заметить, к русскому традиционализму отношение у британского ученого весьма противоречиво. Так, он хвалит, скажем, постсталинскую деревенскую прозу за уважение к традиции, объявляет ее орудием сопротивления государственному давлению — и рядом употребляет тот же термин, внося в него негативный антиевропейский (на грани ретроградности и русской отсталости) смысл, тем не менее с уважением признает своего излюбленного автора, Федора Достоев-

ского, сутубым традиционалистом. Очевидно, суть еще и в том, что традиционализм в негативном варианте считается одним из проявлений безликости, аморфности и пассивности в природе русского менталитета: "привычка свыше нам дана, замена счастью она"... Кроме того, русский традиционализм зачастую отождествляется западноевропейскими реципиентами с явлением коллективизма, стоящим в одном ряду с коммунизмом и отторгаемым, к примеру, скептическим Хингли по причине не столько архаичности или рутинности, сколько по идеологическим мотивам. С другой стороны, такое традиционное явление русского духа, как соборность, явно чуждое западному индивидуализму и столь высоко оцениваемое сейчас, как ни странно, в предпринимательской России, — лишь мельком, для объективности упоминается у Хингли как нечто малопонятное, граничащее с мессиянством русской идеи или, к примеру, поиском у Достоевского "загадочного так называемого Нового Мира, знаменующего: духовное обновление всего человечества"¹⁷. Если же рассматривать традиционализм в русле старинного спора славянофилов и западников и усматривать здесь причину возможного отторжения европейским или европеизированным сознанием, надо признать: практика последних лет, вылившаяся во всеобщую усталость, показала несостоятельность и рутинность самой ментальной оппозиции. Обе стороны противоречия в нынешней ситуации оказались равно развернутыми в прошлое — славянское или западное, в заимствование готовых моделей развития и безуспешные попытки приладить их к яро сопротивляющейся, неуправляемой русской жизни.

Здоровый, крепкий традиционализм — как, скажем, консерватизм в Великобритании — в России с ее исконными (и у помещичьего дворянства, и у советской и постсоветской элиты, несмотря на видимую разность ориентаций) крестьянскими основами предполагает сохранение сущностных национальных архетипов и моделей развития, национальной идеи как ментального первообраза и ядра, т.е. верность основных ориентиров и институтов. В типологическом аспекте это

предполагает исследование, к примеру, основного архетипа мудрого крестьянина, традиционного человека, корреспондирующего с ингвовским архетипом мудрого старца, и, таким образом, вписывающегося в общечеловеческий контекст. Возможно и исследование его в сохраненном художественной литературой XIX–XX вв. типологическом варианте – вспомним знаменитых стариков и старух той же деревенской прозы и образы крестьян у Тургенева, Григоровича, Некрасова, Чехова. То есть образы не столько традиционалистов (т.е. концептуально ориентированных людей), сколько наиболее распространенных в российской жизни носителей рассматриваемого феномена.

Возвращаясь к вопросу о коллективной близости, "роевом начале" в природе русского менталитета, мы можем найти у Хингли и "за" и "против". "За" – это и легкость перехода из крайности в крайность (получается как бы размытость национального характера), и тягуче-тягостная монотонность и однообразие русской жизни, некогда породившая и феномен русской хандры, и тип "лишнего человека": от Онегина до Обломова. Откровенное жизнеутверждающее "против" коренится в русской эксцентричности, которая, даже в своих "отрицательных" проявлениях, как, скажем, постоянно упоминаемые Хингли "скандал", "произвол", "вражье" и т.п., никак уж не может быть безличной.

"На многих западных приверженцев русские производят наибольшее впечатление не столько системой правления, сколько приманкой эксцентричности, причудливости и странности. Именно в русской литературе многие иностранцы впервые знакомятся с такими чертами. Однажды утром некий чиновник смотрит в зеркало и обнаруживает, что за ночь его нос таинственным образом исчез с лица. Какого-то полицейского, привязав к медведю, бросают в реку. Собака торжественно читает своему хозяину лекции о правах граждан"¹⁸. Абсурд? Или особое игривое начало в природе русского менталитета, близкое – в корне – к игровой природе западного человека и допускающее любые отклонения от

нормы, здравого смысла и других положительных качеств, отличающих типичного традиционного человека. Сложность дифференциации, однако, состоит в том, что эта известная "вольность" русской жизни также традиционна, архетипична и коренится в первоначалах национального бытия. Одновременно же — как это возможно по принципу антитезиса — она является самоотрицанием традиционализма и нарушением всех его канонов и правил. "Проязвол", "скандал", "вранье" и подобные похвальные явления — все эти излюбленные для Хингли феномены русскости, столь ярко показавшие себя в безудержное и "крутое" начало 90-х гг., несмотря на свою явную национальную окраску, вполне укладываются в мировую типологию странности и чудачества. Будет ли большим преувеличением сравнить, скажем, шукшинского чудика и британского эксцентричного чудака и оригинала, которых столь много в английской литературе? Так или иначе, тип "вольного человека" как особый, антитрадиционалистский и одновременно традиционный феномен русского менталитета, требует специального и тщательного рассмотрения — задача, до сих пор ни историками, ни литературоведами не решенная. Спектр типологической вариативности здесь достаточно широк — от революционности и жестокости (по Хингли, жесткий произвол составляет одну из главных особенностей русскости — воплощаясь, скажем, в мрачно-колоритных фигурах политика Сталина как палача или писателя Достоевского как жертвы) до довольно невинных "чудиков", "странных людей". Отмечаемая Хингли — здесь он как бы приводит коллективную европейскую точку зрения — вольность русских в проявлении чувств во многом обусловлена определенной детскостью в национальном характере, безудержном в своих пристрастиях и иррациональном в всплесках и выплесках. Хорошо это или плохо — другой вопрос, не трубящий для своего разрешения ни умиления, ни великоречивого самоуничтожения.

Подытоживая сказанное, мы можем посоветовать, что много внимания уделили не только европейскому, в част-

ности, британскому восприятию русского менталитета, но и самопрочтению. Что же, если мы изучаем иновосприятие, почему бы не поговорить о проблемах иновосприятия собственного — т.е. некоего ментального самоотстранения, взгляда со стороны? Разучившись за долгие годы программного идеологического развития чувствовать свою живую природу, подавленные бесспорным приоритетом классовой борьбы и прочих необходимых вещей, мы действительно стали иностранцами в собственной стране. Так что, очертив вышеназванные возможные направления в изучении русского менталитета, нам остается скромно встать на сторону иновоспринимающих и занять среди них свое возможное место, пытливно вглядываясь в неисследованные до сих пор глубины и потаенные сферы русского сознания и подсознания. Как подчеркивает оксфордский ученый Рональд Хингли, "многие зарубежные комментаторы пытались анализировать или объяснять мыслительные процессы русских. Между тем загадка русского ума хранит свои секреты по сей день"¹⁹.

-
- 1 Bloch M. *La société féodale*. Paris, 1939-1940. Vol.1-2; Febvre L. *Histoire et psychologie* // *Encyclopédie française*. Paris, 1938. Vol.8; Февр Л. *Бои за историю*. М., 1991.
 - 2 Соловьев В. *Русская идея*. М., 1906; Бердяев Н. *Судьба России*. М., 1990; Лосский Н. *Условия абсолютного добра*. *Характер русского народа*. М., 1991.
 - 3 См., например: Троицкий Е. *Возрождение русской идеи*. М., 1991; *Русская идея и современность*. М., 1992; Карасев Л. *Русская идея: Символика и смысл* // *Вопросы философии*. 1992. № 8.
 - 4 Aizlewood R. *The Return of the "Russian Idea" in Publications, 1988-1991* // *The Slavonic & East European Review*. 1993. Vol.71. № 3. July.
 - 5 *Параллели: Альманах философской компаративистики*. М., 1991. Вып. I. С.30.
 - 6 Hingley R. *The Russian Mind*. London-Toronto-Sidney, 1978.

- 7 В недавней рецензии английского ученого Д.Оффорда на книгу Е.Томпсон "Поиск самоопределения в русской литературе" на первое место ставится проблема "национальной идентификации" и поиска путей ее определения. Главным руслом он считает художественную литературу, которая в России всегда была, по определению Е.Евтушенко, "духовной газетой": *The Slavonic & East European Review*. 1993. Vol.71. № 1. January.
- 8 Бердяев Н. Судьба России. С.10.
- 9 Hingley R. *Op.cit.* P.34.
- 10 Hingley R. *Russian writers & society in nineteenth century*. London, 1977; Hingley R. *Russian writers & Soviet society*. 1917-1978. N.Y., 1979.
- 11 Hingley R. *Russian writers & Soviet society...* P.157.
- 12 Подчеркнем этимологическое сходство терминов (коммунизм) и community (община).
- 13 См.: Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. М., 1903.
- 14 Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С.188.
- 15 Hingley R. *Russian Mind...* P.149.
- 16 *Ibid.* P.22.
- 17 *Ibid.* P.110.
- 18 *Ibid.* P.18.
- 19 *Ibid.* P.21.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (А.В.Голубев)	3
I. РОССИЯ И ЕВРОПА: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	
Россия и Запад: диалектика взаимодействия (И.Г.Яковенко)	8
Восприятие других культур народами Центральной и Юго-Восточной Европы: историография (Е.Ю.Артемова)	21
Россия и Европа в представлениях российского журнала: Н.И.Надеждин (Н.В.Самошина)	31
Николаевская Россия глазами немецкого путешественника: А.фон Такстгаузен (О.А.Потапенко)	40
Образ России в консервативной прессе Веймарской республики: на материале журнала "Ди Тат" (О.В.Зяиченко)	50
Российская интеллигенция в оценке европейских интеллигентов (А.В.Квакин)	66
II. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОПАГАНДА И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ	
"Образ врага" в сознании участников первой мировой войны (Е.С.Сенявская)	75
Советское общество 1930-х годов и формирование внешнеполитических стереотипов (А.В.Голубев)	86
Европейская культура в советской периодике 1930-х годов: журнал "Интернациональная литература" (К.М.Первухина)	116
Культура Третьего рейха через призму советской пропаганды в 1939-1941 гг. (В.А.Невежин)	129
III. ДВА ПОЛЮСА ЕВРОПЫ: РОССИЯ И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ ГЛАЗАМИ ДРУГ ДРУГА	
Пореформенная Россия глазами современников-англичан (А.В.Павловская)	143

Англия конца 60-х - начала 70-х годов XIX века глазами русских (Т.Н.Гелла)	155
Образ Великобритании в представлениях российских дипломатов и военных в конце XIX - начале XX века (Е.Ю.Сергеев)	166
Совязники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907-1917 годах (Е.В.Рудая) . . .	175
Взаимовосприятие культур в инокультурной среде: русские и англичане в Китае (А.Ю.Саран) . . .	184
Особенности восприятия советской культуры в Англии в годы Великой Отечественной войны (Л.Н.Мыцык)	201
Феномен русского менталитета в британской историографии (А.Ю.Большакова)	210

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВОВ

- АВПРФ - Архив внешней политики Российской Федерации
 АВПИИ - Архив внешней политики Российской империи
 Архив РАН - Архив Российской академии наук
 ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации
 РГАЛИ - Российский государственный архив литературы и искусства
 РГИА - Российский государственный военно-исторический архив
 РЦХИДНИ - Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
 ЦДНА МГИАИ - Центр документации "Народный архив" при Московском государственном историко-архивном институте
 ЦАОДМ - Центральный архив общественных движений г. Москвы